Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский государственный нефтяной технический университет»

на правах рукописи

Котельников Алексей Дмитриевич

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА В ДВИЖЕНИИ ЗА НАРОДНУЮ ТРЕЗВОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1865–1917 ГГ.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук Галиуллина С. Д.

Уфа – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..... 3

Глава I. Институционализация движения за народную трезвость в Российской империи……... 52

1.1. Государственная политика регулирования производства и оборота алкогольной продукции……... 52

1.2. Законодательная база движения за народную трезвость…….…….. 75

1.3. Социально-экономические условия формирования движения за народную трезвость в Уфимской губернии……... 96

Глава II. Уфимское губернское попечение о народной трезвости..... 117

2.1. Духовенство в движении за трезвый образ жизни в 1865–1917 гг……... 117

2.2. Структура и деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости (1895–1914 гг.)……. 138

2.3. Губернские государственные и общественные учреждения в борьбе с пьянством…… 159

Глава III. Антиалкогольная кампания в годы Первой мировой войны. 173

3.1. Государственная политика в борьбе за трезвый образ жизни в 1914–1917 гг……... 173

3.2. Комплекс мероприятий антиалкогольной политики в Уфимской губернии…… 186

3.3. Итоги и последствия введения «сухого закона»…….…… 199

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...…….. 212

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ... 217

ПРИЛОЖЕНИЯ…….. 239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современных условиях в Российской Федерации (РФ) особую значимость приобретает задача сохранения и укрепления традиционных ценностей общества. Ключевым элементом этой стратегии выступает формирование трезвого образа жизни многонационального населения страны.

В рамках реализации государственной политики в сфере здравоохранения разработан и утвержден ряд антиалкогольных программ и мероприятий. Например, «Концепция сокращения потребления алкоголя до 2030 года и дальнейшую перспективу» (распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р [1]), конкурс «Трезвое село» в Республике Башкортостан, социальная кампания «Жизнь без алкоголя», запущенная в 2026 г. АНО «Национальные приоритеты» совместно с Министерством здравоохранения РФ.

Проекты представляют собой комплекс мер, направленных на снижение уровня алкогольной зависимости среди населения, профилактику девиантного (отклоняющегося) поведения, связанного с злоупотреблением спиртными напитками, формирование устойчивых установок на трезвый образ жизни и укрепление общественного здоровья в целом. Концепции закладывают методологическую основу для координации усилий различных ведомств и общественных институтов в решении обозначенных задач.

Реализуемые в рамках антиалкогольной политики меры, включающие ограничение продажи спиртных напитков по времени и месту, а также противодействие нелегальному производству и обороту алкоголя, демонстрируют определенную эффективность. Статистические данные фиксируют снижение

[1] Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408113961/ (дата обращения: 10.03.2025).

среднедушевого потребления спиртных напитков и сокращение уровня смертности от алкоголизма и сопутствующих ему заболеваний.

Тем не менее существующие подходы не обеспечивают в полной мере решение проблемы распространения алкогольной зависимости. Это обусловлено сохранением доступности спиртных напитков в отдельных регионах, недостаточной профилактической работой с уязвимыми группами населения и устойчивостью социальных стереотипов, связанных с употреблением алкоголя.

На фоне этого значительный интерес представляет исторический опыт борьбы с пьянством, в том числе практика государственно-общественного партнерства в Российской империи, ярким примером которой служит Уфимское губернское попечение о народной трезвости. Традиции опеки и попечительства, сложившиеся в дореволюционный период и основанные на тесном взаимодействии власти и общества, демонстрировали впечатляющие результаты. Поэтому внедрение опыта Российской империи в вопросе борьбы с пьянством на общегосударственном и региональном уровнях с адаптацией под современные реалии и условия может внести колоссальный вклад в развитие движения за трезвый образ жизни на современном этапе.

Социально-экономическое благополучие и здоровье граждан – вопрос национальной безопасности и стабильного будущего любого современного государства. Объективное изучение и переосмысление исторического опыта движения за народную трезвость в Уфимской губернии как неотъемлемой части социальной защиты населения поможет выработать более совершенную модель антиалкогольной политики в Российской Федерации.

Объект исследования – государственно-общественное партнерство в движении за народную трезвость в Уфимской губернии 1865–1917 гг.

Предмет исследования – формы, направления и динамика сотрудничества государственных органов (губернская администрация, полиция и земства) и общественных сил (попечительства о народной трезвости, общества трезвости, религиозные и просветительские объединения) в борьбе за народную трезвость в Уфимской губернии (1865–1917 гг.).

Цель исследования: комплексное изучение и анализ деятельности государственных структур и представителей общественности в движении за народную трезвость в Уфимской губернии 1865–1917 гг.

Для достижения цели, поставленной в диссертационной работе, были определены **следующие задачи исследования**:

1) проследить эволюцию рынка алкогольной продукции и осветить особенности его государственно-правового регулирования на разных этапах исторического развития;

2) проанализировать законодательную базу, направленную на борьбу за народную трезвость в Российской империи;

3) рассмотреть социально-экономические условия становления и развития Уфимского губернского попечения о народной трезвости;

4) осветить деятельность духовенства в движении за трезвый образ жизни в Уфимской губернии в 1865–1917 гг.;

5) показать структуру и деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости, отразив систему государственно-общественного партнерства в борьбе с пьянством;

6) оценить вклад губернских государственных и общественных учреждений, боровшихся с пьянством совместно с Уфимским попечительством о народной трезвости;

7) проанализировать особенности государственной политики в движении за народную трезвость в годы Первой мировой войны;

8) рассмотреть комплекс мероприятий в борьбе с пьянством в Уфимской губернии 1914–1917 гг.;

9) оценить итоги и последствия антиалкогольной кампании в годы Первой мировой войны.

Территориальные рамки исследования охватывают Уфимскую губернию. Согласно Высочайшему указу Правительствующего Сената Российской империи от 31 мая 1865 г. произошло выделение Уфимской губернии

из состава Оренбургской [2] : «Для устранения затруднений и неудобств в управлении нынешнею Оренбургскою губерниею и в видах лучшаго устройства местной администрации»[3].

Уфимская губерния занимала площадь в 107210 квадратных верст и насчитывала, по состоянию на 1 января 1885 г., 1835630 жителей: 906838 мужчин и 928792 женщин [4] . Население уфимского края было многонациональным и поликонфессиональным. Преобладало крестьянское сословие.

В Уфимской губернии были развиты товарно-денежные отношения. Основными товарами являлись мех, металлопрокат, хлеб, кожа, уголь, черные и цветные металлы [5] . Развивались железнодорожное сообщение и речное судоходство.

Достаточное развитие получило сельское хозяйство [6] . Благоприятные климатические условия и плодородные земли предопределили широкое распространение сельскохозяйственных культур. В Уфимской губернии культивировались рожь, ячмень и пшеница, которые служили сырьем для промышленного и домашнего производства алкогольных напитков. Регион отличался развитой промышленной инфраструктурой, включавшей крупные винокуренные заводы. Согласно статистическим данным в 1886 г. на территории губернии действовало 11 винокуренных заводов, чья продукция в основном предназначалась для удовлетворения спроса местного населения[7].

Хронологические рамки исследования. В качестве хронологических рамок исследования был определен период 1865–1917 гг.

---

[2] ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. XL (1865). № 42058. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1867. С. 477.
[3] Там же. № 42058. С. 477.
[4] Обзор Уфимской губернии за 1885 год. Уфа: Типография губернского правления, 1886. С. 13.
[5] Обзор Уфимской губернии за 1898 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1900. С. 38.
[6] Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. С. 2–3.
[7] Обзор Уфимской губернии за 1886 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1887. С. 8.

В 1865 г. согласно Высочайшему указу Правительствующего Сената Российской империи произошло выделение Уфимской губернии из состава Оренбургской[8]. В этот исторический период произошло внедрение губернского попечения о народной трезвости как неотъемлемой части социальной защиты населения. После Октябрьской революции 1917 г. Уфимское губернское попечение о народной трезвости было упразднено.

Таким образом, нижней границей настоящего научного исследования был определен 1865 г., а верхней – 1917 г.

Движение за народную трезвость в Уфимской губернии целесообразно разделить на 3 исторических периода:

1) 1865–1894 гг. – период акцизной системы регулирования алкогольного рынка. Главной силой в борьбе за трезвый образ жизни выступало духовенство, преследовавшее культурно-просветительные и воспитательные цели. Важным шагом в искоренении пьянства стало открытие обществ и братств трезвости, а также церковно-приходских попечительств, направленных на привлечение пожертвований и неравнодушных граждан для борьбы с пьянством, в разных уголках губернии при поддержке Уфимской и Мензелинской епархии. Неотъемлемой частью деятельности духовенства было распространение грамотности и знаний о здоровом образе жизни, что выражалось в поддержке училищ, открытии школ для крестьянских детей и детских обществ трезвости;

2) 1895–1914 гг. – период винной монополии. Важным событием для губернии стало создание 1 января 1895 г. Уфимского попечительства о народной трезвости, состоявшего из губернского и 6 уездных комитетов[9]. Попечительство о народной трезвости имело свою организационную структуру, устав, цели и задачи, намеченные в рамках питейной реформы 1894 г.[10]. Данное учреждение вело разнонаправленную и плодотворную деятельность

[8] ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. XL (1865). № 42058… С. 477.
[9] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т.XIII (1893). № 9740. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1897. С. 411.
[10] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т.XIV (1894). № 11152. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1898. С. 682.

в 1895–1914 гг., сплотив местные органы государственной власти и передовых представителей общества (государственно-общественное партнерство) в борьбе с пьянством. Уфимское попечительство о народной трезвости выступило центральным органом, координировавшим и поддерживавшим другие общественные и государственные структуры в борьбе с пьянством.

Отдельно следует отметить, что выбор 4 восточных губерний (Оренбургская, Пермская, Самарская и Уфимская) для эксперимента по введению государственной винной монополии был обусловлен 2 ключевыми факторами:

а) обособленность региона. Заволжский район (Оренбургская, Пермская, Самарская и Уфимская губернии) был достаточно изолирован от других частей империи. Это позволяло минимизировать внешнее влияние и точнее оценить эффект от смены системы питейной торговли на местном уровне;

б) сильное влияние частной монополии. В этих губерниях особенно ярко проявлялось доминирование частных виноторговцев, которое вело к негативным последствиям для населения: завышению цен, ухудшению качества продукции и другим злоупотреблениям. Не случайно именно на территории Поволжья в 1850–1860 гг. прокатилась волна антиалкогольных крестьянских выступлений, сопровождавшихся погромом питейных заведений.

Таким образом, выбор 4 восточных губерний, в том числе и Уфимской, был продиктован как практическими соображениями контроля и изоляции, так и острой социальной проблемой, требовавшей государственного решения;

3) 1914–1917 гг. – антиалкогольная кампания в годы Первой мировой войны. Комплекс мер в рамках антиалкогольной кампании 1914–1917 гг. стал закономерным продолжением трезвеннической борьбы, начатой в период винной монополии. Однако на данном этапе преобладали репрессивные и ограничительные методы в борьбе с пьянством с опорой на поддержку и сочувствие местного населения.

Однако проблема попечения о народной трезвости в Уфимской губернии имеет многогранный характер и требует всестороннего анализа ключевых этапов становления и развития трезвеннического движения, а также изучения

особенностей законодательного регулирования алкогольного рынка. В связи с этим освещение отдельных аспектов рассматриваемой проблемы неизбежно выходит за установленные хронологические рамки исследования.

Научная новизна исследования. В диссертационной работе представлена комплексная структура Уфимского губернского попечения о народной трезвости как одной из надежных форм социальной защиты, что до настоящего времени не являлось предметом специального научного исследования. Впервые рассмотрена деятельность духовенства Уфимской губернии по организации обществ трезвости, церковно-приходских попечительств и воспитательной работе с населением, система государственно-общественного партнерства в борьбе с пьянством при винной монополии 1895–1914 гг. и антиалкогольной кампании 1914–1917 гг. Особый научный интерес представляет изучение становления и развития Уфимского попечительства о народной трезвости.

Источниковая база исследования опирается прежде всего на официальные законодательные акты, зафиксированные в многотомном «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ РИ), а также на периодические отчеты Уфимского попечительства о народной трезвости. Существенную часть источников составляют архивные документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ, г. Уфа), впервые введенные в научный оборот.

Кроме того, решение задач, поставленных в рамках диссертационной работы, потребовало применения методов исследования и понятийного аппарата таких наук как история, социология, юриспруденция и экономика. Поэтому широко применялись междисциплинарные методы исследования, позволившие выявить причины и формы потребления спиртных напитков в разных сословиях и социальных группах, оценить итоги внедрения винной монополии и антиалкогольной кампании в годы Первой мировой войны с опорой на обширный статистический материал.

Степень научной разработанности темы. Историографию по теме исследования можно разделить на следующие периоды: дореволюционный (до 1917 г.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (с 1991 г.).

Дореволюционный период. Рассматриваемый период ознаменовался становлением основ научного изучения движения за народную трезвость в Российской империи. Систематизация научных трудов представляется наиболее целесообразной в соответствии с ключевыми этапами эволюции питейного дела, включавшими откупную и акцизную системы, казенную продажу питей (винную монополию), а также антиалкогольную кампанию 1914–1917 гг.

Фундаментальным научным трудом, охватившим одновременно несколько периодов развития алкогольного рынка в России, стала книга историка и публициста И. Г. Прыжова. В своем исследовании автор проанализировал обширный исторический период и социально-экономические процессы, протекавшие в государстве. И. Г. Прыжов пришел к выводу, что питейное дело являлось значимой статьей дохода государственного бюджета[11].

И. Г. Прыжов убедительно доказал, что российское правительство рассматривало алкоголь как принципиально новый источник доходов и целенаправленно стремилось монополизировать этот сегмент внутреннего рынка[12]. В подтверждение своих слов автор приводил характерный исторический пример: «Запретили курить вино и сказали, чтоб «средним и молодчим людям пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячего и лучшим людям курить не давать». Явно велено было покупать вино на кабаке»[13].

В своем исследовании И. Г. Прыжов также детально изучил движение за народную трезвость, уделив особое внимание антиалкогольным крестьянским бунтам 1858–1860 гг. Ключевым историческим этапом стал переход от винных откупов к акцизной системе налогообложения алкогольного рынка с 1 января

---

[11] Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: издательство «М. О. Вольф», 1868. 320 с.

[12] Котельников А. Д. Историографический обзор становления и развития движения за народную трезвость в Российской империи // Современная научная мысль. 2025. № 4. С. 168–180.

[13] Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа… С. 47.

1863 г., что повлекло за собой масштабные трансформации. В ответ на рост народного пьянства правительство реализовало ряд мер: ограничение мест свободной продажи спиртного, отстранение от торговли недобросовестных граждан и ужесточение контроля за промышленным производством алкоголя[14].

Выводы И. Г. Прыжова нашли подтверждение в исследованиях других ученых. Российский правовед М. О. Гредингер осуществил комплексное исследование нормативно-правовой базы, регулировавшей рынок алкогольной продукции и меры противодействия пьянству на различных этапах истории Российской империи. В ходе анализа автор подверг критической оценке государственные инициативы по пропаганде трезвого образа жизни, констатировав устойчивый рост объемов производства и реализации спиртных напитков на внутреннем рынке. Особое внимание в работах М. О. Гредингера уделено проблеме неравномерного распределения потребления алкоголя между различными социальными группами: «размеры душевого потребления алкоголя далеко не совпадают со степенью распространения в данной стране пьянства, для характеристики котораго не то важно, сколько вина выпивается массою населения, а то, как оно выпивается»[15].

В ходе анализа алкогольного рынка и движения за народную трезвость в период действия акцизной системы российский ученый И. А. Сикорский выявил фундаментальные противоречия в социально-экономической политике Российской империи. По наблюдениям автора, финансовые приоритеты и сложности государственного бюджета неизбежно приводили к тому, что меры по укреплению трезвости и нравственности носили преимущественно декларативный характер: «финансовыя соображения и трудность государственнаго бюджета неминуемо приводили к тому, что заботы о нравственности носили до известной степени платонический характер, и рядом с попытками ограничивать распространение пьянства в народе, поощрялось

[14] Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа… С. 33–37.
[15] Гредингер М. О. Основы питейной монополии в России. Пернов: издание книжного магазина Э. Трейфельдта, 1897. С. 61.

увеличение питейных сборов»[16]. Систематическое повышение правительством акцизных и патентных сборов с целью пополнения казны сопровождалось ростом объемов производства и реализации спиртных напитков, что в итоге привело к усугублению проблемы народного пьянства.

Кроме того, правовед и экономист В. А. Лебедев провел анализ последствий введения акцизной системы. Автор разделял позицию Министерства финансов Российской империи в вопросе упразднения деятельности винных откупщиков как нежелательного явления с социальной и экономической точек зрения. Но вместе с тем отмечалось, что «вино составляет глубоко укоренившуюся народную потребность»[17]. В. А. Лебедев сделал заключение, что внедрение акцизной системы позволило упорядочить деятельность производителей и продавцов спиртных напитков и сократить число питейных заведений. Однако потребление алкоголя среди малообеспеченных и необразованных категорий населения продолжило расти. Автор считал, что проблема заключается в тайном винокурении, коррупции среди государственных служащих и пассивной деятельности обществ трезвости, деятельность которых правительство не запрещало, но при этом и не поощряло.

В Российской империи активно велись научные исследования, нацеленные на выявление причин распространения народного пьянства как социокультурного феномена. Писатель и общественный деятель А. В. Глебов в своем исследовании акцизной системы налогообложения алкогольного рынка проанализировал факторы, способствовавшие широкому распространению спиртных напитков среди отдельных социальных групп[18].

А. В. Глебов трактовал пьянство как следствие устойчивых многолетних традиций, низкого уровня культуры и образования, а также массовой нищеты. В частности, автор подчеркивал: «бедность, нужда, тяжелый труд, недостаток

---

[16] Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело. Киев: типография товарищества «И. Н. Кушнерев и К^0», 1897. С. 10.
[17] Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: типография Правительствующего Сената, 1898. С. 36.
[18] Глебов А. В. Борьба с пьянством. СПб.: издательство Н. Еремина, 1910. 32 с.

просвещения – все это содействует росту пьянства и поддерживает его»[19]. По мнению автора, преодоление народного пьянства возможно исключительно посредством распространения просвещения и повышения уровня благосостояния населения.

А. В. Глебов предлагал внедрять и развивать систему государственно-общественного партнерства в движении за народную трезвость как принципиально новую форму взаимодействия правительственных ведомств и обществ трезвости, которым необходимо было предоставить широкие полномочия: «Доступ в общества должен быть открыт всем, без различия пола, партии, племени и веры»[20]. По мнению автора, приоритетное внимание следовало уделять реализации комплекса превентивных мер, включавших в себя масштабную воспитательную и культурно-просветительную работу среди социально уязвимых групп населения, характеризовавшихся низким уровнем доходов и образования.

А. В. Глебов также выдвигал предложение о передаче функций надзора за питейной торговлей в ведение обществ трезвости. Как отмечал исследователь: «Подобный надзор – неизбежное, хотя и неприятное дело, и он должен быть делом общественным, во имя общественнаго же блага»[21]. Однако данная концепция осталась на уровне теоретических рассуждений и не была воплощена в жизнь. В рассматриваемый исторический период общества трезвости не обладали достаточными полномочиями для реализации подобных надзорных функций.

Аналогичных взглядов в борьбе с народным пьянством придерживался Дмитрий Андреевич Дриль – российский криминолог и магистр права. Д. А. Дриль утверждал, что необходимо совершенствование юридической базы и проведение социально-экономических реформ для улучшения жизни рабочего класса, который в большинстве своем являлся наиболее уязвленной частью

[19] Глебов А. В. Борьба с пьянством… С. 17.
[20] Там же. С. 25–26.
[21] Там же. С. 25.

общества наряду с крестьянством[22]. Немалую роль автор уделял и развитию духовно-нравственных ценностей: «улучшение воспитания и распространение истинно нравственных понятий в обществе могло бы сыграть могущественную роль в борьбе с алкоголизмом»[23].

Таким образом, акцизную систему регулирования алкогольного рынка следует охарактеризовать как период становления движения за народную трезвость в Российской империи. Ряд исследователей отмечал, что правительство предприняло важные шаги в вопросе систематизации питейной торговли и пресечении злоупотреблений. Однако движение за народную трезвость не приобрело форму самостоятельного социального института, который сплотил бы представителей разных сословий, групп и категорий граждан в борьбе с народным пьянством.

Значительный пласт научных исследований посвящен винной монополии, введенной министром финансов Российской империи С. Ю. Витте в 1894 г., которая ознаменовала коренные преобразования в функционировании алкогольного рынка. Ученые Д. Н. Бородин, А. И. Буловский, В. А. Лебедев, Н. О. Осипов и С. И. Соколов рассматривали винную монополию как важный этап в борьбе за народную трезвость[24]. В их трудах представлен обширный фактический материал, включавший данные об объемах потребления спиртных напитков и методах противодействия пьянству в Российской империи[25].

---

[22] Дриль Д. А. Некоторые из причин массового алкоголизма и вопрос о средствах борьбы с ним (доклад, читанный в комиссии по вопросу об алкоголизме 24 октября 1898 года). СПб.: типография П. П. Сойкина, 1899. 18 с.; Его же. Положения к докладу Д. А. Дриль: «Пьянство, его последствия и законодательные меры против», назначенному к слушанию 28 марта 1888 года. М.: типография А. И. Мамонтова и К°, 1888. 2 с.

[23] Дриль Д. А. Положения к докладу Д. А. Дриль: «Пьянство, его последствия и законодательные меры против», назначенному к слушанию 28 марта 1888 года… С. 3.

[24] Котельников А. Д. Историографический обзор становления и развития движения за народную трезвость в Российской империи… С. 170–171.

[25] Бородин Д. Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб.: типография «Самокат», 1908. 143 с.; Буловский А. И. Казенная винная монополия. СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1898. 31 с.; Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: типография Правительствующего Сената, 1898. 106 с.; Осипов Н. О. Винная монополия, ее основные начала, организация и некоторые последствия. СПб.: типография «П. П. Сойкина», 1899. 125 с.; Его же. Казенная продажа вина (Основные начала винной монополии и способы ее осуществления). СПб.: Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей,

В работах рассмотрены ключевые аспекты социально-экономической политики правительства Российской империи в конце XIX – начале XX вв., а также отдельные элементы нормативно-правового регулирования алкогольного рынка. Особое внимание в исследованиях уделено анализу попечительства о народной трезвости как значимого государственно-общественного института Российской империи. Подчеркнута его ключевая роль в консолидации представителей различных сословий и социальных групп, включая государственных служащих, для организации совместной борьбы с распространением пьянства. Институт попечительства выступал механизмом интеграции усилий власти и общества в решении актуальной социальной проблемы.

Например, В. А. Лебедев подчеркивал, что новые правила придали попечительствам о народной трезвости официальный статус, «облекли их широким правом наблюдения за питейною торговлею и возложили на них обязанность принимать активныя меры для отвлечения народа от неумереннаго употребления вина»[26].

Писатель и публицист Н. О. Осипов, в свою очередь, рассматривал питейную реформу как попытку правительства решить ряд взаимосвязанных задач. По его оценке, первоочередными целями стали стремление «отрезвить народ, урегулировать торговлю вином, сделать ее честной, дать народу образование, привлечь общественныя силы для борьбы с пьянством и затем уже заботиться об интересах фиска»[27].

В свою очередь А. И. Буловский, статский советник, думский врач и чиновник особых поручений отдела казенной продажи питей Министерства финансов Российской империи, отмечал: «необходимо, чтобы в борьбе с неумеренным потреблением крепких напитков принимали участие все лучшие

1900. 555 с.; Соколов С. И. Казенная продажа питей. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1898. 432 с.

[26] Лебедев В. А. Питейное дело… С. 71.

[27] Осипов Н. О. Винная монополия… С. 6; Котельников А. Д. Историографический обзор становления и развития движения за народную трезвость в Российской империи… С. 171.

люди общества, которые, сделавшись членами попечительств и будучи хорошо знакомы с бытом, нравами и привычками населения, могут оказать значительное содействие…»[28].

Кроме того, юрист и общественный деятель Д. Н. Бородин подчеркивал, что создание попечительств о народной трезвости в районах казенной продажи питей стало значимым этапом в развитии трезвеннического движения. Эти организации, наделенные существенными полномочиями на общероссийском уровне, призваны были выполнять функцию связующего звена между общественными структурами и органами государственной власти: «Для того, чтобы питейная реформа представляла действительное орудие борьбы с пьянством, правительство поставило себе задачею привлечь к этой борьбе общественные элементы» [29] . При этом исследователь констатировал, что, несмотря на повышение качества казенной водки и вина, масштабы тайного винокурения продолжали расти.

Д. Н. Бородин подчеркивал, что лишь объединение усилий государственных ведомств и общественных структур способно придать новый импульс развитию движения за народную трезвость в Российской империи. Автор настаивал на необходимости государственной поддержки деятельности обществ трезвости как значимых социальных институтов. В работах исследователя алкоголизм рассматривался как угроза, затрагивавшая медицинскую, культурную и социальную сферы жизни общества[30].

В подтверждение доводов Д. Н. Бородина о том, что пьянство несомненно представляет огромную угрозу с медицинской точки зрения, следует обратиться к трудам врача и писателя П. С. Алексеева, который активно изучал влияние алкогольных напитков на душевное и физическое состояние человека[31]. Автор

---

[28] Буловский А. И. Казенная винная монополия… С. 30–31.
[29] Бородин Д. Н. Итоги винной монополии и задачи будущего… С. 87.
[30] Бородин Д. Н. Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая типо-литография Виленчик, 1909. 37 с.
[31] Алексеев П. С. Чем помочь великому горю. Как остановить пьянство. М.: типография «Ломоносов», 1912. 46 с.; Его же. О вреде употребления крепких напитков. М.: типография

считал, что «каждый обязан внести свою лепту, и никто не в праве отказаться от посильной помощи в этом деле; кто уверен в самом себе должен бросить пить ради других, обязан дать пример самим собою»[32].

В рассматриваемый период появлялось множество не только положительных, но и негативных отзывов и заявлений о государственной винной монополии. Следует выделить научные исследования Ю. Н. Кононовича, П. И. Полякова, Н. Н. Епифанова, И. А. Сикорского, С. Е. Красножена и А. В. Глебова. В результате проведенного комплексного анализа авторы пришли к выводу, что движение за народную трезвость в Российской империи изначально было обречено на неудачу. Ключевой причиной неэффективности данного движения выступала зависимость государственного бюджета от доходов, формировавшихся за счет алкогольного рынка[33].

Например, публицисты И. А. Сикорский и А. В. Глебов, проведя анализ периодических отчетов Министерства финансов Российской империи, установили цели питейной реформы 1894 г.: повышение качества спиртных напитков, сокращение их потребления до разумных пределов и пополнение государственного бюджета. При этом авторы подчеркивали, что правительство изначально не предусматривало реализации масштабной антиалкогольной кампании, нацеленной на полное прекращение потребления спиртных напитков населением.

Согласно официальной статистике, Министерству финансов Российской империи удалось достичь существенных результатов в упорядочении деятельности алкогольного рынка: было налажено стабильное производство

И. Д. Сытина и К°, 1888. 106 с.; Его же. О пьянстве. М.: редакция журнала «Русская мысль», 1891. 185 с.

[32] Алексеев П. С. Чем помочь великому горю. Как остановить пьянство… С. 42.

[33] Поляков П. И. Православное духовенство в борьбе с народным пьянством. СПб: типография П. П. Сойкина, 1900. 22 с.; Кононович Ю. Н. Пьянство хуже смерти: трезвые мысли о нашем всенародном несчастии. Казань: типо-литография императорского университета, 1912. 20 с.; Епифанов Н. Н. Записка по вопросу «Чем может и должно быть питейное дело на Руси?». Баку: типография А. К. Касабова, 1906. 272 с.; Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело. Киев: типография товарищества «И. Н. Кушнерев и К^0», 1897. 56 с.; Красножен С. Е. Борьба с пьянством и казенная винная монополия в России. Юрьев: типография Шнакенбурга, 1901. 48 с.; Глебов А. В. Борьба с пьянством. СПб.: издательство Н. Еремина, 1910. 32 с.

качественного и безопасного продукта для потребителя и значительно увеличены доходы Государственного казначейства. Однако, И. А. Сикорский отмечал, что ликвидация заведений, осуществлявших распивочную продажу спиртных напитков, привела к трансформации форм потребления алкоголя и развитию уличного пьянства. Исследователь указывал: «Распитие невозможное в винных лавках, открыло для себя другия места. Распитие происходит отчасти на улицах, где клиенты откупоривают казенную посуду и без чувства стыда и стеснения пьют вино прямо из казенной посуды»[34].

Таким образом, можно сделать важный вывод. Правительство Российской империи проводило достаточно противоречивую внутреннюю социально-экономическую политику. С одной стороны, в губерниях и областях, где внедрялась государственная винная монополия, создавались попечительства о народной трезвости как новая форма взаимодействия государственных служащих и представителей общественности в борьбе с пьянством. Однако, с другой стороны, на общероссийском и региональном уровнях отчетливо прослеживалась противоположная тенденция – расширение рынка спиртных напитков ради пополнения государственного бюджета. Это противоречие существенно снижало эффективность культурно-просветительной и воспитательной деятельности попечительств о народной трезвости.

Согласно воспоминаниям графа С. Ю. Витте, инициатора питейной реформы 1894 г., на первоначальном этапе реализации винной монополии действительно предусматривалось снижение уровня народного пьянства. При этом сам С. Ю. Витте признавал, что «общее отрезвление народа, прочное его отрезвление – возможно и мыслимо только посредством широкого распространения культуры, образования и материального достатка»[35].

Со временем «фискальные» интересы государства вышли на первый план, что стало следствием нараставших экономических и политических проблем и

[34] Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело… С. 30.
[35] Витте С. Ю. Воспоминания. Том II. М.: издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 76.

противоречий. С целью покрытия дефицита государственного бюджета Министерство финансов Российской империи инициировало дальнейшее расширение алкогольного рынка. Ряд исследователей критиковал правительство за формальный характер деятельности губернских и областных комитетов попечительств о народной трезвости, отмечая, что эти организации не обладали реальными полномочиями для эффективной борьбы с пьянством.

К примеру, юрист и экономист С. Е. Красножен высказывался в поддержку учреждения попечительств о народной трезвости в районах действия винной монополии, однако критически оценивал эффективность их деятельности, отмечая ее пассивный характер. По мнению исследователя, ключевая причина заключалась в специфике состава попечительств о народной трезвости: «Причиною того, служит то обстоятельство, что главный состав попечительств носит на себе чисто оффициальный характер; частные лица в них допускаются только с правом совещательнаго голоса» [36] . Кроме того, С. Е. Красножен подчеркивал, что руководящие должности в данных организациях занимали государственные чиновники, чьи основные служебные обязанности не позволяли им уделять достаточно внимания развитию системы попечения о народной трезвости.

Кроме того, М. Д. Челышев, политический деятель и общественный активист, неоднократно критиковал деятельность попечительств о народной трезвости в ходе заседаний Государственной Думы Российской империи III созыва. В своих мемуарах он давал следующую оценку работе данных организаций: «широко поставленныя задачи оказались для них невыполнимыми» [37] . По мнению М. Д. Челышева, основными причинами неэффективности попечительств о народной трезвости в губерниях и областях являлись недостаточное финансирование и формальный характер их деятельности.

---

[36] Красножен С. Е. Борьба с пьянством и казенная винная монополия в России… С. 39.

[37] Челышев М. Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб.: типография Алекс.-Нев. общества трезвости, 1912. С. 489.

М. Д. Челышев в обоснование своей критики попечительств о народной трезвости опирался на статистические данные, которые демонстрировали две взаимосвязанные тенденции: планомерное сокращение финансирования данных организаций и одновременное расширение сети винных лавок на российском рынке. В своих рассуждениях исследователь подчеркивал формальный характер государственной заботы о трезвости, приводя следующий аргумент: «продолжали бы и дальше убавлять, но убоялись: все-таки это для народа ширмы, и мы мол тоже заботимся о вашей трезвости…»[38].

Внедрение государственной винной монополии в 1894 г. ознаменовало начало становления и развития государственно-общественного партнерства в движении за народную трезвость в Российской империи. При поддержке правительства в регионах казенной продажи питей учреждались комитеты попечительства о народной трезвости. Эти органы выполняли функцию связующего звена между государственной властью и представителями различных сословий и социальных групп, обеспечивая координацию действий в борьбе с распространением пьянства.

Однако ряд исследований по теме движения за народную трезвость отмечал пассивный характер работы попечительств о народной трезвости, бюрократические рамки, недостаток финансовых вложений со стороны государства и ограничение прав и полномочий общественных активистов. Главная причина – огромный финансовый интерес к системе винной монополии со стороны правительства.

Между тем в правительственных и общественных кругах постепенно складывалось мнение, что необходимо избавить государственный бюджет от прямой зависимости от рынка алкогольной продукции. Требовался поиск и внедрение альтернативных источников получения доходов. Именно антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. стала важным этапом в движении за народную трезвость, ознаменовавшим крупномасштабные преобразования

[38] Челышев М. Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам… С. 488.

в социально-экономической сфере. Наиболее ценными и содержательными являлись научные изыскания И. Н. Введенского, В. Я. Канеля и А. Л. Мендельсона[39].

И. Н. Введенский, занимавший должность заведующего Лечебницей для алкоголиков и нервнобольных Московского столичного попечительства о народной трезвости, в своих выводах опирался преимущественно на статистические данные и отчеты о динамике заболеваемости алкоголизмом в гг. Москве и Петрограде. На основе анализа этих материалов он отмечал позитивные изменения в общественной обстановке: «исчезли знакомые картины уличного пьянства, скрылись пьяные, растерзанные фигуры, оглашавшие улицы непристойной бранью…»[40]. Автор пришел к заключению, что внедрение «сухого закона» в первые месяцы Первой мировой войны позволило военным ведомствам провести быструю мобилизацию, при этом избежав беспорядков и хаоса.

И. Н. Введенский в обоснование своей позиции приводил статистические данные по гг. Москве и Петрограду, которые демонстрировали сокращение числа больных с психическими расстройствами, случаев самоубийств и тяжелых форм алкогольного опьянения. Вместе с тем исследователь не игнорировал негативные последствия проведенной реформы. Отмечался многократный рост случаев отравления денатурированным и древесным спиртом, одеколоном и иными алкогольными суррогатами. И. Н. Введенский подчеркивал, что «с исчезновением водки образовалась в бытовом укладе народа пустота, которую жизнь стремится заполнить и это приспособление к новым условиям принимает формы болезненные и опасные»[41].

При этом антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. преимущественно основывалась на репрессивных и ограничительных мерах со стороны государственных ведомств. Деятельность общественных структур, в частности

---

[39] Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М.: Московское столичное попечительство о народной трезвости, 1915. 44 с.; Канель В. Я. Алкоголизм и борьба с ним. М.: типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. 532 с.; Мендельсон А. Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Петроград: Государственная типография, 1916. 54 с.

[40] Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости... С. 8.

[41] Там же. С. 23.

обществ трезвости и попечительств о народной трезвости, по-прежнему расценивалась как социально полезная, но приобретала в большей степени второстепенную функцию[42].

В. Я. Канель, доктор медицины, земский врач и активный участник борьбы за охрану здоровья рабочих на фабриках и заводах Российской империи, настаивал, что повсеместное ограничение спиртных напитков не является единственно верным средством в борьбе с народным пьянством. Необходимо, по замечанию автора, повышение уровня образования и культуры, финансовой грамотности населения, а также внедрение альтернативных способов проведения досуга, не связанного с потреблением спиртных напитков: «невежество играет большую отрицательную роль в отношении совращения людей с пути истины и в создании болезненной наклонности к спиртным напиткам»[43].

Доктор медицины А. Л. Мендельсон приводил аналогичные статистические сведения о снижении уровня преступности и хулиганства, больных алкоголизмом и психическими расстройствами после утверждения новой реформы в 1914 г. При этом автор отмечал, что в вопросе искоренения подпольного производства и продажи суррогатного алкоголя гражданское общество и государственные ведомства должны идти рука об руку: «В безпощадной борьбе с тайною продажею питей и тайным винокурением административная власть и общественныя управления должны идти рука об руку с общественными и профессиональными организациями»[44].

Таким образом, антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. выступила значимым мобилизационным фактором в условиях военного времени. Для данного периода характерно преобладание ограничительных, запретительных и репрессивных мер в рамках политики продвижения народной трезвости. Масштабное сокращение производства и реализации спиртных напитков спровоцировало рост нелегального винокурения и изготовления суррогатных

---

[42] Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости... С. 12.
[43] Канель В. Я. Алкоголизм и борьба с ним… С. 433.
[44] Мендельсон А. Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства… С. 49.

крепких алкогольных напитков. При этом правительство продолжало рассматривать участие общественности в борьбе с пьянством как важную часть реализуемой антиалкогольной политики, хотя и с определенными дополнениями и корректировками.

Дореволюционный период характеризуется наличием достаточно объемного массива научных трудов по рассматриваемой проблеме. Очень подробно и всесторонне освещена деятельность попечительства о народной трезвости как важного государственно-общественного учреждения и социального института. Кроме того, немало внимания в исследованиях уделено социально-экономическим особенностям развития питейного дела в России.

Следует подчеркнуть, что откупная и акцизная системы регулирования алкогольного рынка в Российской империи не располагали развитой нормативно-правовой базой в контексте движения за народную трезвость. Определенные успехи в борьбе с пьянством были достигнуты лишь в период казенной продажи питей, сопровождавшийся созданием попечительств о народной трезвости и формированием механизмов государственно-общественного взаимодействия. Вместе с тем ряд исследователей критически оценивал деятельность попечительств о народной трезвости, указывая на жесткие бюрократические рамки в их функционировании и недостаточное финансирование со стороны правительства.

При этом в дореволюционной историографии наблюдается существенный дефицит научных работ, посвященных становлению и развитию государственно-общественного партнерства в рамках движения за народную трезвость на региональном уровне. В частности, остаются недостаточно изученными особенности реализации трезвеннических инициатив с учетом социальных, культурных и экономических характеристик отдельных административно-территориальных единиц Российской империи.

Советский период. Советский период ознаменовал качественно новый этап в исследовании проблемы алкоголизма. В рамках марксистско-ленинской идеологии ключевым тезисом стало утверждение, что алкоголизм представляет

собой порочный пережиток буржуазного общества. Данный подход предопределил вектор научных исследований в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР). Социальные проблемы, связанные с потреблением алкоголя, рассматривались через призму классового неравенства и критики дореволюционного прошлого.

Например, исследователи Д. Н. Воронов, Э. И. Дейчман и И. И. Ковалев, опираясь на новые идеологические установки, пришли к выводу, что винная монополия С. Ю. Витте имела исключительно «финансовый интерес для царского правительства» [45]. Таким образом, антиалкогольная политика дореволюционной России интерпретировалась как инструмент эксплуатации народных масс в интересах правящего класса.

Кроме того, Э. И. Дейчман, военный врач и один из лидеров антиалкогольного движения в СССР 1920-х гг., активно изучал различные исторические этапы развития питейного дела в России: откупная и акцизная системы, винная монополия. Автор пришел к заключению, что данные системы регулирования алкогольного рынка преследовали лишь одну цель – распространение спиртных напитков среди населения в финансовых интересах царского правительства: «фискальные цели маскировались, и выдвигали как причину реорганизации – необходимость борьбы с народным пьянством»[46].

Аналогичной позиции придерживались Н. П. Тяпугин и З. А. Гуревич[47]. Они делали упор на научное обоснование распространения алкоголизма, не отрицая тот факт, что пьянство – порочный пережиток капитализма.

Н. П. Тяпугин, доктор Московской городской психиатрической больницы № 1, в своем научном труде подверг критике социально-экономическую политику Российской империи. Особое внимание автор уделил деятельности попечительств

---

[45] Воронов Д. Н. О самогоне. М.: Государственное медицинское издательство, 1928. 32 с.; Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним. М.: Общество борьбы с алкоголизмом, 1929. 224 с.; Ковалев И. И. Алкоголизм и борьба с ним. М.: издательство Наркомздрава, 1925. 88 с.

[46] Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним… С. 72.

[47] Тяпугин Н. П. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М.: Государственное медицинское издательство, 1929. 124 с.; Гуревич З. А. Алкоголизм: санитарно-гигиеническое исследование. Харьков: Государственное издательство Украины, 1930. 211 с.

о народной трезвости, дав ей крайне негативную оценку. В качестве иллюстрации неэффективности их работы он приводил характерный пример: «В чайных и столовых этих попечительств, где горланил граммофон, из чайников распивали принесенную водку…»[48].

В качестве действенного средства борьбы с пьянством Н. П. Тяпугин предлагал проведение масштабной воспитательной и культурно-просветительной работы среди рабочих и крестьян. По его мнению, «надо возбудить и удовлетворить любознательность народных масс широкой просветительной работой, надо вовлечь их в интересы общественной жизни»[49]. Исследователь подчеркивал, что поверхностные меры не способны решить проблему алкоголизма – требуется повышение культурного уровня населения.

З. А. Гуревич, заведующий отделением социальной патологии Украинского психоневрологического института, провел комплексное исследование объемов потребления спиртных напитков и мер борьбы с пьянством в России в период с начала XX в. до 1930-х годов. В ходе анализа автор пришел к выводу, что антиалкогольная политика СССР существенно отличалась от деятельности попечительств о народной трезвости в Российской империи и продемонстрировала более высокую эффективность.

Ключевым фактором успеха советской антиалкогольной политики стало широкое вовлечение различных социальных групп в борьбу с алкоголизмом. З. А. Гуревич говорил: «В Советском Союзе трудно, вероятно, уже и сейчас найти предприятие, на котором не существовало бы ячейки по борьбе с алкоголизмом»[50]. Это свидетельствовало о системном подходе и массовой мобилизации общества в решении данной проблемы.

Антиалкогольная кампания 1980-х гг. представляет собой важный период в изучении рассматриваемой проблемы. Исследователи активно обращались к историческому опыту различных этапов развития российского государства

---

[48] Тяпугин Н. П. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе… С. 115.
[49] Там же. С. 121.
[50] Гуревич З. А. Алкоголизм: санитарно-гигиеническое исследование… С. 208.

для переосмысления методов борьбы с народным пьянством. Значимым событием в научной дискуссии стал семинар, проведенный в 1987 г. в Библиотеке Академии наук СССР (БАН СССР) и посвященный проблеме развития алкогольной зависимости. В ходе мероприятия ученые и общественные деятели всесторонне обсудили данную тематику, уделив особое внимание историческому аспекту — развитию пьянства и мерам борьбы с ним в различные исторические периоды. В работе семинара приняли участие Ю. А. Иванов, Л. И. Копанев, В. И. Иванова, А. С. Лавров, Е. В. Седякина, С. Б. Ульянова, Е. М. Ирошникова, С. В. Яров и Н. Б. Левина[51].

Советские исследователи, анализируя проблему распространения пьянства с идеологической точки зрения, утверждали, что многовековое распространение спиртных напитков среди населения стало возможным вследствие целенаправленной политики царского правительства, преследовавшей исключительно финансовые интересы. В частности, юрист Ю. А. Иванов в своем докладе подчеркивал, что «государев кабак вызвал пьянство народа, и пьянство это отнюдь не извечное, а результат целенаправленной политики»[52].

Таким образом, советские ученые при исследовании движения за народную трезвость в Российской империи руководствовались новыми идеологическими установками. В рамках марксистско-ленинской теории борьба с пьянством и деятельность попечительств о народной трезвости интерпретировались как инструмент маскировки финансовых интересов царского правительства. Алкогольная политика дореволюционной России рассматривалась не как забота о нравственном здоровье населения, а как механизм извлечения прибыли через систему винных откупов и монополий. Такой подход позволял противопоставить «эксплуататорскую» политику царского режима и «социально ориентированную» антиалкогольную политику советского государства.

---

[51] Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. / Отв. ред. Р. Г. Скрынников, Н. А. Копанев. Ленинград: БАН СССР, 1989. 47 с.

[52] Там же. С. 3.

Постсоветский период. На современном этапе научные исследования проблемы развития движения за народную трезвость выходят за рамки исторической науки, приобретая междисциплинарный характер. Анализ проблематики осуществляется на стыке истории, социологии, психологии, медицины, экономики и других дисциплин. Основная масса научных трудов по изучаемой проблеме представлена диссертационными работами, а также публикациями в периодических научных изданиях, обеспечивающими оперативное распространение актуальных результатов исследований.

В постсоветский период заметно возросло внимание к роли Русской Православной Церкви в борьбе с пьянством. В советский период идеология коммунистической партии отрицала религию, рассматривая ее как пережиток прошлого, что существенно ограничивало изучение религиозного аспекта трезвеннического движения. В новых условиях исследователям удалось восполнить ряд пробелов в изучении истории движения за народную трезвость. Особую научную ценность представляют работы А. В. Власовой, Д. А. Ивочкина, Е. В. Караваевой и Н. Г. Зарембо, в которых комплексно проанализирован вклад религиозных организаций в антиалкогольное движение, духовно-нравственные основы трезвеннической пропаганды, исторический опыт взаимодействия государства и духовенства[53].

Например, удмуртский историк А. В. Власова в ходе исследования деятельности попечительств и обществ трезвости на Урале во второй половине XIX — начале XX вв. пришла к выводу, что просветительная работа являлась единственно возможной и доступной формой борьбы с пьянством как социальным пороком. Анализируя причины низкой эффективности

[53] Власова А. В. Социальная деятельность Русской Православной Церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук. Ижевск, 2011. 38 с.; Ивочкин Д. А. Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви в провинции во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Смоленской губернии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2010. 27 с.; Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской Православной Церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2011. 23 с.; Зарембо Н. Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга (1907–1914 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб, 2011. 24 с.

антиалкогольных мер того периода, исследователь отмечала: «Причины неуспеха нужно искать в непоследовательной деятельности государства, а также в нелегкой общественно-политической обстановке» [54] . Отсутствие системной государственной политики и сложные социально-политические условия существенно ограничивали возможности трезвеннического движения в достижении ощутимых результатов.

В ходе исследования А. В. Власова установила, что создание и функционирование обществ трезвости явилось результатом целенаправленных усилий со стороны администрации Русской Православной Церкви. При этом отмечается, что по своим целям указанные общества носили социальный характер и не преследовали исключительно религиозных задач.

Многочисленные источники подтверждают, что Русская Православная Церковь выступила инициатором борьбы с пьянством как распространенным социальным явлением. В материалах прямо указывается: «По целям своей деятельности такие общества были социальными, а не религиозными, однако именно церковь выступила в первых рядах борцов против укоренившегося народного недуга»[55].

Согласно исследованию Д. А. Ивочкина, православное духовенство сыграло существенную роль в системе социальной защиты Смоленской губернии, уделяя особое внимание борьбе с пьянством. Автор отмечает, что «духовенство рассматривало пьянство, прежде всего, как нравственное зло и для его искоренения в первую очередь старалось воздействовать на душу»[56].

В диссертационной работе Е. В. Караваевой проанализирована деятельность и организационно-управленческая структура Томской епархии как государственно-религиозного института. Автор приводит убедительные аргументы в пользу того, что ключевыми принципами деятельности духовенства

---

[54] Власова А. В. Социальная деятельность Русской Православной Церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в… С. 28.
[55] Там же. С. 27.
[56] Ивочкин Д. А. Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви в провинции во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Смоленской губернии… С. 17.

стали «саморазвитие, активная гражданская позиция, просветительство и проповедничество» [57] . Эти принципы реализовались через тесное взаимодействие священнослужителей с государственными ведомствами. В частности, благодаря законодательной инициативе приходское духовенство смогло организовать на территории Томской губернии сеть обществ трезвости, читален и библиотек. Это свидетельствует о значимой роли церкви в социально-культурной жизни региона в рассматриваемый период.

Санкт-Петербургский историк Н. Г. Зарембо в своем исследовании рассматривал Русскую Православную Церковь как значимый социальный институт, оказавший существенное влияние на развитие движения за народную трезвость в России. В научной работе подробно освещены этапы организации и деятельности православных братств и обществ трезвости в Санкт-Петербурге в период 1907–1914 гг. Автор анализирует предпосылки создания трезвеннических организаций при церковных приходах, структуру и принципы управления православными братствами, формы и методы просветительской работы с населением, взаимодействие церковных обществ трезвости с государственными и общественными институтами, динамику распространения трезвеннического движения в городской среде[58].

Впечатляющий объем научных исследований сконцентрирован вокруг изучения структуры и деятельности губернских, областных и уездных комитетов попечительств о народной трезвости в Российской империи. В произведениях уделено серьезное внимание организационно-правовым основам и культурно-просветительной работе данных социально значимых учреждений.

---

[57] Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской Православной Церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии)… С. 11–12; Котельников А. Д. Историографический обзор становления и развития движения за народную трезвость в Российской империи… С. 176.

[58] Зарембо Н. Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга (1907–1914 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб, 2011. 24 с.

Также представлена объективная оценка результатов реализации проектов и мероприятий на территории регионов[59].

Исследователи М. Ф. Титоренко и А. А. Чупрова в своих работах проанализировали деятельность комитетов попечительств о народной трезвости в Кубанской области. Ученые подчеркивают, что «на рубеже XIX–XX вв. борьба с пьянством в Российской империи расширяла границы и давала все больше положительных результатов» [60] . Успех антиалкогольных инициатив был обусловлен конструктивным взаимодействием местной администрации и представителей общественности. Это сотрудничество позволило координировать усилия различных социальных групп в борьбе с пьянством, эффективно распределять финансы, адаптировать общеимперские меры к местным условиям Кубанской области и вовлекать население в просветительскую работу. Таким образом, комплексный подход, сочетавший административную поддержку и общественную инициативу, стал ключевым фактором повышения результативности трезвеннического движения в регионе.

Ю. В. Еркеева в своем исследовании осветила отдельные аспекты развития движения за народную трезвость в Уфимской губернии. Автор выделяет попечительства о народной трезвости как принципиально новую форму взаимодействия органов государственной власти и представителей общественности в борьбе с пьянством. По мнению исследователя, создание попечительств позволило консолидировать местные ресурсы и общественные

---

[59] Титоренко М. Ф., Чупрова А. А. К вопросу антиалкогольной политики и историко-правовых начал деятельности Комитетов попечительств о народной трезвости в Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX века) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 10–13; Еркеева Ю. В. Исторический опыт партнерства государства и общественных организаций в борьбе за народную трезвость // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. С. 56–62; Сулиева А. В. Деятельность Кубанского и Ставропольского попечительств о народной трезвости в области просвещения и библиотечного дела // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 192–194; Букреева О. Г. Культурно-просветительная деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв. // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2014. № 4. С. 79–84.

[60] Титоренко М. Ф., Чупрова А. А. К вопросу антиалкогольной политики и историко-правовых начал деятельности Комитетов попечительств о народной трезвости в Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX века)… С. 12.

инициативы для содействия правительственным мерам: «Учреждение Попечительств позволило сплотить все лучшие местные силы для помощи правительству в достижении поставленных целей» [61] . Это свидетельствует о формировании эффективной модели государственно-общественного партнерства в решении актуальной социальной проблемы на региональном уровне.

А. В. Сулиева провела объективный анализ деятельности Кубанского и Ставропольского попечительств о народной трезвости в сфере просвещения и развития библиотечного дела. Исследование показало, что открытие читальных залов и библиотек в регионе сопровождалось благоприятной динамикой и повышенным интересом со стороны местного населения. Однако исторические события начала XX в., в частности, революция и военные действия на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг., оказали негативное влияние на финансовую устойчивость попечительств о народной трезвости. Как отмечает исследователь: «Первоначально успешная, разносторонняя деятельность Попечительства постепенно приходила в упадок»[62].

О. Г. Букреева в ходе исследования отметила значительную роль системы попечительства в сфере образования, просвещения и культурно-воспитательной работы с малообеспеченными слоями населения. Автор рассматривала попечительства о народной трезвости в качестве модели государственно-общественного партнерства. Согласно утверждению О. Г. Букреевой, данные организации создавались «с надеждой, что в деле искоренения пьянства наряду с правительственными органами пожелают принять участие и представители местного общества»[63].

Однако со временем ситуация изменилась. Дефицит государственного бюджета побудил правительство расширить производство и реализацию

---

[61] Еркеева Ю. В. Исторический опыт партнерства государства и общественных организаций в борьбе за народную трезвость… С. 57.

[62] Сулиева А. В. Деятельность Кубанского и Ставропольского попечительств о народной трезвости в области просвещения и библиотечного дела… С. 194.

[63] Букреева О. Г. Библиотечно-просветительная деятельность попечительств о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв… С. 79.

алкогольных напитков. В результате, как подчеркивает исследователь, «интересы фискала в питейной монополии стали доминирующими»[64].

Т. А. Ивенина в ходе исследования проанализировала деятельность попечительств о народной трезвости, определив их как особую форму взаимодействия государства и общества в сфере борьбы с пьянством. Важным результатом работы попечительств стало создание сети народных домов и театров в губерниях и областях Российской империи. По оценке автора, данные учреждения «дали всем культурно-просветительным мероприятиям необходимую им «оседлость», позволили просветителям вести работу с массами более планомерно и систематически»[65].

В исследовании А. Н. Кежутина отмечалось, что деятельность попечительств о народной трезвости носила безвозмездный и общественный характер. Губернские и уездные комитеты данных организаций обеспечивали объединение представителей различных социальных групп для совместной работы по противодействию пьянству. Вместе с тем автор указывал на существенное ограничение эффективности этой деятельности: «педагогам, даже в сотрудничестве с врачами, духовенством и некоторыми общественными деятелями, оказалось не под силу противостоять государству с его финансовыми интересами в виде винной монополии»[66].

В современной историографии уделяется большое внимание изучению движения за народную трезвость на региональном уровне.

Например, А. В. Кузьмина провела подробный и объективный анализ нормативно-правовых основ государственно-общественного партнерства в движении за народную трезвость в Российской империи. Особое внимание в работе уделено структуре, составу и деятельности Кубанского областного и

---

[64] Букреева О. Г. Библиотечно-просветительная деятельность попечительств о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв… С. 82.

[65] Ивенина Т. А. Система культурно-просветительных организаций и учреждений в дореволюционной России (1859–1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2004. С. 46.

[66] Кежутин А. Н. Российская общественность в борьбе с социальными болезнями в конце XIX – первой трети XX вв. (на материалах Поволжья и Предуралья): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2020. С. 29.

Новороссийского особого комитетов попечительства о народной трезвости. На основе изучения архивных материалов и нормативных актов автор пришла к выводу «о сформировавшейся в Российской империи централизованной иерархической системы управления деятельностью попечительств о народной трезвости»[67]. Это позволило сделать следующие заключения: деятельность попечительств регулировалась единой нормативно-правовой базой, существовала четкая вертикаль управления с распределением полномочий, региональные комитеты действовали в рамках общеимперской стратегии борьбы с пьянством и государственно-общественное партнерство имело институционально оформленный характер.

А. А. Назукина провела анализ причин, этапов и итогов введения акцизной системы и винной монополии в Российской империи. Особое внимание уделено детальному изучению объемов производства и потребления алкоголя в Московской губернии в конце XIX — начале XX вв. Автор определила основные направления и формы общественного и государственного контроля в борьбе с пьянством в период казенной продажи питей. Центральным объектом исследования стала деятельность Московского столичного попечительства о народной трезвости. В задачи этой организации входило «вывести людей, хотя бы на короткое время из сферы будничных интересов, дав уму и сердцу пищу»[68].

Д. И. Герасимова рассматривала попечительство о народной трезвости как один из ключевых элементов системы социальной защиты населения в Уфимской губернии в период 1895–1917 гг. Автор подчеркивала двойственную природу этого общественного института: «Уфимское Губернское Попечительство о народной трезвости изначально создавалось как государственное учреждение, однако его практическая деятельность носила общественный и

[67] Кежутин А. Н. Российская общественность в борьбе с социальными болезнями в конце XIX – первой трети XX вв. (на материалах Поволжья и Предуралья)… С. 10.
[68] Назукина А. А. Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 2011. С. 16.

социально-благотворительный характер» [69] . При этом основная нагрузка по реализации просветительских и воспитательных программ легла на местных активистов и добровольцев, а приоритеты деятельности определялись не только директивами сверху, но и реальными потребностями населения.

Исследования совместной борьбы государства и общества за народную трезвость также проводились на основе материалов Курской, Пензенской, Смоленской и Тверской губерний с учетом социально-экономических и культурных особенностей развития регионов[70].

В современной историографии некоторое внимание уделено изучению антиалкогольной кампании 1914–1917 гг. Например, О. А. Чагадаева в своем исследовании анализировала политику правительства Николая II и подчеркивала, что в этой сфере и пришла к выводу, что «антиалкогольные мероприятия военного времени не были авантюрой правительства или лично императора, а были плодом долгой совместной работы общественных и государственных институтов»[71]. Таким образом, продолжалось дальнейшее развитие инициатив, начатых в период казенной продажи питей: согласованность действий государственных органов и общественных организаций и поддержка широких слоев населения, разделявших идеи трезвости.

О. А. Чагадаева пришла к заключению, что антиалкогольная кампания в период Первой мировой войны оказала значительное влияние на социально-политическую обстановку в Российской империи. С одной стороны, тотальные ограничения на производство и реализацию спиртных напитков

---

[69] Герасимова Д. И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии): дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2016. С. 113.

[70] Пашков Е. В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX – начала XX вв.: на примере Курской губернии: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2009. 26 с.; Савченко М. В. Производство и потребление водки в России в годы казенной винной монополии в начале XX века: на материалах Пензенской губернии: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2002. 22 с.; Ивочкин Д. А. Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви в провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Смоленской губернии): дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2010. 27 с.; Юргина И. Н. Учреждения социальной помощи в Тверской губернии во второй половине XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. Тверь, 2010. 225 с.

[71] Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы): дис. … канд. ист. наук. М., 2013. С. 25.

первоначально выступили важным мобилизационным фактором, способствуя концентрации ресурсов и поддержанию дисциплины в условиях военного времени. С другой стороны, по мере ухудшения политической и экономической ситуации в стране ограничительные и репрессивные меры начали вызывать растущее недовольство в обществе, став «фактором дестабилизации»[72].

Постсоветская историография обеспечила подробное и объективное освещение мер борьбы с пьянством, реализуемых как правительственными ведомствами, так и представителями общественности в рамках движения за народную трезвость в Российской империи. В исследованиях представлена характеристика попечительств о народной трезвости как социального института, функционировавшего в условиях государственной винной монополии. Кроме того, накоплен и систематизирован значительный массив данных о борьбе с народным пьянством на региональном уровне.

Историографический обзор по теме диссертационной работы демонстрирует, что попечительства о народной трезвости выступали важным социальным институтом Российской империи. Их деятельность носила многофункциональный характер и включала культурно-просветительную и воспитательную работу, направленную на пресечение чрезмерного потребления спиртных напитков. Несмотря на определенные ограничения и противоречия, эти организации сыграли существенную роль в системе социальной защиты населения. Вместе с тем выявлен существенный пробел в историографии, связанный с отсутствием специальных исследований, посвященных движению за народную трезвость в Уфимской губернии с учетом социальных, культурных и экономических особенностей региона.

Важным фактором, сдерживавшим развитие трезвеннического движения, являлся подход правительства к алкогольному рынку как к приоритетному источнику пополнения государственного бюджета на разных этапах исторического развития питейного дела. Это создавало институциональное

[72] Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы)… С. 29.

противоречие: «фискальные» интересы государства вступали в конфликт с просветительскими и социальными задачами попечительств о народной трезвости.

Методологическая основа исследования. В основу диссертации положены *принципы научности, объективности, историзма, системности и хронологической последовательности.*

Принцип научности позволил сформулировать проблему, объект и предмет исследования.

Принцип объективности потребовал критического и непредвзятого отношения к источникам и событиям, рассматриваемым в рамках научного исследования: государственно-правового регулирования алкогольного рынка, деятельности попечительства о народной трезвости в Уфимской губернии и антиалкогольной кампании в 1914–1917 гг.

Принцип историзма предполагал рассмотрение изучаемой проблемы с учетом конкретных хронологических рамок и исторических процессов. Применение *принципа историзма* также способствовало определению предпосылок и условий становления и развития движения за народную трезвость в Уфимской губернии.

Принцип системности использовался при последовательном решении задач, поставленных в диссертационной работе, и выявлении причинно-следственных связей и механизмов возникновения и развития движения за народную трезвость в Российской империи.

Для достижения цели, определенной в рамках научного исследования, были применены *общенаучные* и *специально-исторические методы*.

Метод анализа позволил классифицировать движение за народную трезвость в Российской империи по следующим ключевым направлениям: ограничение продажи спиртных напитков (введение нормативных ограничений по времени и месту реализации алкогольной продукции), культурно-просветительная и воспитательная работа (организация образовательных мероприятий, лекций, создание народных домов и библиотек,

распространение антиалкогольной литературы, формирование альтернативных форм досуга), тотальный запрет на производство, транспортировку и торговлю алкоголем (радикальная мера, предполагающая полное исключение алкоголя из оборота на законодательном уровне). Данная классификация отражает эволюцию подходов к борьбе с пьянством населения: от частичных ограничений к комплексному просвещению и, наконец, к радикальным запретительным мерам.

Метод синтеза использовался при изучении особенностей юридического регулирования рынка алкогольной продукции в Российской империи. Данный метод позволил объединить общий массив законов и постановлений, связанных с темой исследования, в следующие направления социально-экономической политики правительства: стимулирование роста оборотов алкогольной продукции на внутреннем рынке, борьба с тайной торговлей и производством спиртосодержащих напитков, продвижение политики народной трезвости и нравственности.

Применение *метода индукции* позволило прийти к выводу, что на различных этапах исторического развития питейного дела в России (откупная и акцизная системы, винная монополия) доходы от реализации спиртных напитков неизменно составляли важную и неотъемлемую часть государственного бюджета. Этот факт демонстрирует устойчивую «фискальную» зависимость государства от алкогольной отрасли на протяжении длительного исторического периода. Доходы от питейного сбора служили значимым источником финансирования государственных расходов, что во многом определяло политику в сфере производства и оборота спиртных напитков.

Метод дедукции показал причины и степень вовлеченности в движение за народную трезвость в Российской империи представителей общественности и государства. Уфимское губернское попечение о народной трезвости развивалось на основе установок и принципов, реализуемых правительством в общероссийском масштабе, но с учетом культурных, конфессиональных, экономических и социальных особенностей региона.

К *специально-историческим методам*, которые нашли широкое применение в научном исследовании, следует отнести *сравнительно-исторический*, *проблемно-хронологический*, *метод исторических аналогий* и *биографический*.

Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления объемов потребления спиртных напитков в различные исторические эпохи, в городской и сельской среде, а также в Российской империи и зарубежных странах. *Проблемно-хронологический метод* нашел отражение в анализе динамики развития трезвеннической борьбы государства и общества, что позволило проследить эволюцию антиалкогольных мер и выявить ключевые этапы в их реализации. *Метод исторических аналогий* нашел применение в оценке особенностей государственно-правового регулирования рынка алкогольной продукции и сравнения социально-экономической политики правительства в сфере продвижения трезвости на разных этапах исторического развития. *Биографический метод* базировался на изучении и освещении деятельности и личного вклада представителей православного духовенства, Уфимского попечительства о народной трезвости и органов государственной власти в борьбу за трезвый образ жизни. Данный метод позволил выявить основные причины и мотивации к антиалкогольной деятельности, составить социальный портрет личности рассматриваемой исторической эпохи.

Широкое применение в рамках настоящего научного исследования нашли *междисциплинарные методы*. Достижение цели диссертационной работы требовало анализа исторических событий с опорой на конкретную социальную и экономическую обстановку, географическое положение, национальные и конфессиональные особенности Уфимской губернии как административно-территориальной единицы Российской империи.

Статистические методы исследования (сводка и группировка материалов, расчет абсолютных и относительных данных) позволили выявить социальные группы, которые в наибольшей степени были подвержены развитию пьянства. Выявлена зависимость уровня преступности от степени распространения и доступности крепких спиртных напитков.

Применение *социокультурных методов (антропологический и диахронный методы)* показало, что пьянство распространялась неравномерно в разных конфессиональных и национальных группах, проживавших на территории Уфимской губернии. Существенное влияние на популярность алкоголя оказывали религиозные и культурные установки представителей тех или иных социальных подгрупп и классов.

Применение *социологических методов (контент-анализ, анализ социальных ролей)* нашло отражение в изучении и анализе результатов анкетирования и опроса жителей Уфимской губернии в 1913 г. об их отношении к алкогольному вопросу в регионе.

Применение вышеперечисленных принципов и методов научного исследования позволило в полной мере достигнуть цели и решить задачи, поставленные в рамках диссертационной работы.

Источниковая база исследования. Основу научного исследования составили опубликованные издания дореволюционного периода и архивные материалы.

Впервые введены в научный оборот неопубликованные архивные источники, содержащиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ, г. Уфа).

В РГИА наиболее информативными источниками для научного исследования являются следующие фонды:

1) Фонд 32 «Совет съездов представителей промышленности и торговли»;

2) Фонд 231 «Учебный отдел Министерства путей сообщения»;

3) Фонд 575 «Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов»;

4) Фонд 772 «Главное управление цензуры Министерства народного просвещения»;

5) Фонд 796 «Канцелярия Синода»;

6) Фонд 1024 «Покровский Василий Иванович (1838–1915 гг.), статистик, экономист, член-корреспондент Академии наук»;

7) Фонд 1278 «Государственная Дума I, II, III, IV созывов»;

8) Фонд 1286 «Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел».

В фондах 32 и 231 содержатся статистические сведения о характере потребления алкогольных напитков в Российской империи при акцизной системе регулирования алкогольного рынка и винной монополии. Отражены показатели смертности от алкоголизма и его последствий во второй половине XIX – начале XX вв. в России, странах Западной Европы и США[73].

В фонде 575 отложились выдержки из периодических изданий о потреблении спиртных напитков среди крестьянского сословия, о причинах народного пьянства по мнению известных психологов, публицистов и общественных деятелей [74] . Некоторые полезные сведения относятся к ограничению производства и продажи крепких спиртных напитков после введения «сухого закона» 1914 г. в Российской империи[75].

Фонд 772 дает исчерпывающую информацию об особенностях цензуры изданий периодической печати в период антиалкогольных общественных выступлений в 1850–1860 гг.[76].

Фонд 796 раскрывает подробности антиалкогольной борьбы крестьянства в 1850–1860 гг. в период заката откупной системы. В этом же фонде содержатся оригиналы прошений и ходатайств акцизно-откупных комиссионеров, адресованных Министерству финансов Российской империи, об оказании содействия в возрождении откупов и пресечении протестов крестьянского населения[77].

---

[73] Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 373; Ф. 231. Оп. 1. Д. 2789.
[74] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327.
[75] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 854.
[76] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4781.
[77] РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560.

В фонде 1024 отражены сведения об акцизной системе регулирования алкогольного рынка и объемах реализации и потребления крепких спиртных напитков[78].

Влияние питейной реформы 1894 г. на народную трезвость, объемы реализации спиртного на отечественном рынке и некоторые статистические данные о масштабах тайной торговли алкоголем в Российской империи представлены в фонде 1278[79]. Также освещены некоторые аспекты антиалкогольной кампании 1914–1917 гг.[80].

Информация о создании и функционировании обществ трезвости в губерниях и областях Российской империи содержится в фонде 1286. Также представлены особенности нормативно-правового регулирования их деятельности, отношение органов исполнительной власти к трезвенническим движениям крестьян в 1870-х гг.[81].

Ценную информацию о деятельности попечительства о народной трезвости и Главного управления неокладных сборов и казенной продаже питей в Уфимской губернии в 1895–1914 гг., а также мерах, реализуемых в рамках антиалкогольной кампании 1914–1917 гг., удалось почерпнуть в следующих фондах НА РБ:

1) И-130 «Комитет Уфимского губернского музея»;

2) И-131 «Губернское акцизное управление»;

3) И-340 «Уфимская городская управа».

В фонде И-130 отложились сведения о финансировании Уфимским попечительством о народной трезвости деятельности Уфимского губернского музея, занимавшегося организацией лекций и выставок антиалкогольного содержания[82].

В фонде И-131 содержатся циркуляры, предписания и записки управляющего акцизными сборами Уфимской губернии по проведению политики

---

[78] РГИА. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 70.
[79] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 727.
[80] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 811.
[81] РГИА. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 140; Ф. 1286. Оп. 21. Д. 960.
[82] Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-130. Оп. 1. Д. 10.

преследования продавцов и производителей контрафактного алкоголя, ограничении торговли спиртными напитками по времени и месту, инструкции акцизным контролерам и надзирателям в 1913–1917 гг.[83].

В фонде И-131 также сохранились служебные записки о ходе расследования дел по незаконному обороту спиртосодержащих напитков и препаратов в уездах и волостях Уфимской губернии[84].

Также в данном фонде отражены некоторые аспекты деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости, роль чиновников акцизного надзора в заседаниях уездных комитетов. Содержатся циркуляры и предписания, касающиеся внедрения винной монополии в Уфимской губернии и социальной политики по сокращению потребления крепких спиртных напитков среди населения[85].

В фонде И-340 сохранились материалы деловой переписки городской управы и городской думы о передаче в безвозмездное пользование Уфимскому попечительству о народной трезвости участка земли для постройки работного дома для детей из неблагополучных семей г. Уфы в 1914 г[86].

Ценную информацию по организационно-правовым аспектам регулирования алкогольного рынка удалось почерпнуть в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ), представляющего собой хронологическую инкорпорацию юридических документов российского государства 1649–1913 гг.

В ходе научного исследования и систематического анализа удалось рассмотреть социально-экономическую политику правительства в вопросе регулирования рынка алкогольной продукции и продвижения политики народной

[83] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45, 149, 226, 232.
[84] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227, 243, 248.
[85] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 153, 156, 162, 163, 167, 187, 206.
[86] НА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 31.

трезвости и нравственности на разных этапах исторического развития российского государства[87].

Бесценные сведения о функционировании Уфимского попечительства о народной трезвости и приюта-лечебницы для алкоголиков получены из периодических отчетов, содержащихся в «Отделе редких книг и рукописных изданий» Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди (г. Уфа).

Отчеты о функционировании губернского и уездных комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости издавались на ежегодной основе начиная с 1895 г. Эти документы содержат ценные исторические сведения, включающие данные о финансовых операциях, информацию о сословном составе и численности членов комитетов, сведения о реализованных и запланированных проектах. В отчетах освещались ключевые вопросы борьбы с народным пьянством, а также основные аспекты культурно-просветительной и

[87] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. I (1649–1675). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1029 с.; Там же. Т. II (1676–1688). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 974 с.; Там же. Т. IV (1700–1712). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 881 с.; Там же. Т. XIV (1754–1757). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 862 с.; Там же. Т. XIII (1749–1753). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 959 с.; Там же. Т. XXXIII (1815–1816). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1173 с.; Там же. Т. XVII (1765–1766). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1135 с.; Там же. Т. XVIII (1767–1769). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1033 с.; Там же. Т. XXXIV (1817). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 959 с.; ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. I (1825–1827). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1525 с.; Там же. Т. LIV (1879–1880). Отделение первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1881. 562 с.; Там же. Т. XLVIII (1873). Отделение первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1873. 911 с.; ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. V (1885). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1887. 1478 с.; Там же. Т. XIII (1893). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1897. 1365 с.; Там же. Т. XV (1895). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1899. 1510 с.

воспитательной работы попечительства на территории Уфимской губернии в период 1895–1917 гг.[88].

Уфимский приют-лечебница для алкоголиков стал первым профильным медицинским учреждением на территории губернии, оказывавшим помощь лицам, страдавшим алкогольной зависимостью. Возглавлял данное заведение доктор И. И. Рождественский. В его отчетах содержатся ценные сведения о пациентах, медицинском персонале, бытовых условиях клиники и комплексе медицинских процедур[89].

Кроме того, научные труды об исследовании алкогольной зависимости в Уфимской губернии, опубликованные доктором медицины И. И. Рождественским, представляют большую историческую ценность. В своих работах автор рассматривал пьянство жителей уфимского края как социокультурный феномен[90].

Для формирования представления о социально-экономическом и географическом положении Уфимской губернии, национальном и конфессиональном составе использовались ежегодные обзоры и отчеты исполнительных органов государственной власти[91].

---

[88] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год. Уфа: Губернская типография, 1898. 64 с.; Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год. Уфа: Губернская типография, 1901. 108 с.; Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1904 год. Уфа: Губернская типография, 1905. 87 с.; Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1912 год. Уфа: Губернская типография, 1914. 53 с.

[89] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год. Уфа: Губернская типография, 1912. 52 с.; Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1913 год. Уфа: Губернская типография, 1914. 63 с.; Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год. Уфа: Губернская типография, 1915. 27 с.

[90] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. Уфа: Губернская типография, 1914. 32 с.; Рождественский И. И. Правда об алкоголе. Уфа: Электрическая губернская типография, 1911. 22 с.

[91] Обзор Уфимской губернии за 1879 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1880. 100 с.; Обзор Уфимской губернии за 1885 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1886. 86 с.; Обзор Уфимской губернии за 1886 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1887. 112 с.; Обзор Уфимской губернии за 1891 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1892. 177 с.; Обзор Уфимской губернии за 1896 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1897. 186 с.; Обзор Уфимской губернии за 1898 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1900. 208 с.; Обзор Уфимской губернии за 1901 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1903. 158 с.; Обзор Уфимской губернии за 1906 год. Уфа: типография Губернского

Ценными историческими источниками выступили издания периодической печати Уфимской губернии: «Фельдшерский вестник» и «Уфимский вестник». В данных газетах содержатся публикации медицинских работников о развитии алкогольной зависимости в регионе, санитарно-гигиенических и профилактических мерах борьбы с народным пьянством, а также некоторые сведения об антиалкогольной кампании 1914–1917 гг. в Уфимской губернии[92].

Кроме того, особую научную ценность представляет газета «Уфимские епархиальные ведомости», выходившая с 1879 г. дважды в месяц. В публикациях содержатся сведения о деятельности православного духовенства в борьбе с пьянством и организации первых обществ трезвости на территории Уфимской губернии[93].

Не менее важная информация по теме исследования содержится в печатных изданиях дореволюционного периода, хранящихся в Российской государственной бибилиотеке (РГБ, г. Санкт-Петербург) и освещающих особенности организации

Правления, 1908. 139 с.; Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. 171 с.; Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1915. 119 с.; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа: Губернская типография, 1916. 128 с.; Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1917. 98 с.

[92] Фельдшерский вестник, 1914. № 39, 40, 44, 48; Фельдшерский вестник, 1915. № 6, 7, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 22, 31, 48; Уфимский вестник, 1915. № 29.

[93] Уфимские епархиальные ведомости, 1879. № 4, 6, 10; Уфимские епархиальные ведомости, 1881. № 17; Уфимские епархиальные ведомости, 1883. № 18, 21, 22; Уфимские епархиальные ведомости, 1884. № 13; Уфимские епархиальные ведомости, 1885. № 2, 6; Уфимские епархиальные ведомости, 1888. № 10; Уфимские епархиальные ведомости, 1889. № 6, 7; Уфимские епархиальные ведомости, 1891. № 11, 19; Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 5, 9, 11, 14; Уфимские епархиальные ведомости, 1895. № 12; Уфимские епархиальные ведомости, 1897. № 18; Уфимские епархиальные ведомости, 1898. № 1, 7, 14; Уфимские епархиальные ведомости, 1903. № 1. 9, 11; Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 5, 6, 14, 15, 16, 17; Уфимские епархиальные ведомости, 1906. № 4, 10, 22; Уфимские епархиальные ведомости, 1908. № 12, 15, 18, 22; Уфимские епархиальные ведомости, 1909. № 16, 22; Уфимские епархиальные ведомости, 1910. № 4, 8; Уфимские епархиальные ведомости, 1912. № 21; Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 7, 8, 9, 18, 19, 20, 21, 23; Уфимские епархиальные ведомости, 1914. № 6, 19, 21; Уфимские епархиальные ведомости, 1915. № 18; Уфимские епархиальные ведомости, 1916. № 4, 11, 12; Уфимские епархиальные ведомости, 1917. № 5, 6.

питейного дела в России, реформы алкогольного рынка министра финансов Российской империи С. Ю. Витте и меры борьбы с народным пьянством[94].

Комплексное изучение и систематизация вышеизложенных исторических источников позволили в полном объеме достигнуть цели и решить задачи, поставленные в рамках исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1) на протяжении длительного исторического периода рынок алкогольной продукции выступал важнейшим источником пополнения государственного бюджета Российской империи. Итогом такой политики стало повсеместное распространение спиртных напитков и пьянства. Только во второй половине XIX в. правительство предпринимает попытки реформирования рынка спиртных напитков, внедрения политики народной трезвости и нравственности и привлечения к проблеме распространения пьянства передовых представителей общества;

2) Российская империя накопила богатый исторический опыт партнерства государства и представителей общественности в борьбе с пьянством. Заслуживает отдельного внимания законодательное регулирование попечения о народной трезвости в губерниях и областях;

3) особенностями становления и развития Уфимского губернского попечения о народной трезвости стали социально-экономические проблемы и противоречия. Промышленная революция и внедрение рыночных отношений привели к социальному расслоению населения. Пьянство среди жителей Уфимской губернии носило бытовой или «обрядовый» характер. Низкий уровень доходов, образования, культуры и обилие государственных и церковных

---

[94] Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело. Киев: типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1897. 56 с.; Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1882. 25 с.; Бородин Д. Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб.: типография «Самокат», 1908. 143 с.; Глебов А. В. Борьба с пьянством. СПб.: типография И. Г. Брауде, 1910. 32 с.; Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: издательство «М. О. Вольф», 1868. 320 с.; Миропольский Д. А. Косвенные налоги в России. 1855–1880. СПб.: типография Ф. Г. Елеонского и К^0, 1880. 103 с.

праздников активно способствовали росту объемов потребления спиртных напитков.

Потребление крепких спиртных напитков распространилось преимущественно среди малообразованных и малообеспеченных крестьян и мещан. Для Уфимской губернии как поликонфессионального и многонационального региона Российской империи было характерно неравномерное потребление спиртных напитков. Башкирское и татарское население, исповедовавшее ислам, было в меньшей степени подвержено развитию пьянства по причине строгих религиозных норм и традиционного уклада жизни. Православная часть общества напротив отличалась высокой склонностью к злоупотреблению спиртными напитками;

4) в период действия акцизной системы регулирования алкогольного рынка на территории Уфимской губернии 1865–1894 гг. борьба за трезвый образ жизни носила преимущественно «стихийный» характер. Происходило возрождение деятельности обществ трезвости. Ведущую роль в этом деле играло мусульманское и православное духовенство, занимавшееся распространением информации о вреде спиртных напитков. С течением времени деятельность по организации обществ трезвости и церковно-приходских попечительств набирала обороты. Православное духовенство активно привлекало частные пожертвования, открывало школы грамотности, поддерживало народные училища. Мусульманское духовенство выдвигало ряд инициатив по недопущению распространения пьянства среди башкир и татар. С 1895 г. духовенство активно сотрудничало с Уфимским попечительством о народной трезвости, учебными заведениями и государственными структурами, а его деятельность приобретала общественный характер;

5) попечительство о народной трезвости в Уфимской губернии являлось важным социальным институтом, занимавшимся культурно-просветительной и воспитательной работой. Становление и развитие данной организации положило начало сотрудничеству общественных структур и органов государственной власти в борьбе с пьянством в форме государственно-общественного партнерства;

6) губернские государственные и общественные учреждения совместно с Уфимским попечительством о народной трезвости вели борьбу с пьянством. Огромный вклад внес приют-лечебница для алкоголиков в г. Уфе, ставший первой профильной медицинской организацией в регионе и одной из самых эффективных в Российской империи. Кроме того, целая сеть других учреждений, включая акцизные лаборатории, Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, общества и союзы трезвости, народные училища, активно участвовали в правительственной антиалкогольной политике;

7) в начале XX в. государственная винная монополия как метод борьбы с народным пьянством потерпела неудачу. В годы Первой мировой войны на территории Российской империи был введен «сухой закон». Правительство впервые в отечественной истории предприняло попытку избавиться от «пьяного бюджета». Проведение реформы сопровождалось предоставлением широких полномочий губернским и областным органам государственной власти. Однако на первых этапах подразумевалось ограничение производства и продажи спиртных напитков лишь на период военных действий. Но с течением времени российское правительство активно стало обсуждать вопрос об установлении «сухого закона» на постоянной основе;

8) на территории Уфимской губернии 1914–1917 гг. в значительной степени усилилось влияние государственного аппарата в вопросе утверждения народной трезвости. Правительство по-прежнему продолжало опираться на помощь общественных организаций и частных лиц в преследовании тайных продавцов и производителей алкогольных напитков, проведении воспитательной и культурно-просветительной работы среди малообеспеченных и необразованных слоев населения. Производство и потребление спиртных напитков сместилось в теневой сектор экономики. Расцвело самогоноварение и тайное изготовление вина;

9) внедрение «сухого закона» на территории Российской империи в начале Первой мировой войны выступило важных мобилизационным фактором, сплотившим народные массы. Но ограничение продажи спиртных напитков

спровоцировало массовые народные беспорядки. Главной причиной послужила невозможность устроить традиционные проводы в армию.

Однако в Уфимской губернии отмечено серьезное снижение уровня преступности и страдавших алкоголизмом. Но с течением времени по причине истощения экономических ресурсов, инфляции и недовольства среди населения ограничение производства и продажи спиртных напитков выступило дестабилизирующим фактором. Итогом «сухого закона» в совокупности с политическим и экономическим кризисами стал рост революционных настроений и, как следствие, массовых волнений, погромов и беспорядков в 1917 г., предопределивших конец Российской империи.

Теоретическая значимость исследования. Проведено комплексное изучение и анализ Уфимского губернского попечения о народной трезвости как одной из надежных форм социальной защиты населения, основанной на тесном взаимодействии государства и общества (государственно-общественное партнерство) в борьбе с пьянством, с привлечением широкого круга архивных источников и дореволюционных печатных изданий.

Широкое применение в рамках диссертационной работы нашли междисциплинарные методы исследования: статистические (сводка и группировка данных), социологические (контент-анализ и анализ социальных ролей) и социокультурные (антропологический и диахронный методы), позволившие проследить динамику развития трезвеннического движения в Уфимской губернии, выявить социальные, культурные и экономические особенности распространения и потребления спиртных напитков.

Научно-практическая значимость исследования. Применение исторического опыта попечения о народной трезвости в Уфимской губернии возможно на современном этапе развития социальной защиты населения и антиалкогольной политики на региональном и федеральном уровнях в разработке программ и мероприятий, реализуемых Министерством здравоохранения, Министерством просвещения и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

Кроме того, основные положения диссертационной работы могут быть использованы в подготовке учебных программ и курсов по Отечественной истории, в частности по истории Башкортостана, в учреждениях школьного, среднего профессионального и высшего образования, а также для дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы с расширением территориальных и хронологических рамок исследования.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационная работа согласуется с паспортом научной специальности 5.6.1. Отечественная история и соответствует следующим направлениям: п. 3 Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; п. 4 История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 6 История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; п. 11 Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны; п. 15 Исторический опыт российских реформ.

Апробация результатов исследования. Материалы и основные положения диссертационной работы нашли отражение в 4 научных работах, опубликованных в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (ВАК РФ) [95]. Апробация результатов исследования была также проведена в иных научных изданиях и на научно-практических конференциях международного и всероссийского уровней в 2022–2025 гг[96].

---

[95] Котельников А. Д., Галиуллина С. Д. Деятельность попечительств о народной трезвости в Уфимской губернии. 1865–1917 гг. (социально-экономический аспект) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 4 (97). С. 1340–1349; Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.) // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 95–100; Его же. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. № 7. С. 30–34; Его же. Историографический обзор становления и развития движения за народную трезвость в Российской империи // Современная научная мысль. 2025. № 4. С. 168–180.

[96] Котельников А. Д. Государственно-правовое регулирование рынка сбыта, потребления алкогольной продукции в Российской империи: основные аспекты // Современная наука:

Структура диссертационного исследования соответствует цели и задачам исследования. Включает в себя введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2023. № 11-2. С. 72–75; Его же. Российский исторический опыт борьбы за народную трезвость на примере Уфимской губернии // Востоковедение – сегодня и завтра / Сборник научных статей студентов и аспирантов кафедры «Международные отношения, история и востоковедение». Уфа: УГНТУ, 2022. С. 110–112; Его же. Деятельность Приюта-лечебницы для алкоголиков в Уфимской губернии 1910–1914 гг. // EurasiaScience / Сборник статей LVII Международной научно-практической конференции. М.: Актуальность. РФ, 2023. С. 166–167; Его же. Исторический опыт борьбы с народным пьянством в Российской империи и зарубежных странах во второй половине XIX в. // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации / Сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. М.: Экономическое образование, 2024. С. 238–242; Его же. Социально-экономические особенности развития питейного дела в российском государстве в XIV–XIX вв. // Актуальные вопросы современной науки и образования / Сборник статей XLI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение, 2024. С. 40–42; Его же. Антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. в Уфимской губернии // Мир востока и мир запада / Сборник научных статей студентов и аспирантов кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ) в рамках программы «Приоритет 2030». Уфа: УНПЦ «Издательство УГНТУ», 2024. С. 100–103; Его же. Антиалкогольное общественное движение в Российской империи (1850–1860 гг.) // Цифровизация: новые тренды и опыт внедрения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: АЭТЕРНА, 2025. С. 55–57.

Глава I. Институционализация движения за народную трезвость в Российской империи

1.1 Государственная политика регулирования производства и оборота алкогольной продукции

Российское государство имеет огромный опыт реформирования алкогольного рынка. Следует отметить, что исследование движения за народную трезвость в Российской империи, в Уфимской губернии в частности, невозможно без выявления особенностей функционирования рынка спиртных напитков, так как питейное дело занимало важное место в общественной жизни и экономической системе государства в течение длительного исторического периода.

Комплексный анализ нормативно-правовых актов, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ), позволил сделать заключение, что в 1649–1914 гг. на территории страны функционировало три системы питейной торговли: откупная, акцизная и казенная (винная монополия) [97] . Соответственно государственная политика в вопросе регламентации деятельности алкогольного рынка в указанные исторические периоды характеризуется двумя процессами: регулирование объемов производства и реализации спиртных напитков и борьба с незаконной торговлей.

Откупная система. Потребление алкогольных напитков имело место уже в Древней Руси, что подтверждается многочисленными свидетельствами летописных источников. В исторических документах встречаются правовые постановления, предусматривавшие штрафные санкции в отношении торговцев, допускавших чрезмерное употребление спиртного посетителями («опиваться до смерти»)[98].

---

[97] Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело. Киев: типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1897. С. 9–17.

[98] Котельников А.Д. Социально-экономические особенности развития питейного дела в российском государстве в XIV–XIX вв. // Актуальные вопросы современной науки и

При этом в Древней Руси отсутствовали технологии перегонки, необходимые для получения крепких спиртных напитков. Технология дистилляции появилась только в эпоху Средневековья, что обусловило специфику алкогольного потребления того периода: в обиходе были преимущественно слабоалкогольные напитки (мед, пиво, брага).

На Руси с древнейших времен изготавливалось так называемое «хлебное вино» – напиток, получаемый путем перегонки браги либо перебродившего с дрожжами хлебного сусла, приготовленного из солода и хлебной муки[99].

Российское правительство на протяжении веков стремилось использовать распространенность потребления спиртных напитков как источник пополнения государственной казны. Уже в X–XI вв. появляются нормативно-правовые акты, устанавливавшие налогообложение крепких напитков (например, медовая дань и «брашная» пошлина). Примечательно, что финансовое регулирование распространялось не только на готовые спиртосодержащие продукты, но и на сырье для их производства: мед, солод, хмель, пшеницу, рожь и ячмень. Это свидетельствует о системном подходе государства к формированию доходной части бюджета за счет питейного дела[100].

В XIV в., согласно свидетельствам профессора Арнольда де Вилланова, крепкие алкогольные напитки выполняли исключительно целительные функции и продавались в аптеках небольшими порциями. В медицинских трактатах того периода им приписывались терапевтические свойства. Утверждалось, что они облегчали дыхание, укрепляли память, исцеляли болезни глаз, зубную боль, подагру и обладали рядом других целебных качеств[101].

Вероятно, именно восприятие алкоголя как лечебного средства способствовало постепенному распространению его потребления за пределы

образования: сборник статей XLI международной научно-практической конференции, 2024. С. 40.

[99] Котельников А.Д. Социально-экономические особенности развития питейного дела в российском государстве в XIV–XIX вв… С. 41–42.

[100] Там же. С. 41.

[101] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1899 год. Уфа: Губернская типография, 1900. С. 56

сугубо медицинской сферы, что в исторической перспективе привело к его более широкому бытовому применению.

Алкоголь, по свойствам и составу похожим на водку, впервые появился на территории Южной Руси благодаря торговым контактам с генуэзскими купцами. Начиная с XIV в. крепкие напитки получили широкое распространение на всей территории российского государства. С этого периода производство и продажа крепкого алкоголя стали регалией государственной власти. Правительство предпринимало активные меры по упорядочению торговли спиртосодержащими напитками, руководствуясь прежде всего экономическими интересами: регулирование оборота алкоголя рассматривалось как важный источник пополнения казны[102].

Древнейшие алкогольные напитки на Руси (пиво, мед и хлебное вино) реализовывались в специализированных заведениях, известных под названием «корчма». Эти учреждения выполняли не только торговые функции, но и выступали в роли общественных центров. Они совмещали функции гостиных дворов и ратушей. В корчмах зачитывались новые правительственные постановления и осуществлялось правосудие.

В 1555 г. царь Иван IV Грозный провел реорганизацию корчмы, преобразовав ее в кабак. Эта реформа отражала изменение государственной политики в сфере регулирования питейного дела и стала первым шагом к централизации контроля над производством и продажей алкогольных напитков[103].

В царских кабаках право на употребление алкогольных напитков предоставлялось исключительно крестьянам и жителям посадов. Представители иных сословий (дворяне, духовенство, купечество) не посещали подобные заведения и употребляли спиртные напитки в домашней обстановке, обладая привилегией открывать собственные кабаки[104].

---

[102] Котельников А.Д. Социально-экономические особенности развития питейного дела в российском государстве в XIV–XIX вв… С. 40–41.
[103] Там же. С. 40–42.
[104] Там же. С. 40–42.

При этом открытие частного кабака сопровождалось уплатой специальной пошлины в пользу государственной казны – «явки». Данный механизм позволял государству контролировать распространение питейных заведений и получать дополнительные доходы от регулирования алкогольного рынка.

В российском государстве наблюдался стремительный рост числа кабаков, обусловленный появлением наряду с царскими заведениями также боярских. Расширение сети питейных заведений существенно осложнило контроль над рынком производства и реализации алкогольной продукции. В связи с этим правительство приняло решение о введении откупной системы, которая должна была упорядочить сбор доходов от торговли спиртными напитками и обеспечить более эффективный государственный контроль над данной сферой[105].

Винные откупа являлись одной из форм взимания косвенного налога. Правительство передавало право торговли спиртными напитками частным лицам за определенную сумму и на фиксированный срок[106].

Денежные средства, вырученные от оборота алкогольной продукции в уезде, губернии или области, откупщик оставлял себе в качестве прибыли. По некоторым подсчетам доход от такой деятельности мог достигать 300% от первоначальных инвестиций[107].

Винный откуп представлял собой традиционный способ налогообложения и пополнения государственной казны через реализацию алкогольных напитков на внутреннем рынке. Правительство предоставляло право торговли алкоголем ограниченному кругу предпринимателей на определенный срок.

Главным недостатком такой формы регулирования питейной торговли в XVII – начале XVIII вв. являлось практически полное отсутствие контроля

---

[105] Котельников А.Д. Социально-экономические особенности развития питейного дела в российском государстве в XIV–XIX вв… С. 41–42.

[106] Мухачев Н. В. Откупа и акцизы при поставках крепких напитков в Верхнем Поволжье в XVIII–XIX вв. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. №1. С. 163–166.

[107] Махрова Т. К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 100–107.

со стороны органов государственной власти[108]. Это приводило к многочисленным злоупотреблениям со стороны откупщиков и задержке выплат, причитавшихся казне.

Правительство, в целях усиления контроля за деятельностью алкогольного рынка, стремилось закрепить права и обязанности откупщиков через юридическое регулирование. Правовой статус винных откупщиков на государственном уровне впервые был закреплен Именным указом «О заключении в ратуше контрактов на откуп таможенных, питейных и других сборов Ратушскаго ведения во всех городах Московской губернии» только 15 декабря 1712 г.: «А тех людей, которым сборы отданы будут в Ратуши приводить по чиновной книге к вере, да но них же в тех сборах брать в Ратушу поручныя записи с добрыми поруками»[109]. Отныне заключался письменный договор между правительством и предпринимателем, желавшим вести питейную торговлю.

С течением времени на основе накопленного опыта правительство стремилось упорядочить деятельность винных откупщиков. Предъявлялись определенные требования к качеству спиртных напитков, поставляемых в питейные дома. Этому поспособствовал указ Правительствующего Сената Российской империи от 30 октября 1749 г., который вводил единый размер штрафа за низкокачественное вино: «…сколько ведер такого с пригарью и с противным запахом вина явится, вычитать из истинной их подрядной цены по половине у ведра» [110] . Вино принималось на казенные склады после соответствующей обработки и с занижением закупочной стоимости на 50%.

При этом существовали определенные ограничения на право изготовления спиртных напитков. Производством алкоголя занималось купечество, дворянское сословие и частные лица, которым предоставлялась такая привилегия. Данный круг лиц неоднократно менялся по правительственным постановлениям и указам.

---

[108] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. II (1676–1688). № 879. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 332.

[109] Там же. Т. IV (1700–1712). № 2611. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 876–877.

[110] Там же. Т. XIII (1749–1753). № 9679. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 146–147.

Однако для дворянских династий привилегия изготовления спиртных напитков сохранялась всю откупную систему[111].

В период существования откупной системы главным оптовым покупателем алкогольных напитков выступало правительство. Все заготовленное спиртное поступало на государственные склады по фиксированной цене. Далее оно распределялось между откупщиками согласно объемам, прописанным в договоре[112]. Свободная продажа алкоголя запрещалась всем сословиям и социальным группам.

Таким образом, отдавая право питейной торговли ограниченному кругу предпринимателей, правительство создавало для них монопольные условия в данной отрасли. Путем юридического регулирования оно стремилось контролировать алкогольный рынок в целях извлечения максимальной прибыли для государственного бюджета[113].

При этом на протяжении всего периода существования откупной системы правительство пыталось минимизировать присутствие на алкогольном рынке тайных продавцов спиртосодержащих напитков (корчемников).

Следует дать определение понятию «корчемство». Корчемство – тайное производство, транспортировка и реализация товаров, обложенных акцизом и составлявших регалию государственной власти. Чаще всего под этим термином подразумевался именно алкоголь: пиво, вино и водочные изделия. Корчемство получило широкое распространение при откупной системе регулирования алкогольного рынка. Рост цен на спиртные напитки и монополия винных откупщиков подтолкнули российское население к развитию домашнего и тайного

---

[111] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XIV (1754–1757). № 10466. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 425–435.

[112] Там же. Т. XXXIII (1815–1816). № 26104. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 452–455.

[113] Ханухов Э. Р. Государственное регулирование рынка алкогольной продукции России. Историческая ретроспектива // Пищевая промышленность. 2010. № 6. С. 36–38.

производства алкоголя. В этот исторический период возникла традиция расплачиваться вином и водкой за товары и услуги[114].

Между тем в XVII в. изготавливать вино, пиво и брагу разрешалось только для домашнего потребления и в ограниченных количествах в период праздников с уплатой соответствующей пошлины. За тайную торговлю полагался штраф, конфискация алкоголя в пользу государства, тюрьма и телесные наказания: «бить кнутом нещадно в торговые дни, и сажать в тюрьму дней на пять и на шесть, смотря по человеку»[115].

Правительство активно боролось с подпольным производством и торговлей алкоголем. С 1699 г. согласно правительственному указу было принято решение «считать корчемниками всех, кто вино дает за работу или мастерство больше ведра»[116].

Политика преследования продавцов и производителей контрафактного алкоголя велась не в интересах народного здравия и трезвости, а исключительно в целях их устранения как прямых конкурентов и преумножения питейного дохода. Этот факт прямо отмечался в ряде указов и постановлений. Например, в Именном указе императрицы Елизаветы Петровны от 15 декабря 1749 г. содержалась следующая информация: «…от того казне Нашей в кабацких доходах, которые употребляются на Государственные расходы, чинятся великие недоборы»[117].

Указом от 15 декабря 1749 г. ужесточалось наказание за тайное производство и торговлю алкоголем. Вводился запрет на выдачу вина в долг, в качестве платы за услуги и товары. Также предусматривалось наказание за приобретение алкоголя не в питейных домах: «…и в том по следствию же изобличены будут, с такими поступать, как с корчемниками…»[118]. Согласно

---

[114] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. С. 359.
[115] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. I (1649–1675). № 130. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 341.
[116] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI… С. 359.
[117] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XIII (1749–1753). № 9697… С. 176.
[118] Там же. С. 178.

нормативно-правовому акту покупатель и продавец подвергались наказанию в равной степени.

Кроме того, указ от 15 декабря 1749 г. подтверждал право свободного винокурения дворян в своих поместьях для личных и государственных потребностей с полным запретом на данный вид деятельности крестьянам и мещанам. Вводилось ограничение на частную торговлю спиртными напитками для всех сословий. Виновным грозило изъятие спиртной продукции, ссылка и конфискация имущества: «движимое и недвижимое их все имение, что у кого сыщется, имать в казну Нашу безповоротно»[119].

Окончательно утвердил дворянскую монополию на заготовку и поставку вина в казенные питейные дома и откупщикам «Устав о винокурении» от 9 августа 1765 г. Остальные социальные группы были ограничены в этом направлении. Также особо отмечено о необходимости преследования корчемников. Правительство признавало неэффективность действовавшей системы законов относительно подпольного алкогольного рынка и пыталось привлечь население к искоренению корчемства путем материального стимулирования.

Например, согласно «Уставу о винокурении» от 9 августа 1765 г. население призывалось доносить о случаях реализации контрафактного спиртного и приобретать алкоголь в казенных заведениях, имевших право на ведение такой торговли, «чтоб вредныя корчемства истребить, и тем подданных от преступлений и наказаний избавить, а казенный от питейной продажи доход от подрыву сохранить»[120]. Гарантировалось денежное вознаграждение в размере половины стоимости конфискованных напитков[121].

Анализ правительственных указов и постановлений позволяет сделать вывод, что незаконное производство и продажа спиртных напитков воспринимались как реальная экономическая угроза для государственного строя,

---

[119] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XIII (1749–1753). № 9697… С. 176.
[120] Там же. Т. XVII (1765–1766). №12448. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 208.
[121] Там же. № 12448. С. 208–219.

так как косвенное налогообложение алкогольного рынка составляло важную статью дохода императорской казны.

С течением времени правительство стремилось к усилению контроля и влияния на алкогольном рынке, накопив определенный опыт в его нормативно-правовом регулировании. Предпринимателям, занимавшимся питейной торговлей, предоставлялось все больше прав и полномочий. 19 января 1767 г. были утверждены «кондиции, поставленныя к заключению контрактов о содержании с 1767 впредь чрез четыре года на откупу питейных и прочих сборов, кроме Москвы и Петербурга, во всех губерниях»[122].

Отныне откупщики именовались коронными поверенными, а их деятельность приобретала форму государственной службы. Вход в питейные дома украшался императорским гербом. Губернаторы и воеводы уполномочивались, по требованию откупщиков, выставлять караулы для того, чтобы «от всяких обид и притеснений крайне защищать, и до питейных домов никакое насилие не допускать»[123]. Коронным поверенным для защиты жизни и имущества как представителям императорской власти даровалось право носить шпагу.

Зона ответственности винных откупщиков подразделялась по территориальному признаку. В каждой губернии и области заключался контракт на ведение питейной торговли. Частные лица, которым отдавалась на откуп определенная территория на 4 г., вносил в казну залог в размере одной трети от общей суммы, причитавшейся правительству по договору. Данный взнос был гарантией того, что коронные поверенные выполнят возложенные на них обязанности, и не будут задерживать регулярные платежи в государственный бюджет[124].

Передача питейных домов на содержание откупщикам происходила согласно описи государственного имущества. Коронный поверенный осуществлял ремонт и аренду дополнительных помещений за свой счет, если это было

---

[122] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XVIII (1767–1769). № 12818. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 10–22.
[123] Там же. №12818. С. 18–19.
[124] Там же. №12818. С. 10.

необходимо для ведения торговли. Средства из государственного бюджета на эти цели не предусматривались[125].

Отдельно следует отметить то, что контракт, заключаемый между откупщиками и правительством, предусматривал выплату фиксированной суммы за реализацию определенных объемов спиртных напитков, которые приобретались оптом у казенных складов. В случае перевыполнения плана сверхприбыль налогообложению в пользу государственного бюджета не подлежала: «а за проданное излишнее против сложности вино с них никаких прибыльных денег не брать»[126]. Если же оговоренный объем спиртного продать не удавалось, платеж все равно вносился в казну согласно контракту. Таким образом, откупщики были непосредственно заинтересованы в увеличении оборотов алкоголя на внутреннем рынке.

Законодательная регламентация деятельности алкогольного рынка предоставляла коронным поверенным широкие полномочия. Согласно тем же «кондициям» от 19 января 1767 г. коронный поверенный имел право вести торговлю алкоголем в праздничные дни: «где казенных питейных домов не учреждено, для народного удовольствия к продаже питей шатры и шалаши ставить и питья продавать невозбрано»[127]. Торговля спиртным прекращалась только во время богослужений и литургий, если заведение располагалось ближе 20 саженей от церкви или собора (сажень – русская мера длины равная 2.13 м). Прочих ограничений законом не предусматривалось, что открывало путь винным откупщикам к широкому кругу злоупотреблений.

Действительно, винные откупа по полному праву вошли в российскую историю как эпоха коррупции колоссальных масштабов. Приобретая у правительства разрешение на торговлю спиртными напитками на определенной территории, предприниматель неофициально становился ее полноправным

[125] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XVIII (1767–1769). № 12818… С. 15–16.
[126] Там же. №12818. С. 14.
[127] Там же. №12818. С. 18.

хозяином. Винные откупа стали особой формой монополии на алкогольном рынке под протекторатом органов государственной власти[128].

Взятки от откупщиков получали многие высокопоставленные чиновники, полиция, сотрудники органов исполнительной власти. На многие злоупотребления в питейной торговле «закрывались глаза» либо проводились формальные расследования. В сведениях по питейному делу, собранных Министерством финансов Российской империи, можно встретить информацию об экстраординарных расходах откупщиков (таблица 1)[129].

Таблица 1 – Расходы на ведение питейной торговли

Статья расхода	По губернии, руб	По уезду, руб
Губернатор	3000	–
Канцелярия губернатора	1200	–
Полицмейстер	1200	–
Винный пристав	600	420
Секретарь полиции	300	200
Квартальный надзиратель	60	60
Секретарь земского суда	300	240
Председатель казенной палаты	2000	165

Анализируя приведенные выше сведения, необходимо отметить, что в данном списке речь идет именно о размерах взятки должностным лицам или так называемой «благодарности» за снисходительность и личное участие в решении определенного рода вопросов и проблем, связанных с питейным откупом. М. О. Гредингер, российский правовед, так описывал деятельность винных откупщиков: «…откупная система разоряет и развращает народ, держит на откупу

[128] Корнейчук П. О. Подходы к налогообложению в алкогольной отрасли в России в исторической ретроспективе // Вестник университета. 2014. № 9. С. 114–120.
[129] Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: издательство «М. О. Вольф», 1868. С. 210.

местную администрацию, сделав чрез то безсильными все меры к водворению в ней честности и правоты»[130].

К примеру, финансовая благодарность откупщиков могла выражаться в покупке какой-либо недвижимости у должностного лица по завышенной цене, либо напротив продаже собственных объектов по весьма привлекательным скидкам. Взяточничество проявлялось не только в денежной, но и натуральной форме [131] . Откупщик активно снабжал своих благодетелей бесплатными алкогольными напитками хорошего качества. Российский потребитель напротив страдал от высоких цен на спиртное с весьма сомнительным составом. И. А. Курукин и Е. А. Никулина в исследовании развития питейного дела в России отмечали интересный факт: «Водка на барский двор отпускалась в 40^0 и хорошо очищенная, которая называлась дворянская. По той же цене, 3–4 рубля за ведро, крестьянам отпускали в 15 и 20^0, совершенно не очищенную»[132].

При этом в Российской империи существовала строгая регламентация проверки качества спиртных напитков. Наиболее популярным и доступным алкогольным напитком в эпоху откупной системы было хлебное вино или «полугар» как его прозвали в народе. Крепость такого вина составляла 38%. Полугарное вино получило свое название благодаря способу проверки качества: «Вино полугарное должно быть узаконенной доброты, которая определяется таким образом, чтобы влитая в казенную заклеймленную отжигательницу проба онаго, при отжиге, выгорела в половину»[133].

Между тем, монополия откупщиков на отечественном рынке алкогольной продукции привела к падению качества спиртных напитков. Вино продавалось разбавленным и неочищенным. Предприниматели поощряли раздробительную и

---

[130] Гредингер М. О. Основы питейной монополии в России. Пернов: издание книжного магазина Эмиля Трейфельдта, 1897. С. 49.

[131] Горюшкина Н. Е. «Где откуп – там подкуп»: к истории взяток в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 88–97.

[132] Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России: издательство Люкс, 2005. С. 115.

[133] ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. V (1830). № 3664. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1831. С. 402.

тайную продажу спиртосодержащей продукции в магазинах, лавках, на базарах и ярмарках, облагая торговцев дополнительными и неофициальными налогами в свою пользу.

Министерство финансов Российской империи старалось воздействовать на ситуацию, поручая сотрудникам казенных палат проводить политику рыночного ценообразования на алкогольные напитки и контроль их качества и крепости. Однако организация питейного дела эпохи откупной системы в Российской империи отличалась относительной свободой предпринимателей, активно злоупотреблявших своим привилегированным положением.

В 1817 г. правительство предприняло попытку перейти к акцизной системе, разрешив открывать заведения по торговле алкогольными напитками всем, кто получал соответствующую лицензию. Выделка и продажа вина, а также цена на него, как и прежде контролировались государством. Прочие крепкие и слабоалкогольные напитки (водочные изделия и пиво) могли поставляться заводом по вольной цене в заведения, имевшие особое свидетельство на право такой торговли [134]. Учреждалось Управление питейного сбора для взимания акцизов и патентных взносов.

Однако через 9 л. правительство было вынуждено вернуть откупную систему в связи со снижением налоговых поступлений в государственный бюджет[135]. Согласно Именному указу императора Николая I от 14 июля 1826 г. торги на питейный откуп возобновлялись в 29 великороссийских губерниях. В Российской империи установилась переходная (акцизно-откупная) система питейной торговли.

Позднее министр финансов Российской империи А. М. Княжевич отмечал в докладах императору Александру II: «следует терпеливо переносить зло, представляющее и для правительства свою хорошую сторону»[136]. Таким образом,

---

[134] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XXXIV (1817). № 26764. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 135–154.
[135] Там же. Т. I (1825–1827). № 467. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 774–775.
[136] Гредингер М. О. Основы питейной монополии в России… С. 50.

правонарушения откупщиков не встречали серьезного противодействия со стороны правительства и местных органов власти в губерниях, областях и уездах.

Злоупотребления винных откупщиков нарастали при бездействии или только формальной работе органов государственной власти. Качество алкогольных напитков продолжало ухудшаться, а цены вместе с тем необоснованно повышались. В народе низкокачественное и разбавленное хлебное вино прозвали «сивухой» или «сиволдаем»[137]. При этом цена такого вина достигла в 1858–1860 гг. 4–8 руб за ведро против 3 руб рекомендованных российским правительством за напиток хорошего качества и соответствующего стандарта[138]. Такие серьезные злоупотребления и нарушения могли существовать только при покровительстве местных органов законодательной и исполнительной власти. Д. А. Миропольский, управляющий акцизными сборами Санкт-Петербургской губернии, отмечал в 1880 г.: «Не знать и не видеть этих злоупотреблений было нельзя и все дело объясняется личными разсчетами и выгодами местной администрации»[139].

Таким образом, винные откупа как социально-экономический феномен российского законодательства вызывали недовольство не только в широких общественных кругах, но и среди государственных чиновников. Несовершенство откупной системы, с экономической точки зрения, заключалось в том, что императорская казна недополучала колоссальные суммы. Если учесть доходы откупщиков от этого вида предпринимательской деятельности, то выплаты, предусмотренные договорными обязательствами в пользу государственного бюджета, были лишь малой долей того, что приносила питейная торговля.

Также, беря в расчет повсеместные злоупотребления, распространение народного пьянства и разорение целых регионов, можно сделать вывод о несовершенстве и несостоятельности откупной системы с социальной точки

---

[137] Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа… С. 210.
[138] Глебов А. В. Борьба с пьянством… С. 27.
[139] Миропольский Д. А. Косвенные налоги в России. 1855–1880. СПб.: типография Ф. Г. Елеонского и К^0, 1880. С. 2.

зрения. В «Уставе о питейном сборе» от 2 апреля 1817 г. написано следующее о деятельности винных откупщиков: «Сей способ к получению казенных доходов, будучи сопряжен, по существу своему, с крайним для народа отягощением, не менее того затруднителен и неблагонадежен для казны»[140].

Таким образом, откупная система регулирования алкогольного рынка характеризовалась монополией ограниченного круга предпринимателей, активно злоупотреблявших своим привилегированным положением. Производство и реализация контрафактного алкоголя рассматривалось правительством исключительно как прямая угроза экономической стабильности государства.

Акцизная система. Акцизная система, введенная 1 января 1863 г., в Российской империи также являлась формой косвенного налогообложения алкогольного рынка. В цену на спиртное закладывалась дополнительная сумма, которая поступала в государственный бюджет. Право производства и торговли алкогольными напитками приобреталось благодаря особому патенту, который предоставлялся за определенную плату. Цена патента и размер акциза рассчитывались исходя из разновидности спиртного и его крепости, а также формы реализации: на вынос или распивочно в заведении[141].

Развитие частного сектора в питейной торговле привело к широкому распространению таких понятий как «акциз» и «патент», которым необходимо дать определение. Согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, акциз – «налог косвенный на предметы внутренняго производства, выделываемые и продаваемые частными лицами, взимаемый собственно с потребления»[142]. В России уже с X–XI вв. крепкие напитки стали предметом высокого интереса для правительства (медовая дань, сбор с солода, брашная пошлина)[143]. С введением акцизной системы в Российской империи косвенное

---

[140] ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XXXIV (1817). № 26764. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. С. 134–135.
[141] Артемьева Л. В. Этапы и механизм введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX века // Транспортное дело России. 2011. № 5. С. 122–125.
[142] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. СПб.: Семеновская типо-литография (И. А. Ефрона), 1890. С. 326.
[143] Там же. С. 328.

налогообложение рынка алкогольной продукции оформляется в единую централизованную систему, которая контролировалась государственной властью.

Вводилось две формы взимания акциза, которые были привязаны к объему производимого алкоголя: высшая и низшая. При так называемой высшей норме налогом не облагалось спиртное, превышавшее расчетные показатели, которые могут быть получены при использовании определенного количества сырья. При низшей норме акциз платили за половину всего выкуриваемого спирта. Заводчик имел право самостоятельно определять, какая система налогообложения будет применяться на его предприятии. Большинство предпочитало высшую норму[144].

Между тем переход от откупа к акцизу, на первоначальном этапе, позволил снизить цены на водку и вино более чем в 2 раза[145]. Это связано с ростом уровня предложения алкоголя на отечественном рынке благодаря расширению производства и повсеместному увеличению числа мест продажи спиртного. Широкие слои населения получили доступ к дешевому алкоголю в больших количествах.

Акциз на спиртное налагался на этапе производства, чтобы исключить вероятность обхода действовавшей системы налогообложения. При этом в дополнение к акцизам вводился дополнительный сбор (патентный) как для заводов, так и частных питейных заведений. Патентный сбор, согласно определению «Настольного энциклопедического словаря издания товарищества «А. Гранат и К°»», – это разрешительные свидетельства на заведения для производства и продажи некоторых обложенных акцизами предметов, «служит, таким образом, дополнением к соответствующим косвенным налогам»[146]. Размер патентного сбора устанавливался в зависимости от того, к какому разряду будет отнесена губерния или уезд. Разрядность утверждалась на

---

[144] Артемьева Л. В. Этапы и механизм введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX века… С. 122–125.

[145]Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1882. С. 26.

[146]Настольный энциклопедический словарь. Т. VI. М.: издательство товарищества «А. Гранат и К°», 1897. С. 3773.

срок 3 г. и не подлежала пересмотру. Патенты выдавались на 1 г. или полгода. Например, владельцы оптовых складов пива и вина платили патентный сбор от 20 до 60 руб, а винных лавок по 100 руб в год[147].

Отличительной особенностью новой системы регулирования алкогольного рынка стало постоянное повышение акцизных и патентных сборов в целях пополнения государственной казны[148].

Такой подход в системе налогообложения поощрял предпринимателей производить больше алкоголя, для чего совершенствовались техника и технология винокурения. Новый формат регулирования рынка алкогольной продукции создал ситуацию массового распространения спиртного и точек его реализации. Но, несмотря на это, качество алкогольных напитков значительно улучшилось.

Чиновники Управления питейного сбора следили за тем, чтобы весь произведенный алкоголь облагался акцизом. В качестве премии представителям акцизного надзора полагалась прибавка к жалованью из налоговых поступлений в бюджет. Таким образом осуществлялось дополнительное материальное стимулирование к выполнению должностных обязанностей.

Например, согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета Российской империи 9 января 1873 г. премиальная часть, по представлению министра финансов М. Х. Рейтерна, составляла 1.5% от питейных доходов, которая распределялась пропорционально между сотрудниками акцизного управления, исходя из размеров жалованья и

---

[147] Жолобова Г. А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 18–24.

[148] ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. LIV (1879–1880). Отделение первое. № 59252. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1881. С. 24; Там же. № 59639, 59640. С. 384–385; ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. I (1881). № 177. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1885. С. 86; Там же. Т. VII (1887). № 4895. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1889. С. 501; Там же. № 4588. С. 329; ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XII (1892). № 9022. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1895. С. 631; Там же. № 9066. С. 651.

занимаемой должности[149]. В документе отмечено следующее: «Те должностные лица, коих жалованье составляет свыше 1300 рублей в год, не получали более 50 копеек на рубль жалованья, а образующиеся от сего остатки причислились к сумме, подлежащей раздаче соответственно жалованью должностным лицам, получающим жалованья 1300 и менее рублей»[150].

Таким образом, законодательная система, в том числе в рамках практики винных откупов, была ориентирована преимущественно на пополнение государственного бюджета. Достигалось это за счет стимулирования темпов производства и реализации алкогольных напитков, а также посредством увеличения объемов акцизных и патентных сборов. Подобная политика, несмотря на свою эффективность с точки зрения доходов казны, имела существенные социальные последствия. Она несомненно способствовала развитию и распространению пьянства среди населения.

14 мая 1885 г. для упорядочения торговли алкоголем вводились Высочайше утвержденные «Правила о раздробительной продаже напитков». Образовывались губернские и уездные по питейным делам Присутствия, деятельность которых была направлена на контроль за соблюдением предпринимателями новых правил реализации спиртных напитков[151].

Постоянное повышение акцизов и патентных сборов привело к росту цен на алкогольные напитки. Распространение получила контрабанда спирта из-за границы, который стоил намного дешевле отечественного. Реакцией правительства стало усиление пограничной охраны для пресечения фактов незаконного провоза спиртного.

30 апреля 1885 г. на заседании Государственного совета Российской империи был утвержден проект Министерства финансов «О мерах против

---

[149] ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. XLVIII (1873). № 51746. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1876. С. 10–11.
[150] Там же. С. 11.
[151] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. V (1885). № 2946. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1887. С. 199–204.

контрабанды спирта на западной сухопутной границе с Пруссиею и Австриею»[152]. Нормативно-правовой акт предусматривал расширение штата пограничных служащих «корчемной стражи» и увеличение расходов на их содержание до 793800 руб в год. В приграничных зонах усиливался контроль за оборотами спиртного, предписывалось приобретать спирт у официальных поставщиков и винокуренных заводов[153]. Подобные меры были направлены на пресечение незаконного импорта спиртных напитков и сохранение доходов государственного бюджета.

Акцизная система приносила в государственный бюджет стабильный доход, возраставший с каждым годом. Согласно статистическим данным в 1863 г. денежные поступления в казну составили 138 млн руб, в 1873 г. – 179 млн руб, а в 1879 г. – более 227 млн руб[154]. Таким образом, только за 16 лет существования акцизной системы налоговые поступления от питейной торговли выросли на 79%. В основном это были доходы от акцизов со спирта и вина (Приложение 1).

Число питейных заведений в 1863–1867 гг. возросло с 257531 до 411103 единиц. Далее их количество начало постепенно уменьшаться и в 1878 г. достигло 181979 единиц. Но, как показывает статистика, на доходы казны это не повлияло благодаря росту промышленного производства алкоголя и повышению ставок по акцизам и патентам[155].

Таким образом, акцизная система регулирования алкогольного рынка позволила правительству Российской империи увеличить доходы государственного бюджета. На данном историческом этапе были предприняты первые попытки усиления контроля за производителями и продавцами алкогольных напитков путем юридического регулирования и создания рыночной конкуренции.

---

[152] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. V (1885). № 2911. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1887. С. 183.
[153] Там же. № 2911. С. 183–184.
[154] Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система… С. 40.
[155] Там же. С. 40.

Винная монополия. Внедрение системы винной монополии в Российской империи было направлено на решение двух совершенно противоположных задач: дополнительно пополнить государственный бюджет и уменьшить народное пьянство[156].

Привлечение новых денежных поступлений через регулирование рынка алкогольной продукции для финансирования быстро растущих государственных расходов было вполне обычным явлением для российской экономики и законодательства.

Не так просто дело обстояло с законодательством в сфере социальной защиты населения. Политика ограничения торговли по времени и месту и усиления надзора за заведениями, торговавшими спиртными напитками, не приносила внушительных результатов в искоренении пьянства. Поэтому решение проблемы распространения спиртных напитков, несколько усугубившейся после введения акцизной системы, требовало более детальной проработки и совершенствования существовавшей юридической базы, направленной на борьбу за народную трезвость.

В ходе проведения питейной реформы 1894 г. Министерство финансов Российской империи поставило перед собой определенные цели, сочетавшие финансовые и социальные задачи: улучшение качества хлебного вина, снижение уровня народного пьянства, удешевление стоимости алкогольной продукции для потребителей, прекращение практики продажи водочной продукции в долг и под залог, организация производства спиртных напитков без вредных примесей, увеличение доходов Государственного казначейства[157].

В начале проведения питейной реформы появление на внутреннем рынке казенной водки и вина, получивших в народе неофициальное название

---

[156] Артемьева Л. В. Причины и механизм внедрения винной монополии в России в конце XIX века // Транспортное дело России. 2012. № 6-1. С. 114–118.

[157] Котельников А.Д. Исторический опыт борьбы с народным пьянством в Российской империи и зарубежных странах во второй половине XIX в. // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции, 2024. С. 238–242.

«монополька», встретило неодобрительную реакцию в губерниях, где была введена винная монополия.

Население, привыкшее к употреблению водки с повышенным содержанием сивушных масел, оценивало новый, более очищенный продукт как некачественный и недостаточно крепкий. Это явление объяснялось тем, что сивушные масла как побочные продукты брожения вызывали искусственную зависимость, способствуя развитию пьянства. Таким образом, сформировавшиеся потребительские привычки вступили в противоречие с новыми стандартами качества алкогольной продукции[158].

Введение винной монополии нанесло существенный экономический ущерб трактирам, ранее осуществлявшим реализацию крепких алкогольных напитков. В рамках новой системы продажа спиртного была ограничена исключительно форматом «на вынос», что кардинально изменило модель потребления и снижало доходы заведений общественного питания.

Взамен была создана сеть казенных и частных винных лавок, деятельность которых строго регламентировалась обновленными правилами ведения питейной торговли[159]. Параллельно правительство предприняло меры по противодействию массовому пьянству, реализуя политику взаимодействия государственных органов и общественных институтов через систему попечительств о народной трезвости.

Согласно Положению о казенной продаже питей, утвержденного Государственным советом Российской империи 8 июня 1894 г., продажа спирта, вина и водочных изделий переходили под контроль государства. Регулирование цен на алкогольные напитки теперь принадлежало Министерству финансов. При этом частные питейные заведения продолжили функционировать согласно новым законоположениям, уплачивая акцизные и патентные сборы и приобретая спиртные напитки на казенных складах. Отдельным пунктом предписывалось

---

[158] Котельников А.Д. Исторический опыт борьбы с народным пьянством в Российской империи и зарубежных странах во второй половине XIX в… С. 238–242.

[159] Инструкция продавцам питей в казенных винных лавках Уфимской губернии. Уфа: народная типография А. П. Зайкова, 1897. С. 5–13.

разработать и утвердить устав попечительств о народной трезвости: «Проект Устава Попечительств, учреждаемых в районе казенной продажи питей для надзора за производством питейной торговли в интересах народного здравия и народной нравственности, подвергнуть рассмотрению осенью текущего года»[160].

Введение казенной продажи питей усилило борьбу с корчемством. Для пресечения поставки на внутренний рынок контрафактного алкоголя Государственный совет Российской империи принял постановление «О взысканиях за нарушение Положения о казенной продаже питей» от 9 января 1895 г., который содержал следующие пункты:

1) за производство и продажу суррогатного вина, спирта и водки полагался штраф в трехкратном размере от официально установленной цены на данные виды напитков и лишение свободы на срок от 2 мес до 1 г. 4 мес с конфискацией алкоголя;

2) продавцы казенных винных лавок, уличенные в незаконной торговле, подвергались штрафу и лишению свободы на срок от 2 до 4 мес с бессрочным запретом занимать аналогичные должности в будущем;

3) за подделку печатей, пломб и этикеток на алкогольной продукции (Приложение 2) виновные наказывались лишением свободы на срок от 1 г. 4 мес до 2 л.[161].

Ужесточение наказания в сфере торговли спиртными напитками согласовывалось с основным положением питейной реформы о снабжении отечественного рынка качественным и безопасным алкоголем для здоровья населения.

Распространение системы винной монополии на территории Российской империи проходило поэтапно. К 1906 г. казенная продажа питей действовала

---

[160] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 10766. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1898. С. 405.

[161] Там же. Т. XV (1895). № 11216. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1899. С. 3–5.

в 65 губерниях и 10 областях Российской империи, в том числе и в Уфимской губернии.

Уровень потребления алкоголя в государстве составлял в 1894 г. – 60.7 млн ведер сорокаградусной водки, в 1898 г. – 64.4 млн ведер, в 1902 г. – 67 млн ведер (ведро – русская мера объема жидкости равная 12.3 л)[162]. Статистика показывает, что потребление крепкого спиртного росло, и, по замечаниям общественного деятеля того времени Д. Н. Бородина, «возвещенныя нравственные задачи принесены в жертву фискальным интересам»[163].

Таким образом, доход от производства и продажи алкогольной продукции на отечественном рынке являлся одним из ключевых источников пополнения государственного бюджета в 1649–1914 гг. Питейное дело занимало важное место в социальной и экономической сферах жизни российского общества. На протяжении длительного исторического периода налоговые поступления от рынка алкогольной продукции имели ключевое значение для государственного бюджета России.

При откупной системе право производства и продажи алкогольной продукции находилось в руках ограниченного круга предпринимателей, активно злоупотреблявших своим привилегированным положением. Приоритетным направлением российской законодательной системы было уничтожение подпольного рынка спиртных напитков для устранения конкуренции в питейном деле и увеличения налоговых поступлений в государственный бюджет.

Акцизная система, сменившая винные откупа в 1863 г., привела к улучшению качества алкогольных напитков. Отличительной особенностью этого периода было постоянное повышение акцизных и патентных сборов, рост точек торговли алкогольными напитками и повсеместное расширение производства.

---

[162] Бородин Д. Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб.: типография «Самокат», 1908. С. 101.
[163] Там же. С. 106.

Введение казенной продажи питей в губерниях и областях Российской империи имело противоречивые результаты. Министерству финансов удалось создать качественный продукт для потребителя, кратно увеличив доходы Государственного казначейства. Однако потребление спиртных напитков продолжило показывать тенденцию роста.

1.2 Законодательная база движения за народную трезвость

Откупная система. Откупная система может быть охарактеризована как исторический период, в котором полностью отсутствовала нормативно-правовая база по борьбе с народным пьянством. Потребление алкогольных напитков широко распространялось среди крестьянского сословия и рабочих на заводах и мануфактурах. Например, в Государственном историческом музее (г. Москва) среди экспонатов можно найти чугунную медаль весом 4.1 кг с надписью «За пьянство», которой «награждались» рабочие Демидовских заводов на Урале в первой половине XVIII в. за злоупотребление спиртными напитками (Приложение 3).

Особенности государственно-правового регулирования алкогольного рынка спровоцировали массовое народное недовольство в 1850–1860 гг. В губерниях и областях Российской империи стали возникать общества трезвости. Крестьяне составляли приговоры о воздержании от потребления вина до тех пор, пока цены на спиртное не будут снижены до разумных и законом установленных пределов[164]. Целью антиалкогольного движения в Российской империи, которое известный писатель Н. А. Добролюбов назвал «народным делом», было не стремление к безоговорочной трезвости, а протест против произвола откупной системы, низкого качества спиртных напитков и завышения цен на них[165].

---

[164] Глебов А. В. Борьба с пьянством… С. 26.

[165] Котельников А. Д. Антиалкогольное общественное движение в Российской империи (1850–1860 гг.) // Цифровизация: новые тренды и опыт внедрения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 2025. С. 55–57.

Первые общества трезвости в России не были официальными организациями. Они не имели устава, регламентировавшего деятельность, права и обязанности участников. Общество трезвости, на начальном этапе своего развития, представляло особую форму взаимодействия группы лиц, преследовавших цель воздержания от потребления спиртных напитков в течение ограниченного времени. Скорее это была временная кооперация, выполнявшая единственную задачу – подрыв основ откупной системы.

Приговоры трезвости составлялись в простой письменной или устной форме на определенный срок, например, 1 год, с назначением штрафных санкций или телесных наказаний за нарушение обета не пить вина. Л. К. Бух, российский экономист и революционер, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» приводил такие слова: «Слухи, расходящиеся по народу о том, что там перестали пить, в другом месте перестали пить, приветствуются с живою радостью и поддерживают решимость и бодрость юных зародышей обществ трезвости»[166]. Общества трезвости стихийно образовывались во Владимирской, Курской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской и целом ряде других губерний и областей Российской империи[167].

На первоначальном этапе антиалкогольное движение в Российской империи не встречало серьезного сопротивления со стороны органов государственной власти. Воздержание крестьян от чрезмерного потребления спиртных напитков признавалось даже полезным и необходимым, учитывая колоссальные уровни пьянства и злоупотреблений откупщиков, падение нравственных и моральных устоев, разорение крестьянских хозяйств[168].

По Департаменту исполнительной полиции 22 марта 1859 г. было разослано распоряжение не препятствовать стремлениям крестьян к составлению приговоров о воздержании от потребления вина и организации обществ трезвости. Однако, с условием, чтобы «общественные приговоры, не определяли

---

[166] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 575. Оп. 3. Д. 3998. Л. 273.
[167] Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело… С. 19.
[168] РГИА. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 140. Л. 1.

штрафов и наказаний за нарушение своих постановлений, присвояя таким образом себе власть, законом непредоставленную»[169].

Между тем правительство опасалось сплочения крестьян вокруг трезвеннических кружков и их организованного выступления против действовавшего порядка. Верховная власть считала, что без строгой регламентации деятельность обществ трезвости будет пассивной и не долговечной. В конечном итоге крестьяне вернутся к регулярному потреблению вина и покинут ряды данных организаций.

Но население не только не покинуло общества трезвости, а, напротив, антиалкогольные выступления становились популярнее и привлекали новых сторонников и единомышленников. Оппозиционная борьба крестьянства с откупщиками привела к падению оборотов спиртной продукции на внутреннем рынке[170].

Откупщики начали бить тревогу и попытались воздействовать на ситуацию, прибегая к всевозможным хитростям и уловкам. Аргументами в защиту действовавшего порядка питейной торговли служили повышение налоговых сборов в пользу государства и право на вольное ценообразование[171]. Регулярно составлялись доклады в акцизно-откупное комиссионерство и прошения в Министерство финансов Российской империи с просьбой в содействии возрождения откупов и пресечении протестов крестьянского населения[172].

Полиция грозила крестьянам преследованием за отказ употреблять вино и попытки подорвать откупную систему, приносившую в государственный бюджет стабильный доход. На ярмарках и базарах выставлялись шатры с бесплатным вином в попытках споить население и приучить его к регулярному пьянству. Откупщики распространяли слухи, что сверхприбыль от продажи спиртного

---

[169] РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 3.
[170] Глебов А. В. Борьба с пьянством… С. 27.
[171] РГИА. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 140. Л. 8.
[172] Там же. Л. 4 об; РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 960. Л. 9–10; РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 11 об.

пойдет на выкуп крестьян и освобождение от крепостного права[173]. Однако население было непреклонно: «не будем же пить, дадим зарок, пусть их откупщики и целовальники сами выпьют все вино, а мы не хотим, не станем»[174].

Православная церковь поддерживала стремление российских граждан к трезвости. В 1859 г. Святейший правительствующий синод Российской империи благословил «священно-служителей содействовать возникновению в городских и сельских сословиях благой решимости воздержания от употребления вина»[175].

Поддержка православной церкви, главного антагониста Министерства финансов и его «политики опьянения», сыграла огромную роль в становлении антиалкогольного общественного движения в Российской империи в 1850-х гг.

Информация, содержащаяся в циркулярах и распоряжениях Святейшего правительствующего синода Российской империи, позволяет сделать заключение, что изначально борьба православного духовенства с пьянством велась по личной инициативе приходских священников. Поддержку и благословение высшей церковной администрации священники получили позднее, когда общества трезвости уже активно распространялись на территории Российской империи.

Винные откупщики пытались ограничить влияние православной церкви в алкогольном вопросе. На всей территории империи предприниматели, занимавшиеся питейной торговлей, направляли прошения и ходатайства на имя губернаторов с просьбами «провести дознание по поводу призыва священников отказаться от входа в питейные дома»[176].

В донесениях отмечалось, что для рядового крестьянина священник занимал ключевое положение в сельских обществах, и его авторитет не подлежал никаким сомнениям. Откупщики настаивали на том, что подобные призывы негативно влияли на доходы от реализации винной продукции. Как следствие возможны задержки выплат в казну согласно договору с правительством о ведении питейной торговли и потенциальный подрыв экономической стабильности государства:

---

[173] Глебов А.В. Борьба с пьянством... С. 26–28.
[174] РГИА. Ф. 575. Оп. 3. Д. 3998. Л. 273.
[175] Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело… С. 19–20.
[176] РГИА. Ф. 740. Оп. 196. Д. 560. Л. 7–8.

«придется запереть питейные заведения и сущность откупа, а с ним и одного из источников важного Государственного дохода, совершенно прекратится»[177].

Для стабилизации ситуации, связанной с упадком доходов от питейной торговли, министр финансов Российской империи А. М. Княжевич направил 4 июня 1859 г. предложение Святейшему правительствующему синоду, сделать распоряжение духовенству прекратить принуждение православного населения к отказу от употребления вина [178] . Представители церковной власти не согласились пойти на уступки, считая борьбу приходских священников с алкоголизмом абсолютно правильной и легитимной. Обер-прокурор Синода А. П. Толстой незамедлительно дал ответ следующего содержания на предложение министра финансов А. М. Княжевича: «Вполне приличествует долгу служения пастырского борьба с пьянством»[179].

Однако противостояние Святейшего правительствующего синода и Министерства финансов Российской империи на этом не завершилось. Высшие эшелоны власти понимали, что дальнейшее распространение обществ трезвости и их поддержка представителями духовенства приведет к усугублению ситуации и резкому падению доходов от питейной торговли[180].

Циркуляром № 57 Министерства внутренних дел Российской империи от 22 июня 1859 г. сельским обществам запрещалось составлять приговоры трезвости и воздержания от потребления спиртных напитков[181]. Правительство выбрало путь силы и принуждения и объявило войну тотальной трезвости, опасаясь подрыва экономических основ государства.

По предложению министра финансов Российской империи А. М. Княжевича рекомендовалось снизить цены на обыкновенное низкокачественное вино

[177] РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 960. Л. 1 об.
[178] РГИА. Ф. 796. Оп. 140. Д. 560. Л. 38.
[179] Там же. Л. 36.
[180] РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 960. Л. 3 об.–4.
[181] РГИА. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 140. Л. 1 об.

до 3 руб за ведро для увеличения оборотов алкогольной продукции. При этом цены на улучшенное хлебное вино оставались без изменений[182].

Подобная социально-экономическая политика 1850–1860 гг. дает возможность сделать вполне определенный и однозначный вывод. Приоритетным направлением деятельности российского правительства выступало пополнение государственной казны путем расширения рынка алкогольной продукции.

Возникновение в разных уголках Российской империи обществ трезвости и антиалкогольные выступления крестьян активно освещались корреспондентами периодической печати. Газеты и журналы публиковали статьи, критиковавшие откупную систему и рассказывавшие о борьбе православного духовенства с алкогольной зависимостью, увеличении числа обществ трезвости и столкновении крестьян с официальными представителями власти.

Правительство стремилось заглушить волну антиалкогольных настроений. С этой целью Министерство народного просвещения Российской империи приступило к строгой цензуре статей периодической печати, исключая любую информацию, компрометировавшую откупную систему, действия полиции, губернских и уездных органов исполнительной власти[183].

Запрет на организацию обществ трезвости в 1859 г. привел к погромам питейных заведений в разных уголках Российской империи. Население требовало закрыть кабаки и трактиры, разобраться в причинах высоких цен на спиртное или вовсе отменить откупную систему как пережиток прошлого[184].

В некоторых местах столкновения носили вооруженный характер. Такие трезвеннические выступления происходили в 1859–1860 гг. в Владимирской, Вятской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Смоленской губерниях[185].

---

[182] РГИА. Ф. 1286. Оп. 34. Д. 140. Л. 8 об.
[183] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4781. Л. 9–10.
[184] Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века / под ред. С. Б. Окуня, К. В. Сивкова. М.: издательство социально-экономической литературы, 1963. С. 18–20.
[185] Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М.: Российский архив, 2006. С. 498.

Согласно данным, приводимым историком В. А. Федоровым, в ходе народных волнений на территории Поволжья в 1859 г. было арестовано и осуждено около 780 чел. Антиалкогольные выступления не имели прецедентов в отечественной истории и вызвали искреннее изумление среди современников, став заметным явлением социально-политической жизни России середины XIX в.[186].

Шеф жандармов князь В. А. Долгорукий в докладе императору Александру II сообщал: «В течение 1859 г. случилось у нас событие, совершенно неожиданное. Жители низших сословий, которые, как прежде казалось, не могут существовать без вина, начали добровольно воздерживаться от употребления крепких напитков» [187] . Согласно информации, изложенной князем В. А. Долгоруким в докладе императору Александру II, в 1859 г. в 12 губерниях Российской империи было разграблено и уничтожено 220 питейных заведений. Задержано в ходе беспорядков около 400 чел.

Таким образом, формирование общественного движения в борьбе за народную трезвость в Российской империи связано с многочисленными злоупотреблениями и правонарушениями группы предпринимателей, занимавшихся питейной торговлей. Произвол винных откупщиков, повсеместная коррупция, завышение цен и низкое качество спиртных напитков стали главными причинами массового отказа населения от алкогольной продукции в 1850–1860 гг.

В 1850–1860 гг. произошло столкновение социально-экономических интересов винных откупщиков, правительства и простого народа. Откупщики были непосредственно заинтересованы в сохранении своего влияния и преумножении питейного дохода. В свою очередь правительство стремилось извлечь максимальную финансовую выгоду в виде налоговых поступлений в государственный бюджет от оборота алкогольной продукции на внутреннем

---

[186] Котельников А. Д. Антиалкогольное общественное движение в Российской империи (1850–1860 гг.)… С. 55–57.

[187] Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869… С. 497.

рынке. Российское население пыталось защитить личные интересы: добиться рыночного ценообразования и надлежащего качества спиртных напитков.

Однако противодействие со стороны органов государственной власти сделало невозможным развитие трезвеннического движения в России в 1850–1860 гг. Правительство объявило трезвость вне закона, желая сохранить главный источник пополнения императорской казны. Деятельность обществ трезвости приняла нелегитимный и антиправительственный характер.

Возрождение и дальнейшее развитие обществ трезвости стало возможным в 1870-х гг. после отмены винных откупов и внедрения акцизной системы регулирования рынка алкогольной продукции в Российской империи. Правительство, признав алкогольную зависимость народным бедствием, приступило к юридической регламентации деятельности данных социально значимых учреждений.

Акцизная система. Акцизная система регулирования алкогольного рынка характеризуется внедрением нормативно-правовой базы, направленной на ограничение торговли спиртными напитками по времени и месту, а также юридическим обоснованием деятельности обществ трезвости. Стремление крестьянского населения к трезвому образу жизни, встречало сочувствие среди официальных представителей органов исполнительной власти.

Правительство учитывало горький опыт откупной системы и уделяло серьезное внимание народной трезвости и нравственности. Высочайше утвержденные «Правила о раздробительной продаже напитков» от 14 мая 1885 г. вводили ограничение на открытие заведений, торговавших крепкими спиртными напитками, ближе 40 саженей от императорских владений, театров, церквей, учебных заведений, больниц и мечетей. Воспрещалось допускать к продаже спиртных напитков людей, имевших судимость или находившихся под следствием, а также лиц, «от которых, по имеющимся сведениям, нельзя

ожидать правильнаго и согласнаго с интересами народной нравственности производства торговли»[188].

В трактирах, лавках и магазинах запрещалось отпускать алкогольные напитки гражданам, находившимся в состоянии сильного опьянения и несовершеннолетним. Не допускались азартные игры, беспорядки, «распутныя женщины и недозволенные увеселения»[189]. Сельские общества наделялись правом отказывать в открытии питейных заведений в своих населенных пунктах: «Вопрос о недопущении питейной торговли в селении решается в сходах простым большинством голосов»[190].

В период 1875–1893 гг. на территории Российской империи было организовано более 60 обществ трезвости[191]. Данные учреждения образовывались сельскими и церковными сообществами. Министерство внутренних дел Российской империи организовывало строгий надзор за деятельностью обществ трезвости для пресечения волнений и развития антиправительственных движений.

Развитие обществ трезвости в губерниях и областях Российской империи предусматривало решение широкого спектра задач, направленных на ограждение граждан от чрезмерного потребления крепких спиртных напитков и обеспечения их культурного досуга. Для этого представители и участники данных социальных организаций устраивали беседы и чтения, выписывали книги, журналы и листовки антиалкогольного содержания. А. В. Глебов, активный борец с пьянством, поддерживал такой подход в движении за народную трезвость: «Книжки надо читать не нравоучительныя – от них толку мало; а те, в которых просто и ясно разсказывается о вреде спиртных напитков»[192].

Кроме того, проводились церковные проповеди об опасности потребления спиртосодержащих напитков на регулярной основе. Важной составляющей нового направления борьбы с пьянством стало распространение образования и

---

[188] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. V (1885). № 2946… С. 204.
[189] Там же. № 2946. С. 205.
[190] Там же. № 2946. С. 200.
[191] Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX – начале XX вв. // Омский научный вестник. 2005. № 4 (33). С. 22–26.
[192] Глебов А. В. Борьба с пьянством… С. 23.

просвещения: «Опять-таки они должны хлопотать об основании школ, устраивать чтения, беседы, воскресныя школы, вечерние повторительные курсы для взрослых, народныя библиотеки и читальни, всячески распространять хорошия книги и газеты»[193].

Общества трезвости Российской империи по методам борьбы с алкогольной зависимостью и организационно-функциональным основам можно классифицировать на следующие категории: 1) организации, проводившие широкую воспитательную и культурно-просветительную работу; 2) общества трезвости, представлявшие закрытую группу «абсолютных трезвенников, замкнувшихся в себе, действующих только для себя, вовсе не отражающих идей трезвости на народную массу»[194]; 3) церковно-приходские общества трезвости, действовавшие на религиозных началах через проповеди и молитвы для укрепления воли и силы духа участников[195].

Общества трезвости в период акцизной системы регулирования алкогольного рынка следует рассматривать как неформальные институты. Деятельность данных организаций строилась на общепринятых условностях, традициях, моральных нормах и кодексах поведения. Соблюдение неформальных норм обеспечивалось самоконтролем и общественным мнением[196]. Поддержки со стороны правительства в части субсидирования и законодательной инициативы не наблюдалось на данном этапе исторического развития.

Таким образом, общества трезвости на данном этапе исторического развития не финансировались правительством, им не предоставлялось льгот и субсидий. Министерство внутренних дел Российской империи контролировало деятельность данных организаций и пресекало антиправительственные настроения. Между тем серьезные шаги были сделаны в вопросе ограничения

---

[193] Глебов А. В. Борьба с пьянством… С. 24.
[194] Мордвинов И. П. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб.: типография Александро-Невского общества трезвости, 1911. С. 3.
[195] Там же. С. 4.
[196] Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 143.

свободной продажи спиртных напитков, упорядочивания деятельности алкогольного рынка и отстранения от торговли неблагонадежных лиц.

Винная монополия. Качественно новый уровень развития движения за народную трезвость приходится на период винной монополии министра финансов Российской империи С. Ю. Витте. В 1895 г. учреждение попечительств о народной трезвости в районах казенной продажи питей и юридическое обоснование их деятельности на правительственном уровне стало важным шагом в борьбе с народным пьянством, до этого не имевшим аналогов в российской истории. Введение винной монополии активизировало систему государственно-общественного партнерства, направленную на привлечение к проблеме пьянства передовых представителей общества.

Во второй половине XIX в. российское правительство признало алкогольную зависимость социальной проблемой и народным бедствием. В Российской империи сформировалось понимание того, что только совместные усилия органов государственной власти и общества способны дать ощутимый результат в борьбе с народным пьянством. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона отмечалось, что «успеха в этом деле можно ожидать только тогда, когда государство и общество сообща примут энергическия меры против алкоголизма»[197].

Формирование системы государственно-общественного партнерства в форме попечительства как важного социального института Российской империи происходило при поддержке правительства. Органы государственной власти развивали систему социальной защиты населения путем юридического регулирования и совершенствования законодательной базы.

Идея попечительства подразумевала под собой взаимодействие представителей общественности и государства в помощи определенным категориям населения. Государственная власть брала на себя обязанность

[197] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890. С. 455.

сформировать прочную юридическую базу, предоставить финансовую помощь в виде льгот и субсидий.

Таким образом, в период проведения новой питейной реформы произошло закрепление института попечительства о народной трезвости как формального объединения, деятельность которого закреплялась на высшем законодательном уровне с четкой структурой и иерархией. Именно это отличало новую социальную реформу от работы обществ и братств трезвости как неформальных институтов при акцизной системе регулирования алкогольного рынка. При государственной винной монополии происходил процесс институционализации движения за народную трезвость.

Институционализация – это процесс формализации социальных отношений, перехода от неформальных связей и неорганизованной деятельности к созданию устойчивых организационных структур с иерархией власти, регламентацией правил и процедур, а при возможности – с их юридической легализацией. В результате такого процесса появлялись социальные институты – устойчивые формы организации совместной деятельности людей, которые регулировали их поведение и удовлетворяли значимые общественные потребности[198].

К концу XIX в. запрос на борьбу с народным пьянством сформировался в правительственных и общественных кругах. Законодательные решения должны были идти рука об руку с активностью населения. Только такая форма взаимодействия власти и общества могла гарантировать положительный результат.

Деятельность системы попечительства о народной трезвости предусматривала привлечение к острым социальным проблемам прогрессивных представителей общества. Попечительствам о народной трезвости, помимо денежных пособий от государства, дозволялось аккумулировать и использовать частные пожертвования, которые направлялись на финансирование собственных проектов и мероприятий.

---

[198] Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики… С. 20–23.

В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля термин «попеченье» означает «заботу, усердие, старанье и раченье» о чем-то или о ком-то[199]. В настольном энциклопедическом словаре издательства товарищества «А. Гранат и К⁰» понятие «опека» трактуется следующим образом: «юридический институт, имеющий своею целью защиту и охрану прав и интересов таких лиц, которыя по той или иной причине сами не в состоянии осуществлять свои права и разумным образом оберегать свои интересы»[200].

Формирование института попечительства о народной трезвости произошло достаточно поздно по сравнению с другими формами социальной защиты населения[201]. Это связано с особенностями внутреннего социально-экономического развития России. Финансовая система Российской империи в течение длительного исторического периода была ориентирована на пополнение государственного бюджета через реализацию алкогольных напитков на внутреннем рынке.

В дореволюционных энциклопедических словарях алкоголизм и пьянство отождествлялись не только как медицинское явление. Распространение алкогольной зависимости признавалось серьезной социальной проблемой. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона сказано, что «гибельныя последствия не ограничиваются действием на отдельных лиц, но отзываются на всем обществе»[202].

Однако в Российской империи осознание и принятие этого факта произошло несколько позже, чем в зарубежных странах. До середины XIX в. в России не существовало профильных учреждений для помощи лицам, страдавшим алкогольной зависимостью, не проводилось серьезных научных изысканий на данную тему.

---

[199] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. III. СПб.: типография М. О. Вольфа, 1882. С. 307.
[200] Настольный энциклопедический словарь… С. 3619.
[201] Мокроносова В. С. Исторические аспекты развития института опеки и попечительства в период Российской империи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-3. С. 45–47.
[202] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I … С. 453.

Чрезмерное потребление алкоголя вело к падению материального благосостояния, моральных и нравственных устоев. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона приводится следующая информация: «Алкоголизм отзывается самым гибельным образом на благосостоянии семьи, общины и государства, потому что служит главнейшею причиною обеднения отдельных лиц и народных масс, подрывает в корне благополучие семьи, поощряет проституцию и ведет к нарушению общественного порядка и правовых отношений»[203].

Российскими и зарубежными специалистами отмечалась зависимость уровня преступности от числа алкоголиков в обществе. В странах с огромным числом жителей, страдавших алкогольной зависимостью, фиксировалось повышенное количество самоубийств и психических заболеваний. Кроме того, ряд медицинских исследований доказывал, что дети родителей, употреблявших спиртные напитки на регулярной основе, были подвержены развитию хронических заболеваний, отличались слабым иммунитетом и имели предрасположенность к алкоголизму[204].

Предрасположенность к развитию алкогольной зависимости у потомков пьяниц проявлялась не только как генетическая особенность. Высока вероятность присутствия и внешних факторов, а именно обстановки, в которой происходило формирование личности ребенка.

Попечительство о народной трезвости получило свое развитие с введением казенной продажи питей в ряде губерний и областей Российской империи. Уфимская губерния, наряду с Оренбургской, Пермской и Самарской, стала одним из первых регионов, в котором была введена система винной монополии.

---

[203] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I … С. 455.

[204] Настольный энциклопедический словарь. Т. VII. М.: издательство товарищества «А. Гранат и К^0», 1896. С. 4161.

Деятельность попечительства о народной трезвости на территории Уфимской губернии началась с 1 января 1895 г.[205].

Отдельно следует отметить, что выбор именно этих 4 восточных губерний для эксперимента по введению государственной винной монополии был обусловлен 2 ключевыми факторами:

1) обособленность региона. Заволжский район (Пермская, Уфимская, Оренбургская и Самарская губернии) был достаточно изолирован от других частей империи. Это позволяло минимизировать внешнее влияние и точнее оценить эффект от смены системы на местном уровне;

2) сильное влияние частной монополии. В этих губерниях особенно ярко проявлялось доминирование частных виноторговцев, которое вело к негативным последствиям для населения: завышению цен, ухудшению качества продукции и другим злоупотреблениям. Не случайно именно на территории Поволжья в 1850–1860 гг. прокатилась волна антиалкогольных крестьянских выступлений, сопровождавшихся погромом питейных заведений.

Изначально введение монополии планировалось как эксперимент, результаты которого должны были стать основанием для распространения реформы на всю страну. Однако, не дождавшись завершения испытательного срока, правительство начало распространять монополию на другие регионы.

Важным шагом в формировании движения за народную трезвость стал Высочайше утвержденный «Устав Попечительств о народной трезвости», рассмотренный и принятый Государственным советом Российской империи 20 декабря 1894 г.[206].

Министр финансов Российской империи С. Ю. Витте подчеркивал в послании чиновникам акцизного ведомства Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей от 22 декабря 1894 г., что учреждение

---

[205] Любушкина Е. Ю. Общественные организации России в борьбе с алкоголизмом во второй половине XIX – начале XX вв.: социальные практики // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 101–107.

[206] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 11152. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1898. С. 682.

попечительств о народной трезвости в районах казенной продажи питей являлось необходимым дополнением реализуемой реформы. Данные организации должны сыграть ключевую роль в деле пресечения чрезмерного потребления спиртных напитков и стать связующим звеном между государством и обществом [207]. Поэтому чиновники акцизного надзора призывались принимать как можно более активное участие в заседаниях попечительств о народной трезвости и вносить свои проекты на рассмотрение комитетов[208].

Внедрение системы винной монополии проходило поэтапно. С 1 января 1895 г. губернские и уездные комитеты попечительства о народной трезвости начали функционировать в Уфимской, а также в Оренбургской, Пермской и Самарской губерниях: «Для ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками, в каждой из губерний и областей, в районе казенной продажи питей, учреждаются Попечительства о народной трезвости» [209]. Согласно уставу на расходы по делопроизводству каждому комитету предоставлялось по 100 руб ежегодно от Министерства финансов Российской империи[210]. К 1906 г. казенная продажа питей действовала в 65 губерниях и 10 областях Российской империи.

Губернские и уездные комитеты попечительства о народной трезвости занимались культурно-просветительной и воспитательной работой. Согласно статье №3 «Устава попечительств о народной трезвости» данным организациям предоставлялось право «распространять среди населения здравыя понятия о вреде неумереннаго потребления крепких напитков, а также изыскивать средства для предоставления ему возможности проводить свободное время вне питейных заведений»[211].

В губерниях и областях Российской империи, в которых открывались данные организации, разворачивалась обширная сеть чайных, библиотек и

---

[207] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 162. Л. 7.
[208] Там же. Л. 27.
[209] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 11152… С. 682; Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 95–96.
[210] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 11152… С. 682.
[211] Там же. С. 682.

народных домов. Члены попечительств о народной трезвости организовывали благотворительные мероприятия, чтения и концерты. Осуществлялась поддержка обществ трезвости и организаций, «деятельность которых направлена к достижению тех же целей, с коими учреждаются Попечительства»[212].

Финансовые средства попечительств о народной трезвости составляли денежные суммы, «ассигнуемыя из казны», пожертвования, сборы, поступавшие от продажи изданий и проведения культурно-массовых мероприятий (чтений, концертов и общественных развлечений), а также «суммы, причитающияся открывателям нарушений правил о торговле крепкими напитками, в том случае, когда нарушения обнаружены членами Попечительств»[213].

Организационно-правовые основы губернских и уездных комитетов попечительств о народной трезвости предусматривали принцип широкого социального представительства. В состав комитетов привлекались представители всех сословий и социальных групп.

Структура руководства имела четкую иерархию. Во главе губернских комитетов стояли три ключевых лица: губернатор, епархиальный архиерей и предводитель дворянства. Уездные комитеты попечительства о народной трезвости возглавлялись местными предводителями дворянства. Такая система обеспечивала сочетание административного, духовного и сословного влияния в реализации политики по борьбе с пьянством[214].

В состав попечительств о народной трезвости, помимо руководящих лиц, входили почетные члены и члены-соревнователи, привлекавшиеся «из лиц обоего пола и всех сословий»[215]. Члены-соревнователи избирались уездными комитетами из числа лиц, изъявивших желание принимать непосредственное участие

---

[212] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 11152… С. 682.
[213] Там же. № 11152. С. 682–683; Котельников А. Д., Галиуллина С. Д. Деятельность попечительств о народной трезвости в Уфимской губернии. 1865–1917 гг. (социально-экономический аспект) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. №4 (97). С. 1343.
[214] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 11152… С. 683.
[215] Там же. № 11152. С. 683.

в деятельности попечительства, и утверждались на собрании губернского комитета[216].

Таким образом, правительство целенаправленно формировало широкую социальную базу попечительств, рассматривая партнерство государства и общественности как эффективный механизм противодействия массовому пьянству.

Однако существовали некоторые ограничения для отдельных категорий граждан, желавших вступить в ряды попечительства о народной трезвости. Почетными членами и членами-соревнователями не могли быть несовершеннолетние, нижние воинские чины, лица, занимавшиеся торговлей спиртными напитками или имевшие судимость, банкроты и должники и «равно исключенные из духовнаго ведомства за пороки или же из среды обществ и Дворянских Собраний, по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат»[217].

Кроме того, члены-соревнователи могли принимать участие в заседаниях уездных комитетов только с совещательным голосом, что ограничивало их в праве вносить на рассмотрение и утверждение собственные проекты. Деятельность попечительств о народной трезвости благодаря этому ограничению принимала бюрократический характер, так как на ключевых позициях находились представители местных органов законодательной и исполнительной власти, наделенные широкими полномочиями.

Члены-соревнователи, составлявшие наиболее многочисленную группу в составе уездных комитетов попечительства о народной трезвости, занимались надзором за ходом питейной торговли, заведовали чайными, библиотеками и народными домами, устраивали народные чтения и помогали в организации других культурно-массовых и благотворительных мероприятий.

Согласно Высочайшему повелению министра финансов Российской империи С. Ю. Витте 10 февраля 1895 г. утверждался специальный знак отличия,

---

[216] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). № 11152… С. 683.
[217] Там же. № 11152. С. 683.

который носили все члены попечительства о народной трезвости на левой стороне груди. Нагрудный знак имел символические черты. В середине располагался двуглавый орел, олицетворявший силу и мощь Российской империи. Герб обрамлялся дубовыми листьями, символизировавшими прочность и силу духа попечителей как непоколебимых борцов за народную трезвость (Приложение 4)[218].

Таким образом, деятельность попечительств о народной трезвости регламентировалась специальным уставом, утвержденным на правительственном уровне. В состав организации входили представители различных сословий и социальных групп, что обеспечивало широкую общественную поддержку проводимой политики. Губернские и уездные комитеты попечительства о народной трезвости осуществляли разноплановую деятельность, центральное место в которой занимали культурно-просветительные и воспитательные мероприятия. Их ключевая цель заключалась в ограждении населения от чрезмерного потребления крепких спиртных напитков посредством распространения знаний о вреде пьянства, организации альтернативных форм досуга, формирования трезвеннических традиций в обществе. Попечительства о народной трезвости стали институциональным инструментом государственной политики, сочетавшим административный контроль с общественной инициативой в сфере борьбы с пьянством.

Параллельно с внедрением сети попечительств о народной трезвости в районах казенной продажи питей правительство Российской империи проводило политику повышения качества алкогольных напитков и снабжения отечественного рынка безопасным продуктом для потребителя для чего принимался ряд дополнительных нормативно-правовых актов и постановлений.

В ходе практической деятельности попечительств о народной трезвости правительство вносило дополнения и изменения в действовавшие нормативно-правовые акты для повышения эффективности работы данных

[218] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XV (1895). № 11367. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1899. С. 84.

социальных организаций. Например, Высочайше утвержденное мнение Департамента государственной экономии Государственного совета Российской империи от 27 марта 1895 г. юридически закрепило следующее положение: «Суммы, поступающия в распоряжение Попечительств о народной трезвости, согласно статье 4 Высочайше утвержденнаго, 20 декабря 1894 года (11152), Устава оных, причислять к специальным средствам Попечительств»[219]. На основе этого закона губернские и уездные комитеты попечительств о народной трезвости получили право самостоятельно формировать бюджет и распоряжаться им на свое усмотрение для реализации социальных программ и проектов независимо от Министерства финансов Российской империи.

Кроме того, в 1899 г. Государственный совет Российской империи внес дополнения и изменения в «Устав попечительств о народной трезвости». Согласно этому постановлению увеличивались денежные средства, выделяемые Министерством финансов, на делопроизводство до 300 руб для уездных и 750 руб ежегодно для губернских комитетов. Председатели уездных комитетов попечительств о народной трезвости получали право принимать участие в заседаниях губернского комитета с совещательным правом голоса. Предусматривалось дополнительное финансирование для инспекторов и участковых наблюдателей, выполнявших особые поручения и проводивших контроль деятельности питейных заведений[220].

В дополнение к вышеизложенному, 7 января 1902 г. согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета Российской империи Министерство финансов выделяло дополнительные средства на поддержку попечительств о народной трезвости. Для активных членов губернских и уездных комитетов, которые не состояли на государственной службе или, «состоя на оной, не получают от казны содержания, выдавать из специальных средств

[219] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XV (1895). № 11517… С. 178–179.
[220] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIX (1899). № 17060. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1902. С. 630–631.

Попечительств, с разрешения Министра Финансов, денежное вознаграждение в размере не свыше 1800 рублей в год»[221].

Таким образом, государственно-правовое регулирование деятельности губернских и уездных комитетов попечительств о народной трезвости в районах казенной продажи питей, в частности в Уфимской губернии, не ограничилось одним уставом. С течением времени в ходе практической деятельности попечительств о народной трезвости в губерниях и областях Российской империи выявлялись недостатки и спорные вопросы, которые устранялись разработкой и внедрением дополнительных законоположений для повышения эффективности их работы.

Казенная продажа питей стала крупнейшей реформой рынка алкогольной продукции в отечественной истории. Министерству финансов Российской империи удалось создать качественный продукт для простого потребителя, увеличить доходы императорской казны и заложить систему государственно-общественного партнерства в борьбе за народную трезвость. Деятельность попечительств о народной трезвости регулировалась специальным уставом, закрепленным на общероссийском уровне, и рядом дополнительных законоположений, направленных на устранение недостатков, выявленных в ходе практической деятельности.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование движения за народную трезвость прошло длительный путь развития. При откупной системе регулирования алкогольного рынка деятельность обществ трезвости считалась нелегитимной и антиправительственной, так как несла угрозу экономической стабильности государства.

При акцизной системе регулирования алкогольного рынка началась разработка законодательной базы, направленной на пресечение бесконтрольного потребления спиртных напитков и злоупотреблений в питейной торговле. Совершенствовались методы контроля за производством и реализацией алкоголя,

---

[221] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XXII (1902). № 20944. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1904. С. 7–8.

вводились ограничения на продажу по времени и месту. Деятельность обществ трезвости была признана легитимной и необходимой для продвижения политики народной трезвости и нравственности на территории государства.

Введение казенной продажи питей в губерниях и областях Российской империи послужило отправной точкой формирования системы государственно-общественного партнерства. Она выражалось в сотрудничестве правительственных ведомств и представителей общественности в рамках движения за народную трезвость.

При поддержке правительства учреждались попечительства о народной трезвости, которые осуществляли культурно-просветительную и воспитательную работу. Их деятельность была направлена на информирование населения о вреде чрезмерного потребления крепких спиртных напитков, а также на формирование устойчивых трезвеннических традиций в обществе.

1.3 Социально-экономические условия формирования движения за народную трезвость в Уфимской губернии

Для выявления причинно-следственных связей механизма становления и развития губернского попечения о народной трезвости следует, в первую очередь, осветить социально-экономическое положение населения Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Указом Правительствующего Сената Российской империи от 31 мая 1865 г. произошло разделение Оренбургской губернии на две самостоятельные административно-территориальные единицы (Оренбургскую и Уфимскую губернии): «Для устранения затруднений и неудобств в управлении нынешнею Оренбургскою губерниею и в видах лучшаго устройства местной администрации»[222].

[222] ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. XL (1865). № 42058. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1867. С. 477.

Уфимская губерния подразделялась на 6 уездов: Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский и Уфимский. Административным центром являлся г. Уфа (таблица 2)[223].

Таблица 2 – Административно-территориальное деление губернии

Уезд	Площадь, кв. верст
Белебеевский	19474
Бирский	21629
Златоустовский	19366
Мензелинский	11640
Стерлитамакский	18690
Уфимский	16407

Уфимская губерния располагалась в восточной части Европейской России. Принадлежала к группе приуральских губерний и занимала обширную площадь в 107210 квадратных верст. Главной водной артерией края стала р. Белая. На севере Уфимская губерния граничила с Пермской и Вятской, на западе – с Казанской и Самарской, на юге и востоке – с Оренбургской губернией[224].

Основным занятием населения являлось сельское хозяйство. Обширные территории и плодородные земли предопределили широкое распространение агропромышленного комплекса [225] . Подавляющая численность населения проживала в сельской местности и занималась земледелием. То есть преимущественно народонаселение Уфимской губернии было крестьянским. Выращивались рожь, ячмень и пшеница, которые активно применялись в промышленном и домашнем производстве алкогольных напитков.

Уфимская губерния была одним из быстроразвивающихся регионов Российской империи. Ежегодно отмечался положительный прирост населения

[223] Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. С. 2.
[224] Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1917. С. 1.
[225] Обзор Уфимской губернии за 1912 год… С. 2–3.

благодаря миграции с соседних регионов и увеличению показателя рождаемости. Этому способствовали благоприятные климатические условия и наличие огромных земельных угодий для занятия сельским хозяйством.

Согласно статистическим данным население Уфимской губернии составляло в 1879 г. – 1648754 чел [226], в 1885 г. – 1835630 чел [227], в 1891 г. – 2051093 чел[228], в 1896 г. – 2277158 чел[229], в 1901 г. – 2524917 чел[230], в 1906 г. – 2773662 чел[231], в 1912 г. – 3143093 чел[232].

Постепенно увеличивалась доля городского населения. Урбанизация края шла параллельно с промышленной революцией: модернизацией и расширением производства, кратным увеличением рабочих мест на фабриках и заводах.

По состоянию на 1 января 1916 г. население губернии составляло 3291554 чел: 1595191 мужчин и 1696363 женщин[233]. В таблице 3 представлено распределение населения по уездам губернии.

Таблица 3 – Распределение населения губернии по уездам в 1916 г.

Уезд	Мужчины	Женщины	Всего
Белебеевский	328251	344221	672472
Бирский	334842	357260	692102
Златоустовский	140037	145983	286020
Мензелинский	253040	273142	526182
Стерлитамакский	250141	268473	518614
Уфимский	288880	307284	596164

[226] Обзор Уфимской губернии за 1879 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1880. С. 16.
[227] Обзор Уфимской губернии за 1885 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1886. С. 13.
[228] Обзор Уфимской губернии за 1891 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1892. С. 66.
[229] Обзор Уфимской губернии за 1896 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1897. С. 26.
[230] Обзор Уфимской губернии за 1901 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1903. С. 2.
[231] Обзор Уфимской губернии за 1906 год. Уфа: типография Губернского Правления, 1908. С. 2.
[232] Обзор Уфимской губернии за 1912 год… С. 4.
[233] Обзор Уфимской губернии за 1915 год… С. 7.

В таблице 4 представлено распределение жителей по сословиям[234].

Таблица 4 – Классификация населения по сословной принадлежности

Сословие	Женщины	Мужчины	Всего
Дворяне	8206	7558	15764
Духовенство	14170	11899	26069
Почетные граждане	620	650	1270
Мещане	33893	29208	63101
Купцы	2443	2626	5069
Крестьяне	537876	473456	1011332
Башкиры и татары	563611	532620	1096231
Военные чины	52407	106652	159059

Как показывает официальная статистика численность населения Уфимской губернии стремительно увеличивалась, что неминуемо перетекало в обострение социально-экономических противоречий и проблем, связанных с материальным неравенством и недоступностью качественного образования, товаров и услуг для отдельных категорий граждан.

Крупнейшими центрами губернии стали следующие города: Белебей, Бирск, Златоуст, Мензелинск, Стерлитамак и Уфа. В этих населенных пунктах происходила концентрация трудовых и финансовых ресурсов всего региона. Сюда приезжали крестьяне с окрестных деревень и селений на ярмарки и базары для того, чтобы реализовать сельскохозяйственные продукты и купить товары фабрично-заводского производства. Здесь концентрировались рабочие кварталы, лавки и магазины.

Логистика находилась на стадии активного становления и развития, что обеспечивало возможность экспорта и импорта товаров по внутригосударственным путям сообщения. На территории региона действовала сеть железнодорожных путей. По р. Белой, Каме и Уфимке плавали пароходы, выполняя коммерческие грузовые и пассажирские рейсы.

[234] Обзор Уфимской губернии за 1898 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1900. С. 2–3.

Во второй половине XIX в. сформировался новый социальный слой – рабочий класс (пролетариат). Внедрение капитализма привело к развитию товарно-денежных отношений [235] . Наряду с рабочим классом начала формироваться новая элита – группа фабрикантов и заводчиков, сосредоточивших в своих руках огромные капиталы.

Между категорией промышленников и пролетариатом располагался класс управляющих: мелких и средних руководителей на промышленных объектах, занимавших привилегированное положение и имевших более высокий размер оплаты труда по сравнению с простыми рабочими[236].

Промышленная революция и расширение производства привели к социальному расслоению населения. Даже внутри одной социальной группы происходило финансовое разделение на подгруппы и подклассы. Низкая оплата труда, высокие цены на продукты питания, одежду, обувь и коммунальные услуги лишали многих возможности арендовать собственное полноценное жилье и вести достойный образ жизни[237].

Например, в конце XIX – начале XX вв. среди холостых рабочих распространилась тенденция арендовать за минимальную плату так называемый «угол» или «койко-место». На одной кровати могло спать по очереди 2 чел. Смены на фабриках и заводах длились по 12–16 часов. После изнурительного трудового дня многие рабочие находили утешение в крепком алкоголе. Денег на полноценное здоровое питание и комфортабельное жилое помещение не хватало, если учесть низкие заработные платы рядового сотрудника промышленного предприятия[238].

Активное переселение крестьян в пореформенный период в города и пополнение рядов сотрудников промышленных предприятий привело к высокому

---

[235] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М.: издательство «Наука», 1983. С. 218–220.
[236] Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: издательство «Наука», 1990. С. 26–34.
[237] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в… С. 218–220.
[238] Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – XX в.). М.: издательство «Наука», 1979. С. 9–22.

уровню предложения рабочей силы на рынке труда. Снижению заработной платы также способствовали такие факторы как предоставление жилого помещения, обеспечение питанием во время рабочей смены за счет работодателя и штрафные санкции за невыполнение трудовой нормы и нарушение распорядка.

Уровень заработной платы рабочих сильно колебался в зависимости от профессионально-отраслевого признака и квалификации. В 1900 г. месячный доход рабочего в бумажной, деревообрабатывающей, полиграфической и стекольной фабрично-заводской промышленности составлял 17 руб, что соответствовало среднему значению дохода обычного рабочего в регионах Российской империи. Самые высокие доходы имели сотрудники металлургических предприятий – 28 руб, на химических заводах и фабриках – 21 руб в месяц[239].

В 1905 г. Комиссия выборных служащих и рабочих Николаевской железной дороги провела опрос среди рабочих-железнодорожников. В ходе социального исследования было установлено, что даже при бюджете в 45 руб в месяц семья из 4 чел очень нуждалась материально. В будние дни питание ограничивалось лишь черным хлебом и чаем. Одежда приобреталась только при случайных подработках: «Лишний рубль, истраченный на пару сапог, равносилен 3–4 дням интенсивного недоедания» [240] . На оплату квартиры, отопления, воды и электричества уходило около 50% семейных доходов.

Во второй половине XIX – начале XX вв. рабочий класс находился в крайне тяжелых социально-экономических условиях. В мастерских и на мелких предприятиях смена длилась по 12–16 ч. Плохое питание, постоянная переутомляемость и низкий уровень доходов толкали людей к крепкому алкоголю [241] . Получить высокооплачиваемую профессию было практически невозможно. Для многих спасением являлись окончание рабочей смены, праздники и выходные, которые многих приводили в питейные заведения.

---

[239] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в… С. 240.
[240] Там же. С. 246–247.
[241] Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России… С. 179.

Например, согласно статистическому исследованию, проведенному в г. Златоусте Уфимской губернии в 1898 г. за первые полгода рабочие Златоустовского казенного горного завода заработали 385179 руб 51 коп. В то же время потрачено на алкоголь в пивных лавках – 15377 руб 59 коп и в винных лавках – 75909 руб 35 коп. Всего израсходовано на спиртные напитки 91286 руб 94 коп, что составило около 25% доходов горнозаводских рабочих[242].

Во многих дореволюционных печатных изданиях приводились сведения о безудержном и систематическом пьянстве рабочего класса: «…были мастера, которые загуливали по два-три раза в зиму; были и такие, которые после каждой получки жалованья, 1 и 15, гуляли 2–3 дня, иногда и неделю»[243]. Поэтому в рабочей среде нередко встречались случаи, когда женщины ждали своих мужей у входа на промышленное предприятие в дни получения заработной платы.

В крестьянской среде вопрос социальной защищенности и благополучия населения не отличался в лучшую сторону. Крестьянские хозяйства жили за счет собственного урожая, собираемого со скудного надела, полученного от помещика после отмены крепостного права в 1861 г.

Одна часть урожая шла на домашнее потребление, а другая вывозилась на рынок для обмена на наличные деньги либо промышленные товары. В крестьянской среде распространилось отходничество – выполнение сезонных работ в уездных городах и районных центрах. Крестьяне устраивались на фабрики, заводы и мастерские в целях дополнительного заработка.

К полевым работам или мелким заработкам родители нередко привлекали своих детей. Пополнение семейного бюджета ставилось выше образования ребенка, учитывая сложное материальное положение российских крестьян той эпохи. Российский экономист И. Х. Озеров заметил: «У нас в деревне каждая

---

[242] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1899 год. Уфа: Губернская типография, 1900. С. 120.

[243] Быкова А. Г. Образ жизни и потребление алкогольных напитков населением Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 61–63.

копейка на счету. Денег нет на школы, из-за получения в хозяйство нескольких лишних копеек родители отрывают детей от школы»[244].

Конечно, в рабочей и крестьянской среде присутствовали отдельные прослойки зажиточных людей, обладавших высокими доходами и собственным имуществом, включавшим сберегательные счета, земельные участки, а также недвижимость (квартиры или дома). Однако данная группа составляла явное меньшинство в общей структуре указанных социальных классов.

Таким образом, основными предпосылками становления и развития губернского попечения о народной трезвости следует считать социальное неравенство, низкий уровень культуры и образования. Во второй половине XIX – начале XX вв. колоссальное число жителей находилось у черты бедности, не имело возможности получать качественное образование и претендовать на достойное рабочее место. Между тем в Уфимской губернии шел процесс активного развития промышленного производства и торговли.

Развитие Уфимского губернского попечения о народной трезвости диктовалось социально-экономической нестабильностью. В период активного расширения производства и внедрения рыночных отношений появились крупные группы уязвленных и незащищенных слоев населения, подверженных развитию алкогольной зависимости.

Крестьянство и рабочий класс находились в тяжелых социально-экономических условиях. Низкий уровень доходов и образования не позволяли этим категориям граждан полноценно пользоваться благами рыночной экономики. Обилие товаров и услуг на внутрироссийском рынке сочеталось с огромной долей населения, находившейся у черты бедности.

В конце XIX – начале XX вв. Российская империя занимала предпоследнее место по размеру общего потребления спирта в виде пива, вина и водочных изделий среди 11 ведущих государств европейского континента и США (Приложение 5 и 6). В 1908 г. среднегодовое потребление спирта на душу населения в России было в 8.5 раз ниже, чем во Франции и в 4 раза ниже, чем

[244] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327. Л. 16.

в Швейцарии и Великобритании[245]. В этой статистике Россия уступала только Норвегии, в которой алкоголь получил еще меньшее распространение.

Статистика показывает, что вопреки сложившимся стереотипам Российская империя была далеко не самым пьющим государством. Однако алкогольная зависимость все равно представляла серьезную проблему. В отличие от западноевропейских стран и США потребление спиртных напитков в России было распространено крайне неравномерно среди представителей различных социальных групп[246].

Несмотря на низкий показатель потребления спиртных напитков на душу населения Россия занимала одно из первых мест в Европе по количеству летальных случаев и тяжелых заболеваний (в том числе наследственных), ставших следствием широкого распространения пьянства. Профессор И. А. Сикорский, выдающийся российский психиатр, психолог и публицист, отмечал: «Повсюду проникла, везде свирепствует непрекращающаяся алкогольная эпидемия, в которой гибнут здоровье, сила и нравственность одного из лучших народов Европы – русскаго народа»[247].

В Российской империи от причин, прямо или косвенно связанных с последствиями злоупотребления крепкими спиртными напитками, в 1870–1887 гг. погибло 84217 чел[248]. В 1895 г. алкогольная смертность в России уже в 5 раз превышала аналогичный показатель во Франции и в 4 раза в Пруссии[249].

Также следует учитывать качество жизни и финансовое положение российских граждан, уровень которых очень сильно уступал представителям европейских держав. Отдельного внимания заслуживает организация питейного дела в Российской империи, занимавшего ключевое положение в экономической

---

[245] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 373. Л. 11 об.
[246] Шевченко И. А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне центра России в конце XIX – начале XX вв.: дис…канд. ист. наук. Липецк, 2015. С. 34–40.
[247] Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб.: Типография П.П.Сойкина, 1910. С. 791.
[248] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 373. Л. 51.
[249] Там же. Л. 52.

системе государства [250] . Производство и продажа спиртных напитков на внутреннем рынке являлись одними из важнейших источников пополнения бюджета на протяжении длительного исторического периода.

Например, по отчетам Государственного контроля Российской империи в 1911 г. от казенной продажи питей выручено 774.7 млн руб, а в 1913 г. – более 820 млн руб: «Таким образом, на потемнение своего рассудка население расходует около миллиарда рублей, а на просвещение того же народа в 1911 году израсходовано около 100 миллионов рублей»[251]. Профессор И. Х. Озеров отмечал, что объем реализации и потребления крепкого алкоголя на внутреннем рынке составлял огромную долю в экономической системе: «Для тощаго деревенского кошелька это потребление очень и очень чувствительно»[252].

По Уфимской губернии в 1911 г. от реализации крепких спиртных напитков получено 7.5 млн руб чистой прибыли. Всего функционировало 371 казенное питейное заведение [253] . Наибольшее число винных лавок располагалось в Уфимском (65), а наименьшее в Златоустовском уезде (32).

В 1911 г. в Уфимском уезде было реализовано 200 тыс ведер водки, в Стерлитамакском – 138 тыс ведер, в Белебеевском – 168 тыс ведер, в Мензелинском – 115 тыс ведер, в Бирском – 200 тыс ведер, в Златоустовском – 102 тыс ведер[254].

В период 1902–1911 гг. в значительной степени расширилось пивоварение. Отмечено трехкратное увеличение производства. Функционировало 9 пивоваренных заводов на территории губернии. Самое большое число пивных лавок было сконцентрировано в Уфимском уезде (67). В 1911 г. произведено и

[250] Котельников А. Д. Государственно-правовое регулирование рынка сбыта, потребления алкогольной продукции в Российской империи: основные аспекты // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2023. № 11-2. С. 72–75.
[251] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 727. Л. 4.
[252] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327. Л. 16.
[253] Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 26.
[254] Там же. С. 24.

реализовано 725 тыс ведер слабоалкогольной продукции на территории всей губернии[255] (Приложение 7).

Таким образом, в Уфимской губернии население потребляло около 1.12 млн ведер водки на сумму в 10 млн руб. На городского жителя в среднем приходилось 1.5 ведра крепкого спиртного, а на крестьянина по 0.3 ведра в год. Алкоголь активно потреблялся именно в уездных и губернских городах. Приведенные выше сведения говорят о широком распространении производства, продажи и потребления спиртных напитков в Уфимской губернии.

В пользу того факта, что в крестьянской среде действительно пили спиртного на порядок меньше, чем в городах, также могут служить данные Уфимского приюта-лечебницы алкоголиков.

В 1911 г. на учет поставлено больных алкоголизмом из г. Уфы – 854 чел, а из окрестных деревень – только 145 чел[256]. Аналогично в 1913 г. пациентов поступило 1064 чел (г. Уфа) и 120 чел (Уфимский уезд) соответственно[257]. Однако и в крестьянской среде повальное и повсеместное пьянство встречалось нередко.

Важное место в распространении пьянства среди жителей православной деревни занимал обычай крайне расточительно справлять свадьбы. Всего за одну неделю уничтожался годовой бюджет целой крестьянской семьи. Причем основные средства уходили именно на водку. На организацию свадьбы порой тратили последние деньги или брали в долг.

В Уфимской губернии расходы во время свадьбы на спиртные напитки для богатой семьи составляли не менее 200 руб, для семей среднего достатка по 100 руб и для бедных по 50 руб. На крестины уходило на крепкий алкоголь в этих семьях, в нисходящем порядке, по 25, 10 и 5 руб соответственно[258].

---

[255] Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 25.
[256] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год. Уфа: Губернская типография, 1912. С. 14.
[257] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1913 год. Уфа: Губернская типография, 1915. С. 10.
[258] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 16.

Для простого крестьянина и городского жителя это были колоссальные деньги. На рубеже XIX–XX вв. прожиточный минимум в уездном городе составлял 21 руб, а заработная плата квалифицированного рабочего 30–40 руб[259]. Пшеничная мука стоила 20 коп за 1 кг, сахар – 30 коп за 1 кг, бутылка молока – 8 коп, гречневая крупа – 25 коп за 1 кг.

По замечаниям жителей Уфимской губернии даже православные священники, проводившие бракосочетание, в большинстве случаев не препятствовали развитию пьянства: «Если хозяин свадьбы не представит священнику бутылку водки, то он и брачить не станет, несмотря на то, что берет за свадьбу 6-ть и 7-мь рублей»[260].

Корреспондент газеты «Свет» С. Н. Шарапов в 1908 г. очень красочно описывал крестьянскую традицию отмечать местные праздники. Каждый двор заготавливал 1–3 ведра водки. Пили не только мужчины и женщины, но и дети: «К ночи ползут по всем направлениям пьяные люди, отыскивают местечко для ночлега. Исчезает всякий стыд… Все позволяют себе все совершенно не стесняясь, ибо трезвых свидетелей нет – пьяны все поголовно» [261] . Такое безудержное пьянство могло длиться несколько дней подряд.

Детский алкоголизм также был нередким явлением. Виной тому раннее знакомство подрастающего поколения со спиртными напитками. В первую очередь водкой. В средних учебных заведениях губернии доля старших воспитанников, употреблявших алкоголь на регулярной основе, составляла 40%. В сельских школах пили 30% девочек и 55% мальчиков: «Почти все мальчики школьнаго возраста напиваются до пьяна во время храмового праздника и свадеб во многих селах»[262].

---

[259] Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России… С. 115.
[260] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 9.
[261] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327. Л. 27.
[262] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне…С. 12–13.

Активное потребление алкоголя в земледельческой деревне наступало осенью, после сбора урожая, и длилось вплоть до рождественских праздников[263]. Виной тому отсутствие альтернативных способов обеспечения досуга у крестьян, низкий уровень культуры[264].

Сами жители деревень и селений губернии отмечали, что главными поводами пьянства являлись праздники, крестины, похороны, свадьбы и базары: «пьют при всяком удобном случае» [265]. Такую неразборчивость в поводах к выпивке обнаруживали исключительно жители православных деревень, особенно в Златоустовском уезде.

Для городских жителей было характерно более равномерное распределение уровня потребления крепких спиртных напитков в течение года. В уездных и губернских городах процветал так называемый «пролетарский» алкоголизм. Доктор медицины И. И. Рождественский приводил интересный факт в 1914 г.: «Можно видеть в каждом большом городе портняжныя мастерския, где «рабочие» шьют только из за водки целыми неделями подряд»[266].

По данным анкет Всероссийского Александро-Невского братства трезвости значительное развитие получила и тайная продажа алкогольных напитков: «…отпускают водку кому угодно, когда угодно, и сколько угодно, и днем и ночью. Берут за водку и деньги, и одежду, и обувь, и предметы домашнего хозяйства, и сельскохозяйственные продукты»[267].

Для оценки масштабов тайной торговли спиртным в Российской империи следует изучить информацию, собранную Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей: в 1896 г. выявлено 1167 случаев беспатентной торговли, в 1904 г. – 32675, в 1909 г. – 53268[268]. По Уфимской губернии согласно отчетам контроллеров и надзирателей акцизного надзора в 1908 г.

---

[263] Мигранова Э. В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. № 4. С. 493–507.
[264] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 854. Л. 40.
[265] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 15.
[266] Там же. С. 28.
[267] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 727. Л. 3.
[268] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 854. Л. 76.

выявлено 700 случаев незаконной реализации алкогольных напитков, в 1909 г. – 900 случаев, в 1910 г. – 800 случаев[269].

Жители Златоустовского уезда Уфимской губернии так описывали торговлю контрафактным алкоголем в 1913 г.: «Хозяйство крестьянское приходит в разорение, а водка шире разливается. Шинкарство цветет. Шинкарь примет все что попало и за безценок»[270].

Шинкарство являлось синонимом термина «корчемство». Также означало тайное изготовление, хранение и продажу спиртных напитков. Однако в XIX в. произошло некоторое разделение этих понятий. Под шинкарством стали чаще трактовать торговлю алкогольными напитками, а корчемством называлось их незаконное производство. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля шинкарь определялся как торговец в незаконном питейном заведении или кабаке. Шинкарство также отождествлялось с воровством: «Будет шинковать, научится воровать»[271]. Шинкари давали алкоголь в долг, под залог ценных вещей и продуктов сельскохозяйственного и промышленного производства, устанавливая цены на них ниже рыночных и извлекая дополнительную прибыль.

В официальных источниках корчемниками нередко называли не только производителей, но и торговцев контрафактными спиртными напитками. Термин шинкарство был более узконаправленным и, в первую очередь, отождествлялся с незаконной торговлей.

Таким образом, шинкарство выступало как фактор дестабилизации, подрывая не только экономические основы, но и социальные, провоцируя рост преступности.

Отличительной особенностью Уфимской губернии был ее поликонфессиональный и многонациональный состав. Основное потребление алкогольных напитков приходилось именно на православное население.

---

[269] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 210. Л. 22.
[270] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 27.
[271] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. IV. СПб.: типография М. О. Вольфа, 1882. С. 652.

Малая часть случаев пьянства и хронического алкоголизма принадлежала представителям других форм вероисповедания (таблица 5)[272].

Таблица 5 – Распределение больных алкоголизмом по вероисповеданию

Религия	Мужчины	Женщины	Всего
Православие	1021	99	1120
Ислам	83	1	84
Старообрядчество	1	1	2
Католичество	3	1	4
Лютеранство	2	–	2
Язычество	1	–	1

Далее представим распределение пациентов, самостоятельно обратившихся за медицинской помощью или доставленных полицией для отрезвления в приют-лечебницу для больных алкоголизмом в г. Уфе в 1913 г., по сословной принадлежности (таблица 6), уровню образования (таблица 7) и семейному положению (таблица 8)[273].

Таблица 6 – Распределение пациентов по сословной принадлежности

	Мужчины	Женщины	Всего
Крестьянство	756	51	807
Мещанство	230	39	269
Дворянство	15	1	16
Чиновники	10	–	10
Духовенство	9	–	9
Почетные граждане	3	2	5
Военные	3	–	3
Купечество	2	–	2

[272] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 11; Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1913 год… С. 9.
[273] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1913 год… С. 9–10.

Таблица 7 – Распределение пациентов по уровню образования

	Мужчины	Женщины	Всего
Грамотные	642	52	694
Неграмотные	380	47	427
Малограмотные	69	3	72
Среднее образование	18	–	18
Высшее образование	2	–	2

Таблица 8 – Распределение пациентов по семейному положению

	Мужчины	Женщины	Всего
В браке	816	71	887
Овдовевшие	59	24	83
В разводе	236	7	243

Таким образом, можно сделать вывод, что высокий уровень пьянства был характерен для малообразованной части населения Уфимской губернии. Потребление спиртных напитков в большей степени распространилось среди исповедующих православие крестьян и мещан (простых городских жителей).

Отдельное внимание стоит обратить на то, что среди населения, исповедовавшее ислам, было меньше всего лиц, страдавших алкогольной зависимостью. Но и в этой части общества потребление алкоголя не исключалось полностью. Большая часть корреспондентов из исламских поселений сообщали о «сабантуе и зиине» (народные идолопоклоннические праздники) как о поводах к пьянству среди башкирского и татарского населения[274].

Традиционно для башкир и татар было нехарактерно пьянство, оно осуждалось общественностью и представителями религиозного культа. Традиционными напитками являлись кумыс, буза, айран, катык, реже – медовуха.

По данным доктора Д. П. Никольского, изучавшего жизнь и быт башкир в 1880-е гг., в это время башкиры практически не употребляли спиртные напитки. Однако алкоголь постепенно проникал в их среду, особенно среди тех, кто часто

[274] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 15.

контактировал с русскими – например, среди торговцев и промышленников, которые угощали их водкой при заключении сделок.

По наблюдениям Д. П. Никольского, если башкиры и пили водку, то делали это в русских селениях и городах на базарах, во время праздников. При этом пили преимущественно молодые люди, пожилые с отвращением относились к пьянству. Также на увеличение употребления алкоголя среди башкир могло влиять отбывание воинской повинности, когда обязательное «выпивание чарки» закладывало основу для дальнейшего злоупотребления алкоголем.

Длительное время башкирское и татарское население губернии вело традиционный уклад жизни. Однако развитие рыночных отношений, разложение патриархального уклада семьи и распространение городской культуры привели к проникновению крепких спиртных напитков в повседневную жизнь башкир и татар.

Таким образом, в рассматриваемый период ситуация с пьянством среди башкир и татар была неоднозначной: хотя религиозные нормы (ислам) запрещали употребление алкоголя, в некоторых социальных группах и при определенных условиях это явление могло иметь место.

Однако уровень потребления алкоголя все равно оставался крайне низким по сравнению с православной частью населения губернии. Спиртные напитки потреблялись в основном молодыми башкирами и татарами в периоды отходничества – сезонного выполнения работ на фабриках и заводах в целях дополнительного заработка[275].

За время существования Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков (1910–1914 гг.) отмечалось неоднократное поступление башкир и татар с тяжелыми формами опьянения. У таких пациентов всегда наблюдались признаки отравления денатурированным спиртом. По рассказам самих больных они употребляли киндер-бальзам, приобретенный в аптеках гг. Уфы, Бирска и

[275] Мигранова Э. В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в… С. 493–507.

Белебея [276] . Наибольшее число пациентов (86%) доставлялось полицией для принудительного отрезвления[277].

Киндер-бальзам – ароматная спиртовая настойка, получаемая путем растворения эфирных масел в этиловом спирте. Согласно заявлениям заведующих аптеками г. Уфы, киндер-бальзам, который реализовывался по низкой цене и пользовался активным спросом среди малообеспеченных слоев населения и представителей исламской религии, являлся низкокачественным аналогом оригинального продукта. Его производство основывалось на использовании денатурированного спирта вместо очищенного винного, что становилось причиной тяжелого опьянения или алкогольного отравления.

Длительное употребление киндер-бальзама, содержавшего денатурированный спирт, могло привести к тяжелым последствиям для здоровья, включая потерю зрения, острые отравления и летальный исход. Согласно свидетельствам пострадавших, основным мотивом потребления данного напитка выступала его экономическая доступность. Употребление киндер-бальзама обходилось дешевле, чем приобретение качественных алкогольных напитков. Кроме того, исламская вера «запрещает пить арак», то есть водку, а киндер-бальзам – лекарство. Поэтому его потребление не противоречило религиозным нормам[278].

Таким образом, уровень потребления крепких спиртных напитков в Уфимской губернии был неравномерным в разных сословиях и социальных группах. Наибольшему риску развития пьянства подвергалась малообразованная и православная часть общества: крестьянство и рабочий класс. Потребление спиртосодержащей продукции в наибольшей степени распространилось среди городских жителей. Наименее подвержены этому пороку были представители исламской веры (башкиры и татары), которым религия запрещала пить алкоголь.

---

[276] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 5.
[277] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год… С. 9.
[278] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 6.

Потребление крепкого спиртного, по мнению доктора И. И. Рождественского, автора научных трудов по исследованию алкогольной зависимости в Уфимской губернии, носило «бытовой» характер: «Пьянство в Уфимской губернии развивается и проявляется главным образом, благодаря свадьбам, крестинам, похоронам и праздникам, то есть связано оно с обрядом и, таким образом, характер его как будто бы бытовой»[279].

Кроме того, в газете «Московские ведомости» от 17 ноября 1908 г. подсчитано, что количество государственных и православных праздников во второй половине XIX – начале XX вв. достигало 100 дней в году: «Празднуют какого-то «Полупетра», «Савок и Варок», «Онуфрия», «Ивану Купалу», «После Петра»… Пьянство и привычка к праздности – вот два величайших бича современной русской деревни»[280].

О главных причинах пьянства среди населения Уфимской губернии высказывались 981 корреспондент, проводивших анкетирование среди сельских общин в 1913 г. Четверть из них выставляло причиной неграмотность и невежество, 37% – указали на подпольную торговлю, 32% - винили праздники, свадьбы и базары[281]. То есть около трети ответов корреспондентов указывает на потребление алкоголя как часть ритуала или традиционного уклада жизни.

Таким образом, на основе анализа можно выделить три ключевых причины высокого уровня потребления спиртных напитков среди населения Уфимской губернии: низкий уровень культуры и образования, незаконную торговлю алкоголем и праздники.

Многие респонденты, участвовавшие в опросе 1913 г., также отмечали пагубное влияние питейной реформы 1894 г., подстегнувшей, по их мнению, развитие пьянства в губернии[282].

Питейная реформа, по плану Министерства финансов Российской империи, должна была привести к умеренному и домашнему потреблению крепких

---

[279] Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 10.
[280] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327. Л. 16.
[281] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 29.
[282] Там же. С. 8.

спиртных напитков, сокращению пьянства и повышению материального благосостояния народа. Но, по замечаниям современников, активно критиковавших систему винной монополии, реформа облагородила казенные и частные лавки, сделала их «приличными» заведениями, в которые вход для среднестатистического гражданина не стал позорным[283].

Пьянство из трактиров и кабаков перенеслось в дома. Потребление алкоголя стало носить бытовой или семейный характер. Однако потребление алкоголя не уменьшилось, а напротив, набирало обороты и принимало новые формы и масштабы. Семья стала источником пороков и алкоголизма: «Черта позора пьянства стерлась и одною уздою стало меньше»[284].

Многие передовые представители общества той исторической эпохи понимали, что корень зла народного пьянства кроется в социальной и культурной составляющих. Крестьянство и рабочий класс отличались сравнительно низким уровнем доходов и культурного развития. Профессор И. Х. Озеров отмечал, что «потребление совершается у нас в весьма некультурной обстановке, сопровождается эксцессами, дикими сценами…»[285]. Предпочтение отдавалось именно крепкому алкоголю в огромных пропорциях.

Немецкий психиатр Э. Крепелин высказывал следующее умозаключение на съездах по борьбе с алкоголизмом в Европе: «прежде всего необходим радикальный переворот по взглядам общества на крепкие напитки, уничтожение наших обычаев выпивок и в особенности повсюду преследующее нас принуждение к выпивке, будь это в ресторанах, в гостях, или общественных собраниях»[286]. Следовало организовывать культурно-просветительную работу среди малообеспеченных и необразованных слоев населения. Распространять альтернативные способы проведения досуга, не связанные с распитием спиртных

---

[283] Инструкция продавцам питей в казенных винных лавках Уфимской губернии… С. 5–13.
[284] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 727. Л. 3 об.
[285] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 327. Л. 16.
[286] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год. Уфа: Губернская типография, 1915. С. 10–11.

напитков. Именно с этой целью и создавалась Уфимское губернское попечение о народной трезвости.

Таким образом, потребление спиртных напитков жителями Уфимской губернии следует рассматривать как социокультурный феномен, ставший следствием низкого уровня образования, культуры, финансовых доходов и необдуманной социально-экономической политики. Православная и малообразованная часть общества в наибольшей степени была подвержена развитию пьянства. Башкирское и татарское население, исповедовавшее ислам, не отличалось склонностью к потреблению спиртных напитков по причине строгих религиозных норм и традиционного уклада жизни.

Глава II. Уфимское губернское попечение о народной трезвости

2.1 Духовенство в движении за трезвый образ жизни в 1865–1917 гг.

В Уфимской губернии 1865–1894 гг. движение за народную трезвость характеризовалось «стихийностью», разрозненностью и находилось на стадии активного становления. После протестов крестьянского населения в 1850–1860 гг. в ряде областей и губерний, в том числе и Оренбургской, в состав которой входили и территории Уфимской губернии, образованной в 1865 г., против произвола винных откупщиков на рынке алкогольной продукции и репрессивных и ограничительных мер со стороны правительства и Министерства финансов Российской империи деятельность обществ трезвости была практически полностью ликвидирована.

На данном историческом этапе основные усилия в борьбе с пьянством прилагали представители православного духовенства. Согласно сведениям и статистическим данным широкое распространение пьянства было характерно для русскоязычной части населения. Башкиры и татары практически не употребляли крепкий алкоголь и относились к пьянству с определенной долей отвращения и призрения. Поэтому такое понятие как массовое или «народное пьянство» для данных категорий граждан применять не корректно. На текущем этапе алкоголь только начинал проникать в повседневную жизнь башкир и татар.

Роль Русской Православной Церкви в борьбе с пьянством, в частности Уфимской и Мензелинской епархии, сложно переоценить. Основные усилия православного духовенства в 1865–1894 гг. были сосредоточены на двух ключевых направлениях: 1) распространение брошюр, листовок и книг антиалкогольного и религиозно-нравственного содержания; 2) организация церковно-приходских попечительств, братств и обществ трезвости.

Православное духовенство относилось к пьянству в народе с сочувствием, считая своим святым долгом истреблять этот закоренелый недуг, но в то же время осуждало пьяниц. Неоднократно среди приходских священников поднимался

вопрос о том, как поступать с «упившимися до смерти» гражданами. На этот счет поступало много запросов и ходатайств в епархии.

Например, дело крестьянки Татьяны Луговской, «от погребения коей священник Терравский отказался на том основании, что она, Луговская, умерла скоропостижно от пьянства» [287] . Данные вопросы очень внимательно рассматривались Святейшим правительствующим синодом Российской империи. Согласно комментариям и постановлениям церковной администрации следовало лишать погребения «только тех умерших от излишняго употребления горячих напитков, о которых местное начальство удостоверит, что смерть их произошла от закоснелаго пьянства» [288] . Подобные случаи приравнивались Святейшим правительствующим синодом Российской империи к самоубийству и считались великим грехом.

Православные священники проводили статистические исследования в формате опроса местного населения, чтобы выяснить, что препятствует соблюдению трезвого образа жизни. При этом духовенство понимало, что человеческой природе свойственно подыскивать и выдумывать оправдания своим недостаткам и слабостям. Не удивлял священников и тот общеизвестный факт, что русский человек издавна привык употреблять спиртные напитки во время общественных, домашних и церковных праздников и мероприятий.

Ремесленники и крестьяне отвечали на вопрос: «Почему пьете водку?» по-разному, приводя интересные аргументы. К примеру, кузнец отвечал, «чтоб обручи крепко держались, нужно смочить их, т.е. выпить водки» [289] . То есть суеверия и традиции способствовали в некотором смысле популяризации спиртных напитков. Ткач говорил, что с давних пор заведено при получении и выдаче заказов клиентам принимать от них водку и хлеб, выпивая с ними и закусывая: «Не приму я водки, не выпью с ним, и работы мне никто не даст»[290].

---

[287] Уфимские епархиальные ведомости, 1879. № 4. С. 128.
[288] Там же. С. 129.
[289] Церковные ведомости, 1889. № 34. С. 1008.
[290] Там же. С. 1008.

Не менее примечателен тот факт, что некоторые крестьяне опасались еще больше согрешить, дав зарок не пить и в дальнейшем нарушив обет трезвости.

Популярной мерой среди православного духовенства в борьбе с народным пьянством стало активное распространение среди населения листовок, брошюр и книг антиалкогольного содержания, а также проповеди и молитвы[291].

Однако неоспорим и тот факт, что среди православных священников также нередко встречались любители крепких спиртных напитков. За потребление алкоголя и пьянство Уфимская и Мензелинская епархия отстраняла от занимаемой должности и лишала сана. Это подтверждает ряд официальных документов и публикаций Святейшего правительствующего синода Российской империи:

1) дело об увольнении из духовного ведомства Николая Унгвицкого, псаломщика христорождественской церкви Кусинского завода в Златоустовском уезде, за нетрезвость и поступки, порочившие честь священника[292];

2) дело псаломщика Василия Евлампиева с. Надеждина Бирского уезда. Согласно постановлению Уфимской духовной консистории, состоявшегося 16 августа 1883 г., уволен за пьянство[293];

3) псаломщик Покровской церкви с. Никольского Белебеевского уезда Флегопт Туберозов отрешен от должности 1 апреля 1888 г. за нетрезвость и предосудительные поступки[294];

4) псаломщик в с. Дуван Георгий Словохотов по рапорту священника Павла Лукина отрешен от занимаемой должности за систематическое пьянство[295];

5) псаломщик с. Айлима Златоустовского уезда Валентин Петров уволен с должности 13 февраля 1889 г. за праздный образ жизни и употребление водки[296];

---

[291] Уфимские епархиальные ведомости, 1879. № 6. С. 200; Уфимские епархиальные ведомости, 1881. № 17. С. 575; Уфимские епархиальные ведомости, 1883. № 22. С. 17, 31, 35; Уфимские епархиальные ведомости, 1883. № 21. С. 13, 14; Уфимские епархиальные ведомости, 1884. № 13. С. 375; Уфимские епархиальные ведомости, 1885. № 6. С. 193; Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 11. С. 359–360; Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 14. С. 490.
[292] Уфимские епархиальные ведомости, 1885. № 2. С. 48.
[293] Уфимские епархиальные ведомости, 1883. № 18. С. 595.
[294] Уфимские епархиальные ведомости, 1888. № 10. С. 341.
[295] Уфимские епархиальные ведомости, 1889. № 6. С. 177.

6) священник с. Левашева Стерлитамакского уезда Петр Туберозов согласно резолюции Уфимской и Мензелинской епархии освобожден от занимаемой должности за пьянство в 1893 г.[297].

Выше приведена лишь скромная выдержка случаев пьянства среди священников. То есть пьянство среди православного духовенства носило далеко не эпизодический характер, а представляло, в некотором смысле слова, часть образа церковного служащего, закрепившегося среди народных масс. Виной тому множество зафиксированных и документально подтвержденных случаев злоупотребления спиртными напитками в среде православных священников[298].

Однако сами представители православного духовенства подчеркивали, что порой к употреблению спиртных напитков склоняли сами прихожане, объясняя предложение выпить данью традиции и уважения. Священник, проводя богослужения и молитвы становился заложником ситуации, в которой малые порции алкоголя постепенно перерастали в привычку и зависимость: «Всюду предлагают ему водку, упрашивают, уклонивают с такою кажется любовию, с таким радушием…» [299] . Спустя некоторое время священник привыкал к подобному порядку вещей и отказывался посещать свадьбы, крестины или похороны без угощения водкой. Местные жители относились к такому спокойно и даже благодатно: «еще хвастаются этим друг перед другом, – хвастаются, что

---

[296] Уфимские епархиальные ведомости, 1889. № 7. С. 202.
[297] Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 5. С. 136.
[298] Уфимские епархиальные ведомости, 1903. № 1. С. 3–4; Уфимские епархиальные ведомости, 1903. № 9. С. 581; Уфимские епархиальные ведомости, 1903. № 11. С. 707–708; Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 6. С. 347–348; Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 16. С. 1021; Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 17. С. 1131; Уфимские епархиальные ведомости, 1906. № 10. С. 629; Уфимские епархиальные ведомости, 1906. № 22. С. 1359; Уфимские епархиальные ведомости, 1908. № 12. С. 551; Уфимские епархиальные ведомости, 1908. № 15. С. 662; Уфимские епархиальные ведомости, 1908. № 18. С. 770; Уфимские епархиальные ведомости, 1908. № 22. С. 980; Уфимские епархиальные ведомости, 1910. № 4. С.108; Уфимские епархиальные ведомости, 1912. № 21. С. 938; Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 7. С. 144; Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 8–9. С. 178; Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 19–21. С. 53; Уфимские епархиальные ведомости, 1914. № 21. С. 275; Уфимские епархиальные ведомости, 1915. № 18. С. 747.
[299] Уфимские епархиальные ведомости, 1880. № 24. С. 826.

«попа едва уложили в сани (или в телегу), так угостился!»[300]. Таким образом, в определенных случаях именно окружающая обстановка, традиции и культурные установки крестьян толкали представителей православного духовенства к крепким напиткам.

Несмотря на статистические сведения о пьянстве представителей православного духовенства, общее впечатление о деятельности Уфимской и Мензелинской епархии в губернии остается положительным в контексте борьбы за трезвый образ жизни. Следует обратить внимание на заслуги сельских священников.

Например, протоиерей Стерлитамакского собора Василий Никанорович Сперанский. Родился в с. Стромихине Шуйского уезда Владимирской губернии. Успешно закончил Владимирскую семинарию. После эпидемии холеры, захлестнувшей Оренбургскую губернию в 1848 г., изъявил желание переехать и нести службу в Оренбургской епархии. В 1849 г. вместе с семьей приехал в г. Уфу и произведен в священники с. Ильинского Белебеевского уезда[301].

Прослужил священником в разных уголках сначала Оренбургской, а затем и Уфимской губернии, на протяжении 30 л. Епархия и прихожане отмечали его отзывчивость, стремление помочь, ответственность и трудолюбие. Активно занимался распространением грамотности, понятий о гигиене и здоровом образе жизни. Призывал крестьян отказываться от злоупотребления крепкими спиртными напитками. Проводил религиозно-нравственные беседы о вреде пьянства[302].

За особые заслуги и усердную службу в 1873 г. был пожалован орденом Святой Анны 3 степени. Помимо службы священником являлся учителем в церковно-приходской школе, обучая детей письму, чтению и счету. Уделял особое внимание и учению о трезвом образе жизни[303].

---

[300] Уфимские епархиальные ведомости, 1880. № 24. С. 826.
[301] Уфимские епархиальные ведомости, 1879. № 10. С. 334–335.
[302] Там же. С. 335–336.
[303] Там же. С. 336.

Благодатное влияние пастырей и священников на местное население отмечали и органы государственной власти. Например, отмечен вклад священника Федора Стрелкова, проживавшего в с. Кизиль-Яр Златоустовского уезда. Он активно привлекал к церковным богослужениям местное население, проповедовал о вреде неумеренного пьянства и распространял грамотность. 17 октября 1889 г. по инициативе Ф. Стрелкова в с. Кизиль-Яр была открыта женская приходская школа. Священник считал, что повышение образования и культуры способны оградить односельчан от тяги к спиртным напиткам[304].

В рассматриваемый исторический период плодотворной деятельностью в сфере просвещения и борьбы за трезвый образ жизни выделялось Катав-Ивановское церковно-приходское попечительство, существовавшее на щедрые благотворительные взносы заводчика и дворянина князя Константина Есперовича Белосельского-Белозерского. Данная организация начала свою работу в 1883 г. Как отмечалось в отчетах о деятельности Катав-Ивановского церковно-приходского попечительства, «пожертвования прихожан в пользу Попечительства весьма не велики, главным-же и почти единственным источником доходов местнаго Попечительства служит базарная кругом церкви принадлежащая заводовладельцу, площадь, сбор с которой заводовладельцем жертвуется в пользу попечительства» [305] . Именно пожертвования князя К. Е. Белосельского-Белозерского позволяли попечительству вести активную благотворительную и антиалкогольную деятельность, построенную на просветительной и воспитательной работе с жителями 5 окрестных деревень.

Согласно сохранившимся сведениям за период 1883–1897 гг. ежегодно Катав-Ивановское церковно-приходское попечительство имело в своем распоряжении 1100–2000 руб. Данный денежный фонд формировались за счет следующих доходов: 1) арендная плата с купцов, построивших торговые лавки на базарной площади – 300 руб; 2) плата за пользование временными лавками в период проведения 2 ярмарок (6 января и 8 июля) – 500 руб; 3) доход

[304] Уфимские епархиальные ведомости, 1894. № 9. С. 317–318.
[305] Уфимские епархиальные ведомости, 1897. № 18. С. 673.

от «арендной платы за весы». Данная статья дохода зависела от урожая и подвоза хлеба и значительно колебалась. Например, в 1892 г. – 200 руб, в 1895 г. – 1220 руб, а в 1897 г. – 1050 руб[306].

Деятельность церковно-приходского попечительства выражалась в следующем: 1) благотворительная; 2) религиозно-просветительная (в том числе антиалкогольная). Благотворительная деятельность началась сразу же после основания попечительства. В 1883 г. произошел сильный пожар, уничтоживший многие постройки и повредивший Катав-ивановскую церковь. На восстановление зданий церковно-приходское попечительство потратило около 6000 руб в период 1883–1888 гг.[307].

Кроме этого, церковно-приходское попечительство активно помогало местным жителям, нуждавшимся материально. Например, на лечение или пропитание. Но особо отмечены усилия попечительства в неурожайный и голодный период 1891–1892 гг. 22 ноября 1891 г. на закупку продовольствия для нуждающихся с. Катава из фонда было выделено 1750 руб[308].

В сфере движения за народную трезвость церковно-приходское попечительство также добилось внушительных результатов. В Катав-Ивановской церкви по инициативе местного священника проводились религиозно-нравственные и исторические чтения. Для этого был выписан специальный оптический фонарь, картинки для него, листовки и брошюры. По замечаниям жителей села, чтения пользовались большой популярностью и посещались с удовольствием как альтернатива питейному заведению. К тому же, с целью религиозно-воспитательной функции действовал певчий хор, на содержание которого выделялось по 180 руб ежегодно[309].

Также в с. Катаве функционировала библиотека и церковно-приходская школа. Книжный фонд составлял около 600 экземпляров, включая листовки и

[306] Уфимские епархиальные ведомости, 1897. № 18. С. 674.
[307] Там же. С. 675–676.
[308] Там же. С. 676.
[309] Там же. С. 679.

брошюры. В д. Бедярыше и Верх-Катавской также работали молитвенные дома-школы.

На основании вышеизложенного можно сделать следующее заключение. Катав-Ивановское церковно-приходское попечительство выполняло функцию не только религиозно-нравственную, но и общественную, занимаясь благотворительностью, просвещением и пропагандой трезвого образа жизни. Борьба с пьянством неразрывно шла с культурно-просветительной и воспитательной работой[310].

Таким образом, в период 1865–1891 гг. основным направлением деятельности православного духовенства стали распространение литературы, брошюр и листовок антиалкогольного содержания. По инициативе сельских священников открывались школы для детей, где преподавались уроки трезвости и грамотности. Церкви и храмы становились центрами трезвости, где духовенство призывало прихожан воздерживаться от злоупотребления спиртными напитками.

С 1891 г. в движении за трезвый образ жизни в Уфимской губернии появляется новое направление, хотя правильнее будет отметить – возрождение старого. Речь идет о восстановлении обществ трезвости, расширении их деятельности и привлечении участников и пожертвований. В разных уголках губернии при содействии православного духовенства формируются церковно-приходские братства воздержания и общества трезвости. Организационно-правовые основы данных общественных объединений изначально базировались на обете не пить алкоголь определенный период времени и фиксацией этого намерения в специальной книге. Подобные приемы и методы ранее были популярны в эпоху крестьянский волнений 1850–1860 гг. во время массового отказа от употребления спиртных напитков как протеста против произвола винных откупщиков.

Однако с течением времени благодаря законодательной инициативе правительства снимается запрет на деятельность обществ трезвости и появляется возможность регистрировать уставы и получать статус официальной организации,

[310] Уфимские епархиальные ведомости, 1897. № 18. С. 678.

преследовавшей задачи трезвости и нравственности. Ключевую роль в возрождении обществ трезвости сыграл обер-прокурор Святейшего правительствующего синода Российской империи К. П. Победоносцев. В письме от 12 декабря 1889 г. императору Александру III К. П. Победоносцев отмечал: «Люди усердно стали думать опять об обществах трезвости. При рассмотрении в Государственном Совете нового питейного устава предполагалось включить в него несколько статей, облегчающих противодействие пьянству в среде самого общества. К сожалению, существенные из них не были приняты, однако удалось провести одну статью, в коей косвенно упомянуты общества трезвости. Это нужно было для того, чтобы показать, что общество трезвости не есть какое-либо противозаконное учреждение»[311].

Таким образом, движение за народную трезвость в Уфимской губернии в период акцизной системы только начинало зарождаться, оформляться в самостоятельный институт общества с присущими ему целями, задачами и функциями. Органы государственной власти ограничивались лишь формальной законодательной инициативой как следует из письма К. П. Победоносцева. Именно усилия местных представителей православного духовенства стали отправной точкой возрождения обществ трезвости в регионе.

Первое официальное общество трезвости в Уфимской губернии было открыто 19 марта 1891 г. священником Федором Орловым в с. Каменке Белебеевского уезда, который рапортовал об этом в епархию. От Уфимской и Мензелинской епархии последовал следующий ответ 29 марта 1891 г.: «Охотно призываю благословение Божие на первое общество трезвости, появившееся в нашей Епархии. Желаю, чтобы и другие пастыри подражали сему примеру»[312].

Другие священники также желали последовать этому примеру и открывали общества и братства трезвости в разных уголках губернии. К примеру, уже 14 августа 1891 г. протоиерей Василий Остроумов согласно рапорту №262

---

[311] Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М.: Новая М., 1926. С. 224–225.
[312] Уфимские епархиальные ведомости, 1891. № 11. С. 383.

сообщал о новом обществе трезвости при Минском заводе, которое организовал священник Иоанн Малышев[313]. Данное событие также было высоко оценено епископом Уфимским и Мензелинским Дионисием как пример для подражания и святой долг каждого истинного борца с пьянством. Аналогично в январе 1891 г. в с. Авдон Уфимского уезда местный священник открыл общество трезвости при церкви Сергия Радонежского, в которое охотно записалось 29 чел из числа жителей села[314].

Однако активность по возрождению обществ и братств трезвости оставалась на низком уровне. Поэтому для популяризации обществ трезвости и регламентации их деятельности на территории губернии 2 марта 1893 г. священник Уфимского уезда Николай Котельников представил на утверждение епископу Уфимскому и Мензелинскому Дионисию проект устава «Братства воздержания».

Согласно данному проекту предполагалось организовать из числа наиболее деятельных и доверенных представителей духовенства «Братство воздержания», главной целью которого являлось бы распространение обществ трезвости в населенных пунктах губернии[315].

Согласно данному уставу в братство принимались священнослужители и члены их семьи в возрасте старше 16 л. Все участники данного общества давали обет воздержания от спиртных напитков на 1 г., списки фиксировались в особой книге. Лица, нарушившие обещание в первый раз, подвергались штрафу в размере 3 руб, второй раз – 5 руб, а в третий – исключались из общества «впредь до раскаянии, и никак раньше следующаго года в братство принять быть не может»[316].

Каждый член братства брал на себя обязательство прикладывать усилия к открытию обществ трезвости в своем приходе и привлечении в члены данных обществ как можно большего количества участников собственным примером,

---

[313] Уфимские епархиальные ведомости, 1891. № 19. С. 723.
[314] Там же. С. 368–372.
[315] Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 9. С. 270.
[316] Там же. С. 271.

чтением и распространением книг, листовок и брошюр духовно-нравственного и антиалкогольного содержания. В свою очередь для популяризации специальной литературы о вреде пьянства среди прихожан члены братства обязаны распространять грамотность среди взрослых и детей, организовывая школы и привлекая пожертвования местного населения для их содержания[317].

Кроме того, при обществах трезвости и школах грамотности надлежало организовывать библиотеки. На приобретение книг каждый член братства, согласно пункту №2 вышеобозначенного устава, выделял по 0.25% годового дохода. Еще 0.25% выделялось из средств, поступавших в церковь в качестве сборов и пожертвований. Также поощрялось привлечение дополнительных денежных сумм от участников новообразованных обществ трезвости и местных жителей, которые не оставались равнодушными к борьбе с пьянством[318].

При этом следует отметить деловой подход организаторов и учредителей «Братства воздержания» в вопросе приобретения литературы для приходов и обществ трезвости. Предполагалось все собранные денежные средства передавать в Уфимское отделение епархиального училищного совета, «в том соображении, что оно выписывает книги для школ по удешевленной цене»[319]. После чего книги распределялись между приходами.

8 марта 1893 г. предложенный проект устава «Братства воздержания» был утвержден епископом Дионисием и подкреплен следующим напутствием: «Консистории. Да благословит Господь Бог новооткрытое братство трезвости и воздержания и да послужит оное на пользу всем членам братства и в назидание и соревнование прочим»[320].

Одновременно с этим значимым событием для движения за народную трезвость в губернии 7 марта 1893 г. жители с. Богородского Уфимского уезда сообщили об организации «Семьи воздержания» и торжественно приняли обет отказаться от крепких спиртных напитков. Примечателен тот факт, что, согласно

---

[317] Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 9. С. 271.
[318] Там же. С. 271–272.
[319] Там же. С. 272.
[320] Там же. С. 273.

приговору местных жителей, в течение этого времени допускалось употреблять домашнее пиво, а также водку и вино в период болезни небольшими порциями исключительно для медицинских нужд и с разрешения священника[321]. В январе 1894 г. в с. Серпиевке Уфимского уезда также было открыто общество трезвости на похожих условиях[322].

Таким образом, первое общество трезвости было открыто в Уфимской губернии в 1891 г., что положило начало распространению данных организаций на территории региона как важных оплотов трезвости и нравственности. Ключевую роль в этом деле играли наиболее активные представители православного духовенства, которые не ограничивались распространением антиалкогольной литературы. Однако согласно имеющимся статистическим сведениям распространение обществ и братств трезвости в губернии было достаточно пассивным даже несмотря на поддержку высших представителей Уфимской и Мензелинской епархии.

Вместе с тем православное духовенство отмечало, что в борьбе с пьянством и распространении культуры и грамотности среди крестьянского сословия должны принимать деятельное участие представители земства: «Вы поусердствуете в искоренении пьянства в народе, посодействуете священнику в учреждении общества трезвости…» [323]. Земским чиновникам, по мнению Уфимской и Мензелинской епархии, по долгу службы надлежало содействовать просвещению как эффективному методу борьбы с народным пьянством.

Начало подобному сотрудничеству положило Уфимское попечительство о народной трезвости, приступившее к антиалкогольной деятельности на территории губернии с 1 января 1895 г. Согласно уставу данной организации в состав комитетов обязательно входили «епархиальный Архиерей и в качестве членов того и другого Комитета по одному депутату от духовного ведомства»[324].

---

[321] Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 9. С. 273–276.
[322] Уфимские епархиальные ведомости, 1894. № 1. С. 6.
[323] Уфимские епархиальные ведомости, 1895. № 12. С. 399.
[324] Уфимские епархиальные ведомости, 1896. № 4. С. 128.

Однако Уфимская и Мензелинская епархия с осторожностью относилась к питейной реформе 1894 г. Согласно циркулярам данного ведомства православные священнослужители не должны брать на себя новые обязанности по наблюдению за правильным ходом торговли спиртными напитками в ущерб своей основной деятельности, так как «в ведении духовнаго начальства состоят различныя учреждения, которыя также одною из своих задач поставили искоренение в народе пьянства»[325].

Таким образом, Уфимская и Мензелинская епархия относилась к организации попечительств о народной трезвости с особым вниманием и долей настороженности, опасаясь того, что православное духовенство будет отвлекаться от своих прямых задач и обязанностей. В том числе и борьбе с народным пьянством.

Однако с течением времени по мере накопления опыта взаимодействия с Уфимским попечительством о народной трезвости руководство епархии признало данную организацию полезным союзником в деле искоренения пьянства. Например, в 1898 г. православное духовенство активно расширяло сеть библиотек на территории губернии и столкнулось с проблемой дефицита средств на приобретение новой литературы, в том числе и антиалкогольного содержания. В решении данного вопроса руководство епархии надеялось на помощь Уфимского попечительства о народной трезвости: «…можно, как должно надеяться, разчитывать на помощь со стороны Комитетов Попечительства о народной трезвости, которые щедро уделяют средства на народныя библиотеки…»[326].

Еще одним направлением совместной деятельности стала организация народных чтений и вечеров. 14 декабря 1898 г. состоялось открытие и освящение народного дома на Верхнеторговой площади г. Уфы. На торжественном открытии присутствовали председатель Уфимского уездного комитета попечительства о народной трезвости А. В. Новиков, епископ Иустин, губернатор

[325] Уфимские епархиальные ведомости, 1896. № 4. С. 128.
[326] Уфимские епархиальные ведомости, 1898. № 14. С. 138.

Н. М. Богданович и множество почетных гостей. Это была первая народная аудитория в губернии, открытая в рамках реализации политики в борьбе с народным пьянством в ходе питейной реформы С. Ю. Витте. Сам министр финансов Российской империи С. Ю. Витте высоко оценил данное знаменательное событие, о чем сообщал в телеграмме: «Сердечно радуюсь открытию первой народной аудитории»[327].

Уфимское попечительство о народной трезвости щедро жертвовало средства на нужды православного духовенства. На них организовывались народные чтения и вечера со световыми картинками. Например, в 1904 г. губернский комитет при содействии губернатора и генерал-майора И. Н. Соколовского выделены деньги на закупку 4 волшебных фонарей с брошюрами для чтений[328].

Некоторые представители православного духовенства помимо выполнения прямых служебных обязанностей и религиозно-нравственных учений о вреде пьянства принимали деятельное участие в работе Уфимского попечительства о народной трезвости. Следует отметить протоиерея Евграфа Васильевича Еварестова, который с 1898 г. являлся членом-соревнователем Уфимского уездного комитета. Антиалкогольная деятельность Е. В. Еварестова была высоко оценена Уфимской и Мензелинской епархией. Следует более подробно осветить его биографию и общественно-религиозную деятельность.

Е. В. Еварестов, согласно сохранившемся сведениям, закончил курсы в Самарской духовной семинарии (1879 г.) и Казанскую духовную академию (1885 г.) с ученой степенью кандидат богословия. С 1885 г. занимал должность помощника инспектора Уфимской духовной семинарии. 25 мая 1887 г. получил статус священника, а 26 января 1900 г. протоиерея[329].

Отмечены особые заслуги Е. В. Еварестова в педагогической деятельности. Состоял учителем русского и церковно-славянского языка в Самарском духовном

---

[327] Уфимские епархиальные ведомости, 1898. № 1. С. 41.
[328] Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 14–15. С. 1002; Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 5. С. 343.
[329] Уфимские епархиальные ведомости, 1912. № 14. С. 614–615.

училище (1879–1881 гг.). С 1887 г. преподавал богословие, историю и русский язык в Казанской духовной академии. За активность и ответственность занимал много общественных постов, в том числе и члена-соревнователя Уфимского уездного комитета попечительства о народной трезвости[330].

За свою плодотворную пастырскую, педагогическую и общественную деятельность награжден орденом Святой Анны III (1901 г.) и II (1903 г.) степени и Владимира IV степени. Имел медали в память царствования императора Александра III, Общества Красного креста и в память 25-летия церковных школ. Удостаивался архипастырской благодарности 6 раз[331].

Еще одним священником, внесшим значительный вклад в движение за народную трезвость в Уфимской губернии, был Владимир Красносельцев. Родился 13 ноября 1864 г. Получил образование в Уфимском духовном училище и Уфимской духовной семинарии. В 1886 г. назначен священником с. Зирган Стерлитамакского уезда, в котором прослужил до 1902 г. В. Красносельцев основал Зиргановское общество трезвости, вел проповеди, религиозно-просветительные чтения и беседы. По его инициативе построена двухклассная школа в с. Зиргане. За это он был удостоен особой благодарности от попечителя Оренбургского учебного округа[332].

Таким образом, с внедрением винной монополии и открытием попечительства о народной трезвости на территории губернии православное духовенство в борьбе с пьянством начало активно взаимодействовать с представителями государственной власти и общественности, что несомненно укрепило систему государственно-общественного партнерства в регионе. Кроме того, возрастала вовлеченность духовенства в общественную жизнь.

Расширялась деятельность Училищного епархиального совета на территории губернии. Православное духовенство пыталось со школьной скамьи прививать детям принципы здорового образа жизни. К примеру,

---

[330] Уфимские епархиальные ведомости, 1912. № 14. С. 615.
[331] Там же. С. 616.
[332] Уфимские епархиальные ведомости, 1917. № 5–6. С. 166–167.

при Мензелинском отделении в 1898 г. открылся небольшой склад с книгами религиозно-нравственного и духовного содержания для распространения среди учащихся и их родителей. При всех школах уезда имелось отделение данного книжного склада. Заведовал складом священник Федор Комаров. За первые 3–4 мес работы было реализовано до 4000 брошюр, что говорит о высокой заинтересованности местных жителей[333].

В 1898 г. воскресные и праздничные народные чтения велись при школах Уфимского уезда – Вотикеевской, Катав-Ивановской, Новотроицкой, Романовской и Калинниковской, Мензелинского уезда – в г. Мензелинске и Бережно-Челнинской, Стелитамакского уезда – Васильевской и Златоустовского – Кусипской и Михайловской. Наиболее активными участниками и организаторами мероприятий стали преподаватели учебных заведений, врачи, чиновники и священники Уфимской губернии, что говорит о тесном сотрудничестве в продвижении трезвого образа жизни разных социальных групп в формате государственно-общественного партнерства. Например, следует отметить вклад учителей Н. П. Никольского, Д. Е. Пушкова и П. Д. Ушакова, врача В. И. Кремкова, члена окружного суда А. И. Смердынского и земского начальника П. В. Беляева[334].

Продолжалось открытие обществ, братств и кружков трезвости в Уфимской губернии. Организация подобных общественных объединений сопровождалось разработкой и утверждением типовых уставов, которые рассматривались Министерством внутренних дел Российской империи и Уфимской и Мензелинской епархией[335]. В период 1900–1917 гг. в губернии был открыт целый перечень обществ, преследовавших интересы борьбы с пьянством и пропаганды трезвого образа жизни. Ниже представлено несколько примеров из них, показавших наиболее выдающиеся результаты:

---

[333] Уфимские епархиальные ведомости, 1898. № 7. С. 92–93.
[334] Там же. С. 94.
[335] Уфимские епархиальные ведомости, 1910. № 8. С. 314–320; Уфимские епархиальные ведомости, 1917. № 2. С. 43–45.

1) Загорское общество трезвости в честь святого преподобного чудотворца Серафима Саворского, открытое 14 сентября 1901 г. священником Василием Аргентовским. По его же инициативе в 1908 г. в с. Загорском закрыты винная и пивная лавка (Приложение 8)[336];

2) Александровское братство трезвости имени Сергия Радонежского, открытое 6 августа 1909 г. священником Иваном Шатуновым – активным борцом за трезвый образ жизни и заведующим библиотекой-читальней в с. Александровке[337];

3) Кружок трезвости при Рождественско-Богородицкой церкви в с. Кальтовке Уфимского уезда по инициативе священника Гавриила Осипова в 1916 г.[338].

Значимым событием для губернии стало проведение праздника трезвости, официально назначенного на 29 августа 1913 г. История праздника берет свое начало в г. Санкт-Петербурге, где в 1911–1912 гг. по инициативе Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников проводилось данное мероприятие в целях популяризации трезвого образа жизни, распространении информации о вреде пьянства, привлечении новых участников и пожертвований [339]. В г. Санкт-Петербурге мероприятие имело успех и пользовалось спросом. Поэтому в качестве опыта было принято решение распространить его на территории всей Российской империи.

Праздник трезвости состоялся в г. Уфе 29 августа 1913 г. Программа заблаговременно была разработана советом братства Воскресения Христова и утверждена в Уфимской и Мензелинской епархии. Праздник начался с божественной литургии в кафедральном соборе, которую совершил епископ

---

[336] Уфимские епархиальные ведомости, 1906. № 1. С. 54–57; Уфимские епархиальные ведомости, 1909. № 16. С. 762–763.
[337] Уфимские епархиальные ведомости, 1909. № 22. С. 1131–1135.
[338] Уфимские епархиальные ведомости, 1916. № 11–12. С. 397.
[339] Уфимские епархиальные ведомости, 1914. № 6. С. 57–59.

Михей – глава епархии. После чего епархиальным миссионером А. Диаконовым была произнесена речь о пагубном влиянии пьянства[340].

К концу литургии у собора собрались крестные ходы из разных городских церквей. Наиболее многочисленным, по воспоминаниям современников, оказался крестный ход из Никольской вокзальной церкви, при которой имелось общество трезвости (ранее упоминалось и рассматривалось), насчитывавшее около 300 участников[341].

После литургии единый крестный ход направился к Александровской часовне на Верхнеторговой площади, где священник Иван Хохлов произнес речь о необходимости и неотложности дружной и настойчивой борьбы с пьянством, а также важности данного праздника[342].

В течении всего праздника члены Никольского общества трезвости бесплатно раздавали листки и брошюры антиалкогольного содержания. Также производился кружечный сбор на борьбу с пьянством. Антиалкогольных листков было распространено около 15000 экземпляров[343].

Новшеством в религиозно-общественной жизни Уфимской и Мензелинской епархии стал проект устава и руководящие указания для открытия при церковно-приходских школах детских обществ трезвости. Данные общества имеют «своей целью подготовить из своих членов сознательных и убежденных врагов пьянства и борцов с ним в своих семьях, среди родных и знакомых»[344].

Достижение этой цели возможно путем воспитания в духе трезвости каждого учащегося через беседы классного и внеклассного характера, чтением книг антиалкогольного содержания и богослужениями. В проекте устава давались рекомендации по поводу случаев пьянства взрослых в праздники и выходные в деревнях. Детям надлежало собираться в церковно-приходских школах и проводить это время за чтением книг и настольными играми, чтобы «избегать

---

[340] Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 18. С. 507–508.
[341] Там же. С. 508.
[342] Там же. С. 508.
[343] Там же. С. 508.
[344] Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 23. С. 109.

наблюдения за дикими и непристойными сценами, сопровождающими деревенский разгул»[345].

Также каждый член детского общества трезвости был обязан разъяснять своим товарищам опасность употребления спиртных напитков. Приветствовалась демонстрация и распространение книг, листовок и брошюр антиалкогольного содержания. Поощрялось привлечение в ряды обществ трезвости новых членов. Для расширения кругозора и приобщения участников к идеям общества совершались походы в соседние села для молитв и бесед. При каждом школьном обществе трезвости рекомендовалось завести маленькую библиотеку. Средства на ее содержание собирались «путем самообложения членов, в зависимости от их материальнаго достатка, а также чрез добровольное пожертвование в особую кружку»[346].

Таким образом, новым направлением в борьбе с пьянством стало учреждение в школах губернии детских обществ трезвости. Данные организации имели собственный устав, конкретные цели и задачи, согласовывавшиеся с идеями трезвого образа жизни православного духовенства. Подобный формат сотрудничества учебных заведений и церкви определенно оказывал благотворное влияние на борьбу с пьянством.

Однако нельзя оставлять без внимания и усилия мусульманского духовенства в борьбе за трезвый образ жизни, учитывая поликонфессиональный и многонациональный состав Уфимской губернии. Мусульманское духовенство действительно брало на себя активную роль в борьбе с пьянством, но важно понимать неоднозначность этого явления в среде башкир и татар. В целом в мусульманской среде этот порок был менее распространен, чем в русскоязычной. Тем не менее случаи злоупотребления случались, и духовенство пыталось бороться с этим явлением.

В борьбе с пьянством мусульманское духовенство действовало в нескольких направлениях:

---

[345] Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 23. С. 110.
[346] Там же. С. 110–111.

1) проповеди и нравственное наставничество. В пятничных проповедях имамы прямо осуждали пьянство, связывали его с разрушением семьи, нарушением общественного порядка и нравственности. Для многих прихожан слово муллы было авторитетным, поэтому личный пример и увещевания давали результат;

2) инициативы на уровне общины. Иногда сельские общества сами принимали меры: изгоняли из общины людей, которые систематически нарушали порядок в состоянии опьянения;

3) ходатайства и лоббирование. Например, в 1905 г. прошло совещание доверенных мусульман Уфимской губернии. Среди конкретных предложений было ходатайство перед властями предоставить приходскому духовенству право временно (до 3 суток) изолировать в нежилых помещениях тех прихожан, которые безобразничали и нарушали общественный порядок, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, духовенство выдвигало предложения о полном запрете открытия казенных и частных винных и пивных лавок в мусульманских поселениях. То есть духовенство просило расширить свои административные полномочия для борьбы с пьянством[347];

4) сотрудничество с другими организациями. Мусульманское духовенство, в частности как и православное, не действовало в одиночку. Оно взаимодействовало с государственными и общественными структурами. Например, с Уфимским попечительством о народной трезвости. Вместе пытались решать проблему комплексно. Помимо запретов, предлагали развивать культурный досуг (народные чтения, кружки), открывать школы и ремесленные мастерские, чтобы у людей были здоровые альтернативы времяпрепровождения.

На основании проведенного анализа и исследования можно сделать следующие выводы:

1) православное духовенство реализовывало ряд превентивных мер в борьбе с пьянством на территории Уфимской губернии. В 1865–1891 гг. основным

[347]Загидуллин И. К. Новая форма этноконфессиональной консолидации: совещание доверенных мусульман Уфимской губернии 1905 г. // Гасырлар авазы - Эхо веков. 2016. № 1-2. С. 52–53.

направлением деятельности являлась воспитательная работа, распространение брошюр, листовок и книг антиалкогольного содержания. С 1891 г. приходские священники приступили к открытию церковно-приходских попечительств, обществ трезвости и братств воздержания. Для регламентации их деятельности разрабатывался и утверждался ряд проектов и уставов с учетом конкретных социальных и культурных особенностей региона;

2) массовое открытие обществ трезвости началось в конце XIX в. Деятельность православного духовенства все больше приобретала благотворительный и общественный характер. Уфимская и Мензелинская епархия активно сотрудничала с Уфимским попечительством о народной трезвости, местными органами государственной власти и образовательными учреждениями;

3) нельзя оставлять без внимания вклад отдельных представителей православного духовенства, занимавшихся культурно-просветительной, воспитательной и благотворительной деятельностью, а также организацией обществ и братств трезвости в своих приходах;

4) мусульманское духовенство также активно включалось в движение за трезвый образ жизни на территории Уфимской губернии. Однако для башкирского и татарского населения было не характерно злоупотребление спиртными напитками, в отличие от русскоязычной и православной части общества. Муллы как авторитетные и опытные наставники, пользовавшиеся уважением, проповедовали, что пить спиртные напитки – великий грех. Кроме того, представители мусульманского духовенства сотрудничали с Уфимским попечительством о народной трезвости, взаимодействуя с органами государственной власти и общественными активистами.

2.2 Структура и деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости (1895–1914 гг.)

Организационно-управленческая структура. Уфимское попечительство о народной трезвости состояло из губернского и 6 уездных комитетов: Белебеевского, Бирского, Златоустовского, Мензелинского, Стерлитамакского и Уфимского [348]. Во главе губернского комитета стоял губернатор, а уездные возглавляли местные предводители дворянства (Приложение 9).

Деятельность губернского комитета выражалась в общем направлении работы уездных комитетов, рассмотрении ходатайств, распределении финансирования, выписке газет и журналов[349].

Особое внимание следует уделить численности комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости и сословной принадлежности их членов. По состоянию на 1897 г. численность действующих членов комитетов, присутствовавших на заседаниях, выражалась в следующих цифрах: в Уфимском – 7, Мензелинском – 12, Стерлитамакском – 12, Бирском – 8, Златоустовском – 12 и Белебеевском – 13. Преимущественно это были высокопоставленные чиновники государственного аппарата и дворяне[350].

Кроме этого, членов-соревнователей, принимавших непосредственное участие в деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости на добровольной и безвозмездной основе по сословной принадлежности можно разделить на несколько категорий: потомственных и личных дворян – 109, лиц духовного звания – 61, чиновников – 122, потомственных почетных граждан – 15, купцов – 34, мещан – 19, крестьян – 26, лиц, не состоявших на государственной

---

[348] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год. Уфа: Губернская типография, 1898. С. 1.
[349] Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа: Губернская типография, 1916. С. 99.
[350] Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 96.

службе – 93[351]. Всего на 1 января 1898 г. около 479 чел[352]. Таким образом, в состав данной организации входил широкий круг сословий и социальных групп.

Почетными членами губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости в 1904 г. являлись:

1) член Совета Министра финансов, тайный советник В. Н. Охотников;

2) тайный советник Н. П. Балашев;

3) действительный статский советник И. П. Балашев;

4) действительный статский советник Н. А. Гурвич;

5) старший советник Кутайского губернского правления, статский советник Н. П. Целярицкий;

6) горный инженер, коллежский советник А. И. Умов[353].

Обязанности казначея губернского комитета попечительства о народной трезвости исполнял управляющий казенной палатой, действительный статский советник Н. П. Зарубин[354].

При этом только действительный статский советник Н. А. Гурвич принимал активное и постоянное участие в заседаниях губернского комитета. Остальные почетные члены Уфимского попечительства о народной трезвости не участвовали в заседаниях по причине проживания в соседних губерниях по долгу государственной службы[355].

Личность Николая Александровича Гурвича тесно связана с социальной сферой жизни уфимского края (Приложение 10). Н. А. Гурвич – врач, историк, экономист, краевед и один из первых профессиональных статистиков Уфимской губернии. Активно занимался благотворительностью. Один из основателей

---

[351] Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 96.

[352] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год… С. 10–11.

[353] Герасимова Д. И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии): дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2016. С. 102–103.

[354] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1904 год. Уфа: Губернская типография, 1905. С. 3.

[355] Там же. С. 4–6.

публичной библиотеки при Уфимском губернском статистическом комитете (1864 г.), Уфимского губернского музея (1864 г.), первой бесплатной лечебницы в г. Уфе (1870 г.) и Общества врачей Уфимской губернии (1882 г.). С 1895 г. активный участник и почетный член на заседаниях губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости. За особые заслуги перед Отечеством награжден орденом Святого Владимира IV степени и медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения»[356].

Следует отметить тот факт, что Уфимское попечительство о народной трезвости находились в ведении Министерства финансов Российской империи. Правительство стремилось приобщить к делу искоренения народного пьянства представителей всех социальных групп, понимая, что без помощи передовых представителей российского общества достигнуть поставленных целей и задач будет невозможно, и деятельность попечительства о народной трезвости будет носить сугубо формальный характер. Однако члены-соревнователи не могли вносить на рассмотрение собственные проекты и ограничивались совещательным правом голоса.

Члены-соревнователи, являвшиеся представителями наиболее образованной и прогрессивной части общества, вели разнонаправленную деятельность: заведовали чайными и библиотеками, устраивали народные чтения, концерты и вечера.

Основным недостатком губернского попечения о народной трезвости являлись бюрократические ограничения, существенно сдерживавшие деятельность комитетов. Как отмечалось ранее, активное участие в работе губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости принимал лишь один почетный член – действительный статский советник Н. А. Гурвич[357]. Это свидетельствовало о низкой вовлеченности общественности и формальном

[356] Латыпова В. В. Н. А. Гурвич – наш земляк. Уфа: Живая память, 1997.
[357] Герасимова Д. И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии)… С. 103.

характере представительства в структуре попечительства о народной трезвости государственных служащих.

На ключевых позициях в структуре попечительства о народной трезвости находились сотрудники органов государственной власти. При этом многие чиновники Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, входившие в состав организации по долгу службы, демонстрировали пассивное или вовсе безучастное отношение к реализации проектов попечительства: «многие данные указывают что эти чины Акцизного надзора не везде принимают достаточно близкое участие в деятельности Попечительства о народной трезвости» [358] . Это существенно снижало эффективность просветительской деятельности и ограничивало потенциал государственно-общественного партнерства в борьбе с пьянством.

В циркуляре управляющего акцизными сборами Уфимской губернии М. А. Куна в 1902 г. содержалась следующая информация: «Ныне при личном разговоре с одним из помощников надзирателя я убедился в полном незнании им не только постановке дела Попечительства о народной трезвости, но даже и того, есть ли в месте его жительства какие-либо учреждения попечительства»[359].

Правительственные чиновники занимали главенствующее положение в губернском попечении о народной трезвости. Такое положение дел несомненно оказывало отрицательное влияние на деятельность губернского и уездных комитетов и сдерживало развитие и реализацию новых проектов.

Кроме того, губернский комитет Уфимского попечительства о народной трезвости неоднократно обращал внимание на нехватку денежных средств для покрытия затрат на служебное делопроизводство, рассылку писем и распоряжений [360] . Представители Уфимского попечительства о народной трезвости рапортовали о необходимости дополнительного финансирования

[358] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 162. Л. 7.
[359] Там же. Л. 27.
[360] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год… С. 8.

в размере 1000 руб ежегодно. Однако Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей сообщало, что ходатайство не может быть удовлетворено «впредь до издания новых по этому вопросу законоположений»[361].

Отдельно следует отметить, что финансирование деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости планомерно сокращалось. В 1900 г. от Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей поступило 53500 руб[362], в 1904 г. – 51008 руб[363], а в 1912 г. – только 38000 руб[364].

Таким образом, в состав Уфимского попечительства о народной трезвости входил широкий круг представителей общественности, наделенных совещательным правом голоса. Ключевые позиции занимали чиновники государственного аппарата, принимавшие важные решения, касавшиеся деятельности губернского и уездных комитетов попечительства о народной трезвости. Такая организационно-управленческая структура носила бюрократический характер и была способна оказывать отрицательное влияние на реализацию запланированных проектов и мероприятий. Кроме того, финансирование планомерно сокращалось и было недостаточным для реализации масштабной антиалкогольной политики, учитывая размеры доходов от винной монополии.

Реализация проектов. Деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости в период функционирования винной монополии на территории Российской империи (1895–1914 гг.) можно разделить на следующие категории:

1) открытие и содержание чайных и библиотек-читален;

2) строительство и заведование собственными зданиями и постройками;

3) поддержка организаций и обществ, проводивших антиалкогольную политику;

---

[361] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год… С. 8.
[362] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год. Уфа: Губернская типография, 1901. С. 30.
[363] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1904 год… С. 110.
[364] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1912 год. Уфа: Губернская типография, 1914. С. 8.

4) надзор за правильным ходом торговли спиртными напитками на общественных началах;

5) организация народных вечеров, чтений и спектаклей с целью культурно-просветительной работы;

6) пропаганда идей здорового образа жизни, помощь людям с алкогольной зависимостью[365].

Общее число чайных по состоянию на 1 января 1898 г. по всей губернии было 67: в Белебеевском уезде – 13, в Бирском – 15, в Златоустовском – 4, в Мензелинском – 5, в Стерлитамакском – 16, в Уфимском – 14[366].

Большинство помещений, занимаемых чайными, были наемными. Арендная плата колебалась в зависимости от площади и местоположения. Небольшая часть чайных размещалась в зданиях, предоставленных в безвозмездное пользование гражданами, стремившимися оказать Уфимскому попечительству о народной трезвости посильную поддержку. И лишь несколько заведений размещались в собственных постройках. Режим работы каждой чайной зависел от местных условий, но преимущественно заведения открывались в 6–8 часов утра, а заканчивали торговлю в 20–22 часа вечера[367].

В целом чайные пользовались популярностью у местного населения и активно посещались. Например, чайная-читальня в д. Слаковой открыта 12 февраля 1896 г. Первоначально помещение было предоставлено в бесплатное пользование местным обществом. Но с 23 марта чайная была перенесена в арендное помещение с платой в 50 руб ежегодно. Заведующим являлся член-соревнователь Бриллиантов. С апреля по декабрь 1896 г. посетителей было более 1612 чел., что говорит о высокой проходимости чайной.

Чайная-читальня в д. Иткуловой открыта 26 января 1896 г. в помещении, уступленном бесплатно местным башкиром Каримовым. Заведовал объектом

---

[365] Герасимова Д. И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии)… С. 95–96; Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 96.

[366] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год… С. 23

[367] Там же. С. 23–25.

учитель Туймакаев. Посетителей в 1896 г. было 10800 чел. Оборот денежных средств составил 326 руб 61 коп. Для чайной выписывались газеты «Сельский вестник» и «Досуг и дело»[368]. Чайная-читальня в с. Аскино начала работу 6 декабря 1895 г., в помещении, отведенном в бесплатное пользование сельским обществом. В 1897 г. посетителей было 5904 чел[369].

Не все чайные успешно функционировали. Некоторые закрывались ввиду отсутствия интереса к ним со стороны местного населения и низкой рентабельности. Так, к 1899 г. чайных-читален осталось 56. В Уфимском и Белебеевском уезде их стало по 14, в Бирском – 13, в Мензелинском – 5, в Златоустовском и Стерлитамакском по 4[370].

Независимо от функционирования чайных попечительство о народной трезвости организовывало в населенных пунктах губернии библиотеки-читальни, которых к 1898 г. было благоустроено 20 единиц: в Бирском уезде – 4, в Стерлитамакском и Белебеевском по 1, а в Уфимском – 14[371]. Народные библиотеки-читальни пользовались высоким спросом. За книгами приходили даже из соседних населенных пунктов, в которых подобных учреждений не было. Возвращались произведения, по замечаниям заведующих библиотеками, в срок и обращались читатели с ними аккуратно[372].

Библиотеки-читальни снабжались произведениями разного жанра для охвата максимально возможной аудитории. Выписывались также и периодические издания. Например, в г. Бирске библиотека заключала в себе 726 томов на сумму 350 руб и 9 наименований газет и журналов. Что касается состава книжного фонда, то на 1 января 1898 г. на балансе числилось произведений духовного содержания – 81, исторического – 85,

---

[368] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год… С. 26–27.
[369] Там же. С. 32.
[370] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год… С. 26.
[371] Котельников А. Д., Галиуллина С. Д. Деятельность попечительств о народной трезвости в Уфимской губернии. 1865–1917 гг. (социально-экономический аспект) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 4 (97). С. 1340–1346.
[372] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год… С. 52–53.

беллетристического – 368, по географии и этнографии – 64, по естествознанию – 46, по медицине – 19, по сельскому хозяйству – 40, по юриспруденции – 13, смешанных жанров – 10. В 1897 г. в библиотеку выписывались следующие периодические издания: «Биржевые ведомости», «Вестник Красного креста», «Нива», «Ремесленная газета», «Пожарное дело», «Сельский вестник», «Журнал для всех», «Читальня народной школы»[373].

Если количество чайных в последующие годы деятельности уездных комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости постепенно уменьшалось, то число библиотек-читален напротив увеличивалось. К 1898 г. их стало 27, а в 1900 г. возросло до 70 в связи с расширением деятельности центрального книжного склада, принадлежавшего Уфимскому попечительству о народной трезвости[374].

Для проведения масштабной антиалкогольной политики активно использовалась периодическая печать. В 1898 г. при содействии губернского комитета был учрежден журнал «Уфимское попечительство о народной трезвости» под редакцией делопроизводителя В. А. Богданова. Периодическое издание занималось освещением деятельности попечительства о народной трезвости в губернии, печатало статьи и обзоры о вреде неумеренного потребления крепкого спиртного. Журнал стал весьма популярен. На это обратил внимание министр финансов Российской империи С. Ю. Витте и выступил с предложением рассылать номера издания во все губернии и области, в которых была введена система винной монополии. На эти цели Министерство финансов выделило дополнительные денежные средства в размере 1500 руб.

В течение 1900 г. редакция журнала выпустила 50 номеров общим объемом 891 печатная страница. Издания были направлены в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, в канцелярию Варшавского

---

[373] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год... С. 54–56.
[374] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год... С. 25.

генерал-губернатора, а также в 37 губернских, уездных и областных комитетов попечительств о народной трезвости на территории Российской империи[375].

Высокий уровень распространения журнала обусловлен ответственным подходом к общественной работе со стороны представителей Уфимского попечительства о народной трезвости, что свидетельствует о значимой роли региональной инициативы в общеимперском движении за народную трезвость.

Еще одной заботой членов уездных комитетов, помимо открытия и содержания чайных и библиотек, являлось строительство и благоустройство собственных зданий. Это позволяло в долгосрочной перспективе экономить средства Уфимского попечительства о народной трезвости, затрачиваемые на аренду помещений и иметь в каждом крупном населенном пункте «оплот трезвости и нравственности».

Согласно статистическим данным в 1899 г. Уфимское попечительство о народной трезвости располагало 38 собственными народными домами, в которых размещались чайные, библиотеки, устраивались общественные чтения или концерты[376].

К 1913 г. уездные комитеты располагали уже 48 зданиями в разных уголках губернии. В Белебеевском уезде собственных построек было 14. В Бирском таковых значилось 9: в Дюртюллях, в д. Калмыкове (2 дома), с. Николаевке, Андреевке, Аскине, Бураево, Байках и Емаше. В 5 зданиях помещались начальные училища. Златоустовский комитет имел 5 построек: в г. Златоусте – Ветлужский, Демидовский и Ночлежный народные дома и в уезде – здания в с. Месягутове и Тастубе. По Мензелинскому уезду: 2 народных дома в г. Мензелинске и в пригороде Заинске.

В Стерлитамакском уезде комитет имел 5 собственных зданий, в которых помещались народные аудитории, а именно в с. Архангельском, Богоявленском, Татьяновке, Скворчихе и Воскресенском. Уфимский комитет содержал 13 зданий:

---

[375] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год... С. 18.
[376] Там же. С. 24.

10 располагались в уезде и 3 непосредственно в г. Уфе на Верхнеторговой площади, в Северной слободе и на Случевской горе[377].

Отдельного внимания заслуживают старания уездных комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости по устройству общественных чтений, спектаклей, концертов и вечеров. Проведение культурно-просветительной работы являлось важной составляющей в ограждении населения от потребления спиртных напитков.

В данной сфере были достигнуты впечатляющие результаты. К примеру, в 1896 г. народные чтения с туманными картинами устраивались лишь в 16 пунктах Уфимской губернии, в 1897 г. их число выросло до 45, в 1898 г. до 58, в 1899 г. стало уже 60, а в 1900 г., с расширением деятельности центрального книжного склада, достигло 92[378].

Важной составляющей частью нового направления социальной политики стало распространение чтений, брошюр и световых картинок в учебных заведениях Уфимской губернии. Попечитель Оренбургского учебного округа Н. И. Тихомиров поощрял внедрение в образовательный процесс тематических лекций и кружков, раскрывавших вопрос опасности потребления спиртных напитков для подрастающих поколений[379].

Автором целого комплекса книг, статей и пособий, повествовавших о пагубном влиянии спиртных напитков, стал Д. Г. Булгаковский – российский писатель, историк и православный священник. В 1898 г. он примкнул к всероссийскому трезвенническому движению и активно участвовал в организации Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости.

Наиболее ценными, популярными и содержательными стали следующие публикации Д. Г. Булгаковского: «На помощь», «Вино на Руси», «Как я перестал пить», «Горькая правда о пьянстве» и «Как отказаться от спиртных напитков».

---

[377] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1912 год… С. 11–12.

[378] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год... С. 25–26.

[379] Вестник Оренбургского учебного округа. 1914 г. № 6-7. Уфа: Электрическая типо-литография Ф. Г. Соловьев и К°, 1914. С. 62–67.

С 1902 г. издавал журнал «Всероссийский вестник трезвости». Работы автора пользовались успехом среди преподавателей учебных заведений Уфимской губернии. В одной из рецензий на произведения Д. Г. Булгаковского содержалась следующая благодарность: «Кружок учителей и учительниц в борьбе с алкоголизмом не находит слов, чтобы в достаточной мере выразить Вам, печальник о народном благе, глубокочтимый Дмитрий Гаврилович, нашу искреннюю благодарность за выписанная нами световыя картины и брошюры»[380].

В дополнение к этому, представители уездных комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости стремились популяризировать общественные чтения. Например, начиная с 2 ноября 1897 г., в г. Белебее народные чтения устраивались в помещениях попечительства о народной трезвости и велись комиссией, состоявшей при Белебеевском уездном комитете. Было организовано 50 чтений религиозно-нравственного, географического, беллетристического и биографического содержания. Посещаемость составила 7772 чел. Активными участниками мероприятий являлись протоиерей Лукин, священники Никитин, Нечаев и Кибардин, лекторы Шумилов, Щербаков, Симов, Корнилов, Маковский, Перельман, Демин и Домин, занимавшихся волонтерской деятельностью на безвозмездной основе[381].

По Бирскому уезду народные чтения в 1904 г. проводились в 17 пунктах. В г.Бирске чтения организовывались членом-соревнователем М. М. Гарницким в собственной аудитории попечительства о народной трезвости. Кроме этого, только за 1904 г. по уезду было проведено 144 мероприятия: в с. Байках, Пономаревке, Николаевке, Суслове, Усы-Степановке, Емаше, Березовке, Калегине, Артакуле, Старо-Петрове и Дюртюлях.

В этом же году в Златоустовском уезде прошло 221 чтение с участием народного оркестра и волшебными фонарями. Почти все чтения в аудиториях проходили с туманными картинами и сопровождались музыкой на граммофоне.

---

[380] Вестник Оренбургского учебного округа. 1914 г. № 6-7. С. 68.

[381] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год... С. 54–55.

Прочтено статей духовно-нравственного содержания – 176, по истории – 58, биографии – 35, беллетристике – 93, статей по описанию военных событий – 171, по гигиене и медицине – 127 и детских произведений – 31. К 1 января 1905 г. в распоряжении Комитета имелось 6 волшебных фонарей на сумму 375 руб, а также картин – 2143 и брошюр для чтения – 183 общей стоимостью до 450 руб.

По Мензелинскому уезду в 1904 г. чтения с туманными картинами происходили в г. Мензелинске в здании народной аудитории. Вход был бесплатный для всех желающих, кроме мест на первых рядах, за которые взималась плата по 5–10 коп. Всего состоялось 9 чтений с 2408 посетителями. Во время чтений в Мензелинской аудитории певчий хор исполнял несколько песен. Посетители вели себя благопристойно и проявляли высокий интерес.

В пригороде Заинске просветительские чтения проводились в здании народной аудитории, где было организовано 21 мероприятие с общим числом слушателей около 3000 чел. Дополнительно аналогичные мероприятия осуществлялись в с. Мысовые Челны, д. Ахметовой, с. Багряш-Никольском и с. Старая Мазина. Во всех перечисленных населенных пунктах чтения проходили в зданиях земских училищ, что обеспечивало необходимую доступность для местного населения.

В Уфимском уезде народные чтения проводились в 62 селениях. Основными площадками для организации просветительских мероприятий выступали собственные постройки попечительства о народной трезвости, народные дома и училища[382]. Такое распределение обеспечивало широкий доступ населения к просветительским мероприятиям и способствовало систематическому проведению чтений в сельской местности.

Вышеизложенная информация позволяет сделать вывод, что в народных чтениях Уфимского попечительства о народной трезвости участвовали представители разных социальных групп: преподавательский состав, духовенство и творческая интеллигенция. Данный вид деятельности охватил разные уголки

[382] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1904 год… С. 58–63.

губернии. Посещаемость была высокая, что говорит о популярности этих мероприятий и заинтересованности местного населения.

Перспективным направлением в антиалкогольной политике на территории губернии стала подготовка и организация масштабных культурно-массовых мероприятий с привлечением разных слоев населения. В 1897 г. по предложению члена Уфимского уездного комитета попечительства о народной трезвости В. Н. Виноградова была создана специальная комиссия из 6 чел, приступившая к разработке проекта по благоустройству народных гуляний. Проект предусматривал организацию мероприятий на открытом воздухе, за чертой городских построек.

По предложению комиссии надлежало устроить гимнастический городок со всеми необходимыми тренажерами, игру в мяч и кольца, биллиард на земле, запуск воздушного змея. Для демонстрации туманных картинок и волшебных фонарей предполагалось устроить эстраду. Согласно смете расходов, на покупку инвентаря и сооружение необходимых построек должно быть затрачено 500 руб и проведение каждого народного гуляния по 10 руб.

Открытие народных гуляний состоялось 14 мая 1897 г. в присутствии губернатора Н. М. Богдановича, городского головы А. А. Маллеева, председателя и членов Уфимского уездного комитета попечительства о народной трезвости. Был исполнен гимн Российской империи и различные композиции хором железнодорожных певчих. Участники состязались в лазании на мачту и беге. Победители получали памятные призы. В то же время играл оркестр, горожане занимались на тренажерах и катались на качелях. Вечер завершился праздничным фейерверком.

По замечаниям современников «многочисленная толпа покрывала все поле и надо отметить, что не только порядок не был ни разу нарушен, но вообще не слышно было ни брани, ни грубых выходок и совершенно не было замечено пьяных» [383] . По просьбам участников для следующих мероприятий была

[383] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год... С. 77–78.

построена отдельная эстрада для пения и танцев. Любой желающий мог прочитать поэму, спеть песню или выступить с номером.

Следили за порядком во время народных гуляний члены попечительства о народной трезвости согласно утвержденному графику дежурств. Для привлечения людей по всему городу, в первую очередь в районах, где проживал «простой люд», заблаговременно расклеивались афиши с приглашением принять участие всех желающих. Только за 1897 г. было организовано 21 гуляние, на которых было в среднем по 2500-3000 чел[384].

Неотъемлемой частью антиалкогольной политики, реализуемой на территории Уфимской губернии, стал строгий контроль за соблюдением правил ведения питейной торговли. Надзор за продажей спиртных напитков производился одновременно Акцизным ведомством, полицией и Уфимским попечительством о народной трезвости [385]. Выявлялись случаи беспатентной торговли слабоалкогольными и крепкими напитками, тайного винокурения и продажи в запрещенное время (Приложение 11).

По итогам 1897 г. участковые попечители уездных комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости выявили ряд нарушений в сфере торговли крепким алкоголем. Конкретные случаи представлены ниже:

1) попечитель V Уфимского уездного участка составил протокол о беспатентной торговле пивом в с. Богородском Дуванейской волости;

2) попечитель XI участка Уфимского уезда зафиксировал факт торговли в винной лавке д. Киржацкой в праздничные дни во время богослужений;

3) попечитель Бирского уездного комитета сообщил о случаях продажи некачественного вина в казенной лавке в запрещенное время;

---

[384] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год… С. 78–82.

[385] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 153. Л. 110.

4) попечитель IV участка Белебеевского уезда выявил несколько случаев тайной продажи «кислушки» (низкосортного аналога водки) в д. Зильдяровой[386].

Во всех перечисленных случаях виновные лица были привлечены к административной ответственности, что демонстрирует эффективность работы попечительств о народной трезвости в контроле за соблюдением правил торговли спиртными напитками.

Уфимское попечительство о народной трезвости в период своей деятельности реализовало много проектов и создало целый комплекс культурных учреждений и общественных мест, привлекая частных благотворителей в лице промышленников и купцов, а также местные органы исполнительной власти[387]. Благодаря усилиям губернского комитета попечительства о народной трезвости в 1899 г. было положено начало строительству и благоустройству парка в г. Уфе.

Парк был заложен на Случевской горе, недалеко от р. Белой. Позднее народный парк переименовали в честь уфимского губернатора Н. М. Богдановича, убитого в ходе покушения 6 мая 1903 г. Сегодня на этом месте располагается сад им. Салавата Юлаева. Место это было выбрано не случайно. До губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости регулярно доходила информация о том, что на Случевской горе собирались толпы людей, проводя там теплые летние вечера и придаваясь азартным играм, распитию спиртных напитков и «иногда даже забавам, противоречащим правилам общественного приличия»[388]. Поэтому было принято решение облагородить этот участок так, чтобы «посетители ея под влиянием новой ея внешности изменили свое поведение»[389].

К 1900 г. работы по возведению данного места отдыха завершились. Народный парк представлял собой участок земли общей площадью в 2 десятины, переданный бесплатно в собственность Уфимскому попечительству о народной

---

[386] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год... С. 16–17; Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 98.

[387] Герасимова Д. И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии)… С. 95–96

[388] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год... С. 10–11.

[389] Там же. С. 11.

трезвости администрацией города. Вход украшали колоссальные железные ворота, пожертвованные Усть-Катавским заводом. В парке оборудовали гимнастический городок, деревянные павильоны для отдыха, оранжереи и парники для разведения растений.

На строительство народного парка потребовалось 6901 руб 33 коп из средств Уфимского попечительства о народной трезвости и до 4000 руб частных пожертвований. В 1900 г. делопроизводителем В. А. Богдановичем отдельно отмечен вклад администрации г. Уфа и частных благотворителей, пожертвовавших значительные средства на благоустройство народного парка: «Городская Дума поставила 530 дубовых столбов на сумму 530 руб, 200 возов дерна на 200 руб, 15 кубов камня на 150 руб, 40 кубов щебня на 240 руб, 200 старых фонарных столбов на 60 руб, 100 тесин старого теса на 5 руб, директором Усть-Катавского завода Горовским пожертвованы железные ворота стоимостью в 200 руб, господином Склабинским разного материала на 200 руб, Умовым разного железа на 150 руб, Чижевым лесного материала на 145 руб, Логотовым дубовых столбов на 50 руб., Лаптевым 20 досок на 14 руб, Манаевым лесу на 14 руб и разного рода материала, деревьев и кустарников для посадки господином Стуколкиным, Кальсиным, Шамовым, Ильиным, Тобиусом, Курковским, Новиковым – всего на 250 руб»[390].

Вышеприведенные сведения говорят о большом интересе уфимских промышленников и предпринимателей к губернскому попечению о народной трезвости как одной из важных форм социальной защиты населения. Благотворительность выступала неотъемлемой частью движения за народную трезвость в Уфимской губернии.

Деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости в 1895–1914 гг. была успешной и плодотворной и выделялась на общероссийском фоне среди других подобных организаций, несмотря на строгие бюрократические

[390] Котельников А. Д., Галиуллина С. Д. Деятельность попечительств о народной трезвости в Уфимской губернии. 1865–1917 гг. (социально-экономический аспект)… С. 1344; Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год... С. 11–12.

рамки. Открыто много социально значимых объектов и учреждений на территории края с привлечением широкого круга общественности и органов государственной власти. Доказательством данной точки зрения может служить сравнение деятельности попечительств о народной трезвости в 4 восточных губерниях (Оренбургская, Пермская, Самарская и Уфимская). Это были первые регионы Российской империи, где правительство внедрило государственную винную монополию в целях эксперимента.

Как было отмечено ранее, сеть чайных заведений в Уфимской губернии демонстрировала высокую рентабельность. Полученные доходы не только полностью покрывали затраты на содержание и развитие сети, но и обеспечивали существенный профицит средств, что свидетельствовало об эффективности и устойчивом спросе на услуги чайных среди населения региона. В то же время, например, представители губернского комитета Оренбургского попечительства о народной трезвости неоднократно отмечали наличие низкого интереса населения к чайным и крупные убытки от их работы. В отчете о деятельности за 1902 г. можно почерпнуть следующую информацию: «число чайных не много уменьшилось и они за редким исключением действуют очень слабо, мало в общем посещаются населением и приносят большой убыток»[391].

Однако в Оренбургской губернии значительные успехи были достигнуты в организации народных библиотек в 1902 г.: «Общее число абонентов в отчетном году превышало 69000, а число посещений во всех читальнях и библиотеках было свыше 140000 человек»[392]. Впечатляющие показатели обусловлены оригинальным подходом в обеспечении потребности жителей края в литературе. Широкое распространение получили передвижные библиотеки упрощенного типа: «книги библиотек берутся буквально на расхват; при этом следует заметить, что район деятельности этих библиотек не ограничивается только теми селениями, где они открыты, но часто состоит из нескольких селений»[393].

---

[391] Отчет о деятельности Оренбургского попечительства о народной трезвости за 1902 год. Оренбург: типо-литография Б. Бреслина, 1903. С. 6–7.
[392] Там же. С. 7.
[393] Там же. С. 25–27.

Не менее важным способом поддержки малообеспеченных категорий граждан и проведении антиалкогольных мероприятий Оренбургское попечительство о народной трезвости считало организацию детских утренников в новогодние праздники. Например, Орским уездным комитетом в 1900–1902 гг. в зданиях чайных регулярно проводились праздники для бедных детей в возрасте от 5 до 12 л. «без различия вероисповедания, с безплатною раздачею им подарков, состоящих из 4 аршин ситцу на рубашку, 1 платка и ½ фунта сластей»[394].

Серьезным препятствием для развития Оренбургского губернского попечения о народной трезвости стало строительство и аренда помещений для чайных, библиотек, проведения народных чтений и спектаклей [395]. В Уфимской губернии в этой сфере были достигнуты впечатляющие результаты.

В Самарской губернии, в частности как и Оренбургской, также остро стоял вопрос о содержании чайных. Представители Самарского губернского комитета отмечали, что необходимо так организовать работу, чтобы «чайные существовали на обороты от их эксплуатации»[396]. При этом потенциальный дефицит средств предполагалось покрывать из бюджета попечительства о народной трезвости из расчета не более 50 руб на каждую чайную.

Кроме того, в периодических отчетах о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости прослеживалась четкая тенденция того, что чайные и столовые преимущественно ориентировались на получение прибыли от своей работы и только потом на отвлечение населения от употребления крепких спиртных напитков. Например, 12 ноября 1901 г. на заседании губернского комитета поднимался вопрос о реорганизации чайных и столовых в г. Самаре. Поводом послужили следующие выводы, сделанные в ходе обсуждения: «нельзя не сказать, что последния, по характеру положенных в их основания учредителями и заведывающими принципов, не отвечают, по своей

[394] Отчет о деятельности Оренбургского попечительства о народной трезвости за 1902 год… С. 52.
[395] Отчет о деятельности Оренбургского попечительства о народной трезвости за 1903 год. Оренбург: типо-литография Б. Бреслина, 1904. С. 27.
[396] Отчет о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости за 1899 год. Самара: типография Губернского правления, 1901. С. 4.

организации, намеченной Министром Финансов идее просветительнаго характера…»[397]. В чайных и столовых Самарского попечительства о народной трезвости собирались преимущественно представители мелкого торгового класса для совершения сделок и заключения контрактов.

Загрязненность помещений, теснота, неприветливость персонала, отсутствие книг, газет и журналов для просветительных целей ставили чайные и столовые в один ряд с обыкновенными трактирами мелкого разряда. Все это неминуемо приводило к одному неутешительному выводу: «народныя чайныя не приносят населению никакой пользы»[398].

Таким образом, функционирование чайных и столовых в Самарской губернии не отличалось востребованностью у местного населения. Главными причинами стали неудобные помещения, отсутствие периодических изданий и попытки губернского комитета превратить данные социальные объекты в коммерческие организации, способные к окупаемости и самообеспечению.

Еще один недостаток Самарского попечительства о народной трезвости заключался в том, что в г. Самаре как губернском городе и одном из крупнейших населенных пунктов Поволжья отсутствовал народный дом, который воплощал бы в себе «оплот трезвости и нравственности»[399]. Также в Самарской губернии отсутствовала лечебница для больных алкоголизмом. Ключевой фактор – ограниченность финансовых возможностей и дефицит бюджета.

Общий взгляд на деятельность Пермского попечительства о народной трезвости также позволяет выявить некоторые специфические особенности по сравнению с соседними губерниями. С одной стороны, устраивались народные чтения и вечера, спектакли, концерты, новогодние елки, библиотеки, столовые и чайные-читальни. С другой стороны, первостепенное внимание Пермское попечительство о народной трезвости уделяло на поддержание и развитие

---

[397] Отчет о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости за 1901 год. Самара: типография Губернского правления, 1902. С. 8.
[398] Там же. С. 9.
[399] Отчет о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости за 1900 год. Самара: типография Губернского правления, 1901. С. 6.

народных певческих хоров. С этой целью выделялись денежные субсидии и пособия участникам, отбор и обучение будущих участников [400]. Согласно статистическим сведениям на территории Пермской губернии в 1908 г. функционировало 216 народно-певческих хоров [401]. Например, в Уфимской губернии действовал всего лишь один хор.

Главным же преимуществом Уфимского попечительства о народной трезвости являлось наличие собственного приюта-лечебницы для алкоголиков. Подобное учреждение отсутствовало не только в Оренбургской и Самарской, но и Пермской губернии. Поэтому основные усилия уездных комитетов попечительства о народной трезвости данных регионов были направлены на реализацию превентивных мер, связанных с проведением воспитательной и культурно-просветительной работой с населением. Профессиональная медицинская помощь страдавшим запоем не оказывалась.

Таким образом, на территории Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерний попечительства о народной трезвости реализовывали смежные по своей специфике и направленности проекты и мероприятия. Однако степени их развития и успех были неодинаковы. В таблице 9 представлена более подробная информация об объектах попечительств о народной трезвости в Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерниях.

Таблица 9 – Объекты попечительств о народной трезвости в 4 губерниях

	Оренбургская	Пермская	Самарская	Уфимская
Народные дома	8	10	25	48
Чайные	19	16	20	9
Пункты народных чтений	52	147	55	100
Народный хор	8	216	2	1
Библиотеки-читальни	69	124	62	106
Приют-лечебница для алкоголиков	0	0	0	1
Пункты для устройства народных спектаклей и концертов	11	12	8	31

[400] Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1908 год. Пермь: типо-литография губернского правления, 1910. С. 12.
[401] Там же. С. 4–5.

По состоянию на 1913 г. в составе Уфимского попечительства о народной трезвости на территории губернии находились следующие учреждения: собственные постройки – 48, чайные – 9, столовая – 1, ночлежный дом – 1, библиотеки-читальни – 106, пункты народных чтений – 100, пункты для устройства народных спектаклей и концертов – 31, народный хор – 1, народный оркестр – 1, приют-лечебница для алкоголиков – 1, киоск для продажи периодических изданий по вопросам борьбы с пьянством – 1[402].

На данном этапе исторического развития (1895–1914 гг.) произошло закрепление Уфимского губернского попечения о народной трезвости как важного социального института, воплотившего в себе сотрудничество и тесное взаимодействие органов государственной власти и передовых представителей общества. Культурно-просветительная и воспитательная работа Уфимского попечительства о народной трезвости в вопросе ограждения населения от злоупотребления алкогольными напитками впечатляла своим масштабом. Деятельность комитетов попечительства о народной трезвости носила социальный и безвозмездный характер.

Таким образом, в Уфимской губернии функционировала эффективное попечение о народной трезвости (Приложение 12). Губернский и уездные комитеты попечительства о народной трезвости вели разнонаправленную деятельность, привлекая к реализации проектов представителей разных сословий и социальных групп и поддерживая другие государственные и общественные организации. Исполнительные органы власти проводили политику ограничения торговли спиртным по времени и месту. Действовали акцизные лаборатории, осуществлявшие непрерывный контроль проб алкоголя на качество и наличие опасных для здоровья примесей.

Следует отметить значительный успех в культурно-просветительной и воспитательной работе Уфимского попечительства о народной трезвости.

---

[402] Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: Электрическая Губернская Типография, 1915. С. 91; Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 98.

Работали чайные и библиотеки, устраивались концерты, народные чтения и вечера, поощрялись, в том числе и финансово, общества трезвости. Привлекались частные пожертвования и осуществлялось тесное сотрудничество с органами исполнительной власти. Однако присутствие на ключевых должностях правительственных чиновников и недостаток финансирования несколько сдерживали стремительное развитие и реализацию новых проектов.

Среди членов организации были представители разных социальных групп, неравнодушных к проблеме распространения алкогольной зависимости. Правительство стремилось через попечительства о народной трезвости сплотить представителей всех слоев населения, создав систему государственно-общественного партнерства, преследовавшую цель искоренения народного пьянства как социокультурного феномена.

2.3 Губернские государственные и общественные учреждения в борьбе с пьянством

В проведении масштабной антиалкогольной политики на территории Уфимской губернии активно принимали участие представители государственных и общественных учреждений. Бесспорно значительную поддержку, в первую очередь финансовую, данным организациям оказывало попечительство о народной трезвости.

Например, в г. Белебее Уфимское попечительство о народной трезвости субсидировало женскую воскресную школу. В г. Бирске функционировал комитет по устройству народных чтений под руководством протоиерея Г. В. Кострова. В Златоустовском уезде противодействие народному пьянству осуществляли местные организации: «Кружок общества трезвости» в с. Веселовке, «Общество трезвости при Свято-Ильинской церкви» и Никольское церковно-приходское братство трезвости. Их деятельность поддерживалась за счет пожертвований

из средств губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости[403].

Отдельно следует отметить Никольское церковно-приходское братство трезвости при Никольской железнодорожной церкви в г. Уфе, открытое 9 мая 1910 г. с благословения епископа Уфимского и Мензелинского Нафанаила «для борьбы под благодатною сенью Святаго Храма с народным пьянством»[404]. Одобрение устава данного общества получено 24 января 1912 г. от Уфимского губернского правления с пометкой, «что к утверждению означеннаго устава препятствий со стороны губернскаго начальства не имеется»[405]. После чего получено подтверждение со стороны Уфимской и Мензелинской епархии от 23 февраля 1912 г.

В уставе особо отмечено, что территориально деятельность братства трезвости не ограничена и в ряды участников принимаются все желающие. В общество можно вступить на 3, 6 мес или 1 г. по желанию и держать обет трезвости весь срок. При вступлении в члены братства необходимо было указать личные данные в специальной книге и, по возможности, внести пожертвование на нужды организации для борьбы с пьянством. Человек, державший обет трезвости не менее 3 л. переходил в разряд почетных членов[406].

Никольское церковно-приходское братство трезвости согласно утвержденному уставу имело конкретные цели и задачи, которым должен следовать каждый участник:

1) усиленно молиться за себя и товарищей для укрепления силы духа в благих намерениях выдержать обет трезвости;

2) совершать церковные ходы и паломничества трезвенников;

3) проповедовать о вреде употребления спиртных напитков в храмах и общественных местах;

---

[403] Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 97.
[404] Устав Никольского церковно-приходского братства трезвости при Никольской железнодорожной церкви. Уфа: типография «Сеятель», 1912. С. 5.
[405] Там же. С. 3.
[406] Там же. С. 5, 8–9.

4) организация в школах, частных домах и общественных организациях проповедей, лекций и чтений об опасности пьянства с демонстрацией тематических картин и плакатов;

5) издавать и распространять на средства братства брошюры, листовки и книги антиалкогольного и религиозно-нравственного содержания;

6) открытие собственных библиотек, чайных, читальных комнат и народных домов для обеспечения досуга населения вне питейных заведений;

7) открытие специальных школ для детей трезвенников, вечерних и воскресных курсов для взрослых, аптек и амбулаторий для помощи страдающим алкогольной зависимостью;

8) ходатайствовать о закрытии винных лавок в районах проживания членов братства[407].

В Уфимском уезде также выделялись комитет по устройству народных чтений в г. Уфе, комитет по управлению Уфимской городской библиотекой, церковно-приходские общества трезвости при с. Загорском, Рязановке и Новотроицком, которым выдавалось по 100 руб на содержание читален из средств губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости. Отделению епархиального училищного совета выдано 300 руб на постройку церковно-приходской школы в 1904 г.[408].

Кроме того, Уфимское попечительство о народной трезвости оказывало поддержку организациям и обществам, стремившимся оградить население от пагубного влияния спиртного. Губернскому музею выделялось из средств попечительства о народной трезвости по 300 руб ежегодно. Деньги расходовались на организацию выставок и тематических лекций. Мероприятия пользовались популярностью у местных жителей. Например, в 1902 г. музей посетило 6238 чел[409].

---

[407] Устав Никольского церковно-приходского братства трезвости при Никольской железнодорожной церкви… С. 6–7.
[408] Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1904 год… С. 96–97.
[409] НА РБ. Ф. И-130. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–3.

Следует отметить, что Уфимский губернский музей, основанный в 1864 г., стал первым в городе учреждением, целенаправленно собиравшим и систематизировавшим знания о природе, истории и быте населения Уфимской губернии. Его деятельность заложила основу для создания Национального музея Республики Башкортостан.

Инициаторами создания музея выступили члены Уфимского губернского статистического комитета: Н. А. Гурвич (в последствии активный член Уфимского попечительства о народной трезвости), К. А. Бух и А. Б. Иваницкий при поддержке губернатора Г. С. Аксакова. 23 апреля 1864 г. на общем собрании комитета Н. А. Гурвич выступил с докладом о необходимости музея, который должен был стать постоянной выставкой природных богатств, продукции промышленности, сельского хозяйства и предметов народного быта[410].

Музей задумывался как «живое» учреждение, где специалисты (минералоги, этнографы и историки) могли бы находить материалы для исследований. Руководство и сотрудники активно участвовали в многочисленных выставках. Например, в 1865 г. учреждение получило диплом на Русской этнографической выставке в г. Москве, в 1867 г. представило свои экспонаты на Всемирной парижской выставке. В последующие годы Уфимский губернский музей неоднократно удостаивался наград: серебряная медаль за этнографическую работу на Сибирско-Уральской выставке (1887 г.), бронзовая медаль на сельскохозяйственной выставке в г. Чикаго (1893 г.), похвальная грамота от императорской семьи за нумизматическую коллекцию на выставке в г. Казани (1910 г.)[411].

В 1884 г. музей получил самостоятельный юридический статус, был утвержден его устав. В 1880-х гг. при музее были организованы библиотека и

---

[410] Сулейманова М. Н., Нигматуллина З. Ф. История комплектования фондов Национального музея Республики Башкортостан: предметы из дерева // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11 (55). С. 118–122.

[411] Нургалиев А. Р. Организация музейного дела в Уфимской губернии (1865–1917 гг.) // Мир востока и мир запада / Сборник научных статей студентов и аспирантов кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ) в рамках программы «Приоритет 2030». Уфа: УНПЦ «Издательство УГНТУ», 2024. С. 142–144.

бесплатная читальня. К концу XIX в. учреждение стало называться краеведческим. Уфимский губернский музей являлся важной социальной организацией, принимавшей участие в антиалкогольной деятельности при поддержке попечительства о народной трезвости и обеспечивавшей досуг населения и его культурное развитие.

Таким образом, Уфимское попечительство о народной трезвости стремилось расширить свою деятельность путем выделения финансовых средств общественным организациям, проводившим антиалкогольную политику, построенную на культурно-просветительной работе с населением. Уездные комитеты выполняли функции связующего звена и центрального органа управления и координации между разными общественными учреждениями, местной администрацией и обычными гражданами для продвижения идей трезвости во всех уголках губернии.

Губернское акцизное управление активно пресекало нарушения действовавшего законодательства в рамках антиалкогольной политики. По указанию управляющего акцизными сборами Уфимской губернии М. А. Куна с 1900 г. проводить проверки трактирных и пивных лавок следовало не менее 3 раз в неделю в гг. Уфе и Златоусте во избежание участившихся случаев продажи спиртного несовершеннолетним [412] . За нарушение пунктов «Положения о казенной продажи питей» питейное заведение закрывалось, а его владелец подлежал лишению лицензии на право торговли пивом, вином и водочными изделиями[413].

Также проводилась политика ограничения торговли спиртными напитками. Часть населения, неравнодушная к проблеме распространения алкогольной зависимости, активно выступала за сокращение числа казенных и частных винных лавок. В 1898 г. согласно циркуляру Министерства финансов Российской империи сельским обществам предоставлялось право выносить приговоры трезвости о закрытии винных лавок, которые рассматривались и утверждались

[412] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 149. Л. 45.
[413] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 162. Л. 38.

губернатором Н. М. Богдановичем и управляющим акцизными сборами М. А. Куном[414]. Следует отметить, что местное население поддерживало данную инициативу. Доктор медицины И. И. Рождественский, автор научных трудов по исследованию проблемы распространения алкогольной зависимости в Уфимской губернии, приводил переписку с одним из жителей: «…Слава Богу, у нас винную лавку закрыли около 20 марта 1913 года и пьяных в будни стало заметно меньше»[415].

В дополнение к вышеизложенным мерам, в 1903 г. отпускать спирт, вино и водочные изделия нижним воинским чинам разрешалось исключительно по запискам ротных командиров с приложением казенной печати[416]. Данное постановление действовало в казенных винных лавках Уфимской губернии. Позже аналогичное правило распространилось и на частные питейные заведения. Согласно особому распоряжению №1448 от 10 февраля 1907 г. продажа алкоголя должна была начинаться в 7 часов утра и заканчиваться не позднее 18 часов вечера[417].

Также в интересах народного здравия учреждались губернские акцизные лаборатории, которые следили за качеством выкуриваемого спирта и воды, применяемых при производстве алкоголя, для исключения попадания вредных и опасных для здоровья примесей[418].

К 1910 г. «алкогольная преступность» в империи составляла порядка 61%, а значительная часть психиатрических лечебниц, включая уфимскую, была заполнена алкоголиками. При этом профильных учреждений в Российской империи почти не было. К 1911 г. в России насчитывалось лишь 8 приютов для лечения и реабилитации алкоголиков: два в г. Ярославле и по одному в гг. Туле, Вильно, Казани, Уфе, Москве и Санкт-Петербурге.

---

[414] Отчет Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1898 год. СПб: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного дела в России «Е. Евдокимов», 1899. С. 179–180.
[415] Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне… С. 8.
[416] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 291. Л. 9.
[417] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 187. Л. 12.
[418] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 156. Л. 82.

На фоне этого открытие в г. Уфе 30 августа 1910 г. приюта-лечебницы с амбулаторным отделением, оборудованного под контролем почетного члена губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости, генерал-майора П. П. Малинина, выглядит событием не только местного масштаба. Таким образом, «Губернский комитет, с открытием сего Приюта, положил начало воздействию на самый корень того зла, на борьбу с которым Попечительство собственно и призвано»[419].

Вопрос об открытии профильного медицинского учреждения для лечения страдавших алкогольной зависимостью обсуждался губернским комитетом Уфимского попечительства о народной трезвости 23 февраля 1910 г.[420]. Для принятия объективного решения были собраны необходимые статистические сведения о количестве пациентов, поступавших в земскую психиатрическую больницу с тяжелыми формами опьянения за последние несколько лет. Согласно данным около 26% лиц, поступавших в Уфимскую психиатрическую больницу, страдали исключительно алкогольной зависимостью[421]. В ходе изучения полученной информации члены губернского комитета признали несомненную потребность в подобном учреждении в г. Уфе и постановили перестроить народную аудиторию в Северной слободе под нужды приюта-лечебницы для алкоголиков.

Финансирование на содержание пациентов и выплату заработной платы персоналу осуществлялось на паритетных началах 3 организациями: губернским комитетом Уфимского попечительства о народной трезвости, городским управлением и губернским земством[422]. При этом расходы на ремонт и переоборудование здания полностью возлагались на попечительство о народной трезвости. Такая схема распределения финансовых обязательств позволяла

---

[419] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 3.
[420] Котельников А.Д. Деятельность приюта-лечебницы для алкоголиков в Уфимской губернии 1910–1914 гг… С.166–167.
[421] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 30.
[422] Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.)… С. 97–98.

обеспечить устойчивое функционирование учреждения при четком разграничении зон ответственности между участниками.

Уфимский приют-лечебница для алкоголиков имел собственный устав, утвержденный на основании статьи №6 пункта 3 Высочайше утвержденного «Устава Попечительств о народной трезвости» от 20 декабря 1894 г. Согласно данному пункту губернский комитет Уфимского попечительства о народной трезвости наделялся правом организовывать и финансировать деятельность заведений, оказывавших помощь больным алкоголизмом[423].

Согласно пункту № 1 «Устава Приюта алкоголиков в гор. Уфе» заведовал лечебным учреждением врач-психиатр. В 1910 г. данный пост занял И. И. Рождественский, до этого работавший ординатором в земской психиатрической больнице[424].

Данная кандидатура была выдвинута на пост заведующего приютом-лечебницей не случайно. Иван Иванович Рождественский, доктор медицины, являлся автором нескольких серьезных научных трудов по проблеме развития алкогольной зависимости в Уфимской губернии. Наиболее ценными и содержательными работами стали: «Правда об алкоголе», «По вопросу о борьбе с алкоголизмом» и «К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне»[425]. В своих работах И. И. Рождественский рассматривал пьянство в Уфимской губернии как социокультурный феномен, не ограничиваясь одним медицинским обоснованием развития этого недуга.

Кроме того, по его инициативе в 1911 г. было организовано на территории края первое анкетирование и опрос жителей губернии об их отношении к алкогольному вопросу в регионе. И. И. Рождественский уделял огромное внимание социальным, культурным и экономическим предпосылкам развития народного пьянства. Занимая должность заведующего приютом-лечебницей,

---

[423] ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т.XIV (1894). № 11152… С. 682–683.
[424] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 9.
[425] Рождественский И. И. Правда об алкоголе. Уфа: Электрическая губернская типография, 1911; Его же. По вопросу о борьбе с алкоголизмом. Уфа: электрическая типография товарищества «Печать»; Его же. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1911.

внимательно изучал и систематизировал личные дела пациентов, стараясь выявить категории людей в наибольшей степени подверженных развитию алкогольной зависимости. Научные труды доктора медицины И. И. Рождественского представляют большую историческую ценность.

Кроме должности заведующего существовал специальный совет, осуществлявший непосредственный контроль за деятельностью медицинского учреждения. Председателем выступал управляющий акцизными сборами Уфимской губернии Ю. И. Модейский и уполномоченный представитель губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости генерал-майор П. П. Малинин. Помимо этого, в состав совета входили врачебный инспектор и его помощник, врачи приюта-лечебницы А. П. Афонский и Я. Ф. Агафонов, старший врач психиатрической больницы Е. К. Иогансон, по одному депутату от городского управления и губернского земства[426].

Таким образом, финансирование деятельности Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков велось совместными стараниями попечительства о народной трезвости и органами государственной власти. Учреждение имело четкую структуру, закрепленную в специальном уставе, и стало первой профильной медицинской организацией в губернии, занимавшейся лечением алкогольной зависимости.

Приют-лечебница для алкоголиков представлял одноэтажное и деревянное здание, располагавшееся на пересечении Оренбургской и Самарской улиц. Помещение для больных мужчин состояло из 3 палат: большой (общей) – на 20 кроватей, малой (изоляционной) – на 5 кроватей и для платных пациентов – на 2-3 кровати. Женское отделение составляли 2 комнаты: большая – на 3 кровати и изоляционная – на 2 кровати[427]. Приют-лечебница для алкоголиков был оборудован по типу приемных корпусов психиатрических больниц. Также имелось помещение для приема больных, кухня, прачечная и комната для персонала (Приложение 13).

---

[426] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 9–10, 12.
[427] Там же. С. 4.

В учреждении устанавливался строгий порядок и дисциплина. Организовывались круглосуточные дежурства для постоянного наблюдения за больными. При лечении и вытрезвлении применялась преимущественно гидротерапия – гигиенические и лечебные ванны в разных диапазонах температур [428]. С 1912 г. функционировал электро-терапевтический кабинет, благодаря которому стало возможным применять «франклинизацию, гальванизацию, фарадизацию, гальвано-фарадизацию, вибрационный массаж и свето-лечение» [429]. Также практиковался гипноз как средство воздействия на подсознание для снятия психологического дискомфорта.

Параллельно с лечением, сотрудники приюта-лечебницы преследовали просветительные цели. Устраивались религиозно-нравственные беседы и чтения о вреде алкоголизма с волшебными фонарями. На регулярной основе проходили церковные богослужения с приглашенным священником. Для организации досуга и развлечения пациентов в больнице был создан комплекс культурно-развлекательных ресурсов, включавший библиотеку с фондом из 800 произведений различных жанров, подборку периодических изданий (газеты и журналы), волшебный фонарь с набором картин просветительского содержания, посвященных опасности пьянства, граммофон с коллекцией пластинок и настольные игры (шахматы и шашки). Такой набор средств позволял разнообразить досуг больных, сочетать отдых с просветительской работой и способствовать их социальной адаптации.

Для удовлетворения религиозных потребностей пациентов в учреждение приглашался местный церковно-приходской священник из церкви Святого Симеона. Он совершал вечерние богослужения в праздничные дни, которые проходили в большой мужской палате перед иконой Святого великомученика-целителя Пантелеймона. Больные активно участвовали

---

[428] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 19.
[429] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год. Уфа: Губернская типография, 1915. С. 22.

в религиозной жизни и охотно жертвовали средства на церковные свечи и масло[430].

Пациентам, владевшим определенными ремеслами, предоставлялись возможности для трудовой терапии: портные выполняли заказы для магазинов и частных лиц, чертежники составляли таблицы по профилактике пьянства, писцы вели отчетность приюта-лечебницы. Также функционировали специализированные подразделения: прачечная и мастерская для портных. Такая организация труда способствовала социальной адаптации пациентов и их реабилитации через продуктивную деятельность.

В общей сложности в 1910–1911 г. на создание и содержание приюта было затрачено 9506 руб 28 коп (Приложение 14). Большинство больных проходили лечение бесплатно, но желавшие могли получать усиленное питание за 30-50 коп. Прием велся круглосуточно[431].

На амбулаторный прием, согласно статистике, в среднем приходило по 8 чел в день. За 1914 г. за помощью обратилось около 3000 чел, что довольно существенно и подтверждает востребованность подобного учреждения в Уфимской губернии. Больных, проходивших лечение в течение определенного периода (от 1 дня до 1–2 мес), было не менее 1000 чел[432].

Подавляющее число пациентов, поступавших с опьянением различной степени тяжести, было православным (92%). Более 70% из них – крестьяне и порядка 20% – мещане[433].

При поступлении в медицинское учреждение пациенты получали все необходимые принадлежности, постельное и нательное белье. Собственные вещи больные упаковывали в специальные мешочки с присвоением индивидуального номера. Ценные вещи, украшения, документы и деньги вносились в ведомость и хранились у заведующего[434].

---

[430] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 6.
[431] Там же. С. 4–7.
[432] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год… С. 23.
[433] Там же. С. 23.
[434] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год… С. 6.

Уфимский приют-лечебница для алкоголиков активно взаимодействовал с другими общественными учреждениями, участвовавшими в движении за народную трезвость на территории губернии. Например, в 1912 г. началось сотрудничество с «Отделом трудового союза христиан-трезвенников». Представители данной общественной организации проводили беседы с пациентами приюта-лечебницы и пропагандировали антиалкогольные идеи. Некоторым больным поддержка оказывалась и после прохождения курса реабилитации и выписки из приюта-лечебницы для алкоголиков.

Для финансовой и духовно-нравственной поддержки участников обозначенного выше общества согласно постановлению №1037 Уфимского губернского по делам об обществах присутствия от 19 декабря 1913 г. утвержден Устав «Общества взаимопомощи членов Уфимского отдела всероссийского трудового союза христиан-трезвенников», состоявшего под покровительством Его императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича Романова[435].

Учредителями данного общества взаимопомощи выступили следующие представители:

1) титулярный советник И. П. Тюнин;

2) крестьянин Г. Т. Крычев;

3) губернский секретарь Н. Н. Жданов;

4) священник Свято-Духовской церкви И. А. Алфеев;

5) крестьянин П. Е. Кочев;

6) крестьянин П. П. Мельников;

7) крестьянин Я. Н. Березенцев;

8) доктор медицины И. И. Рождественский;

9) мещанин Н. Г. Малков;

10) мещанин Т. Н. Бурков;

---

[435] Устав «Общества взаимопомощи членов Уфимского отдела всероссийского трудового союза христиан-трезвенников». Уфа: Губернская электрическая типография, 1913. С. 1.

11) коллежский секретарь Н. Н. Макаров[436].

Анализируя данный список можно сделать вывод, что в состав общества взаимопомощи входил широкий круг представителей разных сословий и социальных групп. Четко прослеживается тесное сотрудничество разных ведомств и учреждений в борьбе с пьянством.

Кроме того, при тесном сотрудничестве с «Отделом христиан-трезвенников» в 1914 г. был построен работный дом с приютом-школой для детей, чьи родители страдали тяжелой формой алкогольной зависимости[437]. Здесь беспризорные дети, многие из которых были подвержены развитию ряда хронических заболеваний, получали жилье, питание, лечение и образование. Сотрудники преследовали цель помочь таким детям получить профессию и адаптироваться в обществе. В школе преподавались уроки трезвости, на которых педагоги рассказывали об опасности потребления спиртных напитков[438].

Участок земли для постройки работного дома, расположенный рядом с приютом-лечебницей по адресу ул. Самарская, д. 37, был передан губернскому комитету Уфимского попечительства о народной трезвости в безвозмездное пользование Уфимской городской управой по инициативе члена городской управы Е. А. Александрова[439].

Таким образом, организация на территории Уфимской губернии первого приюта-лечебницы для алкоголиков стала закономерным шагом продолжения развития трезвеннической борьбы. Данное медицинское учреждение активно сотрудничало с другими общественными организациями, преследовавшими цель искоренения народного пьянства.

Работа Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков была высоко оценена иностранными специалистами и отмечена золотой медалью на Туринской

---

[436] Устав «Общества взаимопомощи членов Уфимского отдела всероссийского трудового союза христиан-трезвенников»… С. 14–15.
[437] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год… С. 4.
[438] Там же. С. 13.
[439] НА РБ. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 31. Л. 1, 4.

выставке в 1913 г.[440]. Сотрудники медицинского учреждения преследовали цель не только вылечить пациентов путем применения препаратов и специальных процедур, но и подтолкнуть их к саморазвитию, поиску работы и последующей социализации в обществе.

Таким образом, кроме Уфимского попечительства о народной трезвости на территории региона с пьянством боролись другие государственные и общественные учреждения. Следует отметить вклад приюта-лечебницы для алкоголиков как первого профильного медицинского учреждения в губернии, занимавшегося не только лечением, но и попытками помочь больным алкоголизмом вновь стать полноценными членами общества. Кроме того, огромную роль в антиалкогольной политике играли общества и союзы трезвости, кружки народных чтений, добровольные решения крестьян прекратить продажу спиртных напитков в деревнях и селах, что говорит тесном взаимодействии представителей власти и общества в решении острой социальной проблемы.

[440] Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год… С. 12.

Глава III. Антиалкогольная кампания в годы Первой мировой войны

3.1 Государственная политика в борьбе за трезвый образ жизни в 1914–1917 гг.

Казенная продажа питей, действовавшая в Российской империи в 1895–1914 гг., неоднократно подвергалась критике современниками. Виной тому непоследовательная политика, проводимая Министерством финансов. Учреждая в районах винной монополии попечительства о народной трезвости для борьбы с пьянством, материальным и нравственным обеднением народа, одновременно с этим правительство постепенно и планомерно увеличивало прибыль на рынке алкогольной продукции. Повышались цены на спиртные напитки для пополнения государственного бюджета[441]. При этом финансирование деятельности губернских и уездных комитетов Уфимского попечительства о народной трезвости велось из доходов, вырученных от казенной продажи питей.

Несогласованность экономической и социальной политики, проводимой правительством, ограничивало эффект от культурно-просветительной и воспитательной работы попечительств о народной трезвости[442]. Инициатор питейной реформы С. Ю. Витте неоднократно подчеркивал, что «реформа должна преследовать, прежде всего, народное отрезвление, а затем уже интересы фиска»[443]. Однако винной монополии было суждено стать одним из ключевых источников дохода Российской империи.

В 1899 г., спустя только 4 г. после начала реализации питейной реформы, фактические денежные поступления в государственную казну из монопольных районов существенно превысили плановые показатели. В ответ на это министр финансов Российской империи С. Ю. Витте писал управляющим акцизными

---

[441] Бессолицын А. А. Винная монополия в оценках современников С. Ю. Витте // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 3. С. 247–259.
[442] Кантимирова Р. И., Павлова О. С. Культурно-просветительная и досуговая деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости в конце XIX – начале XX века // Современная научная мысль. 2022. № 6. С. 42–47.
[443] Бородин Д. Н. Итоги винной монополии и задачи будущего… С. 3.

сборами: «Очень благодарен за эти результаты Владимиру Николаевичу, Сергею Владимировичу и всему акцизному ведомству»[444].

В 1902 г. доход от казенной продажи питей был равен 484 млн руб, в 1904 г. – 543 млн руб, а в 1906 г. – 697 млн руб[445]. Неудивительно, что в обществе было немало противников реформы.

В период существования казенной продажи питей многие высказывали идеи сокращения или даже полного запрета производства и продажи алкогольной продукции во всех губерниях и областях Российской империи. Передовая часть общества понимала, что государственная монополия на спиртное не только не принесла внушительных результатов в деле отрезвления населения, а местами даже усугубила и подстегнула народное пьянство. Например, октябрист Н. В. Савич отмечал: «Стало ходячим мнением утверждение, что казенная продажа вина есть безобразное явление, эксплуатация правительством народного порока, сознательное разорение широких масс ради возможности набить казенный сундук для содержания административного аппарата и непроизводительных расходов на армию и флот»[446].

Император Николай II, опираясь на общественное мнение и многочисленные циркуляры губернской и областной администрации, также придерживался позиции о необходимости поиска альтернативных источников государственных доходов. После того как в 1914 г. П. Л. Барк сменил В. Н. Коковцова на посту министра финансов Российской империи, император направил на его имя высочайший рескрипт с требованием планировать бюджет так, чтобы уменьшить потребление спиртных напитков населением.

Отстранение В. Н. Коковцова с занимаемой должности, главным образом, диктовалось его несогласием с идеей сократить производство и продажу спиртных напитков. По этому поводу А. Ф. Редигер, военный и государственный деятель, писал в своих мемуарах: «В Государственном совете в начале 1914 г.

---

[444] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 156. Л. 96.
[445] Глебов А.В. Борьба с пьянством… С. 3.
[446] Савич Н. В. Воспоминания. СПб.: Дюссельдорф: Logos, Голубой всадник, 1993. С. 134.

подробно обсуждался вопрос, поднятый по инициативе Совета, об ограничении у нас пьянства, вопрос крайне неприятный для Коковцова, так как представляемые им благоприятные бюджеты имели своим основанием усиленное потребление у нас водки»[447].

В 1914 г. император Николай II писал министру финансов Российской империи П. Л. Барку: «…с глубокой скорбью мне приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств, неизбежных последствий нетрезвой жизни… Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных» [448] . Требовалось коренное изменение экономической политики – избавление от «пьяного бюджета».

В апреле 1914 г. П. Л. Барк, планируя государственный бюджет, выдвинул две категории мероприятий, которые, по его мнению, способны победить народное пьянство:

1) уменьшение числа мест продажи спиртных напитков;

2) поднятие материального и интеллектуального уровня населения.

Вместе с тем новый министр финансов Российской империи отмечал, что для достижения второго пункта потребуется долгий и многолетний труд. Однако рассчитывать на быстрое уменьшение доходов с винной монополии в ближайшие годы не стоит, так как алкоголь – часть быта и повседневной жизни русского человека. П. Л. Барк рассматривал рост подоходных налогов как альтернативу алкогольному рынку. Но для этого требовалось повышать благосостояние населения Российской империи. Император Николай II считал, что только «сухой закон» способен отрезвить народ и победить пьянство. Государь твердо стоял на идее полностью уничтожить винную монополию. На заседаниях Совета министров Российской империи П. Л. Барк не скрывал того факта, что быстро найти замену налоговым поступлениям с алкогольного рынка не получится.

---

[447] Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1999. С. 363.
[448] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

Правительство неизбежно столкнется с дефицитом государственного бюджета, который будет исчисляться сотнями миллионов рублей. Особо остро данный вопрос может обостриться в случае вступления империи в военный конфликт. Но уничтожение винной монополии и введение «сухого закона» в послевоенное время, по утверждению П. Л. Барка, способно еще больше подорвать финансовые основы государства, так как восстановление экономики потребует значительных ресурсов и средств[449].

Подготовка к реализации новой социально-экономической реформы («сухой закон») началась еще до официального вступления Российской империи в Первую мировую войну. В первую очередь, ограничения на законодательном уровне коснулись регулярных воинских частей. Например, 22 мая 1914 г. приказом по военному ведомству №309 были утверждены «Меры против потребления спиртных напитков в армии» [450] . В преамбуле говорилось, что император Николай II повелел принять эти меры, чтобы оградить армию от вредных последствий алкоголя и сохранить силу, здоровье и твердость духа – все то, что необходимо для боевой готовности.

Законодательный акт можно сгруппировать по следующим положениям:

1) начальствующие лица всех уровней обязаны были принимать меры к сокращению потребления спиртного во вверенных им частях. Действовать нужно было личным примером, нравственным влиянием, служебными правами и всеми доступными средствами;

2) появление офицера в нетрезвом виде (особенно перед нижними чинами) считалось тяжким проступком. За это могли применить меры от нравственного воздействия до дисциплинарных взысканий, суда чести или увольнения со службы в дисциплинарном порядке. В аттестацию каждого офицера обязательно вносили указание об его отношении к употреблению спиртного. Если замечали дурное влияние на младших, это тоже фиксировали.

---

[449] Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. С. 50–51.

[450] Кудейкин В. Ю., Савинкин А. Е. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). М.: Военный университет, 1996.

Офицеру, ведущему нетрезвый образ жизни, делали в аттестационном порядке предупреждение о неполном служебном соответствии. В аттестациях начальствующих лиц всех степеней также отмечали, как в части обстоят дела с сокращением потребления алкоголя;

3) употребление спиртного запрещалось при исполнении нарядов и служебных обязанностей (на дежурствах, в караулах, на учениях, стрельбах, смотрах, маневрах, при выступлении в поход и в других случаях), когда офицеры находились в присутствии нижних чинов;

4) на офицерских собраниях запрещались увеселительные мероприятия. Для этого устанавливались строгие правила. Спиртное подавалось только во время завтрака, обеда и ужина в часы, которые точно установил командир части. Не устраивались открытые буфеты с выставкой вин и закусок. Во всех случаях продавалось спиртное только за наличные и не отпускалось на дом. Во время общих торжественных мероприятий допускались полковые музыканты, из нижних чинов только с разрешения начальника части и на строго определенное время. При этом обществам офицеров давали право самим принять решение о полном закрытии продажи спиртного на собраниях. Такое решение считалось законным при большинстве в две трети голосов, о чем нужно было доложить командиру корпуса;

5) экономическим обществам не дозволялось отпускать спиртное в кредит. Отделениям таких обществ, которые отправляли в действующую армию, торговлю спиртным категорически запрещали. В полковых офицерских экономических обществах продажа алкоголя также не допускалась;

6) командирам частей предписывали при участии полковых священников содействовать организации полковых обществ трезвости. Особое внимание уделяли привлечению молодых офицеров, только что выпущенных из военно-учебных заведений. Полковым врачам вменялось в обязанность не менее двух раз в год делать сообщения в присутствии всех офицеров о губительном влиянии алкоголя на организм. Священникам тоже разрешалось проводить такие беседы. Чтобы отвлечь людей от спиртного, начальствующим

лицам рекомендовали соответствующим образом организовывать офицерские собрания. Лучше укомплектовывались библиотеки и читальни, устраивались фехтовально-гимнастические залы, тиры, спортивные игры и состязания. Начальникам дивизий в годовых отчетах предписывали отмечать, что сделано за год в каждой части для уменьшения потребления спиртных напитков и для улучшения быта офицеров и нижних чинов в этом смысле;

7) запрещалось потреблять спиртное всем нижним чинам во время действительной военной службы, а также запасным и ратникам ополчения во время учебных сборов. Кроме того, не разрешалось посылать нижних чинов в трактиры, винные лавки и погреба за покупкой спиртного. Для тех, кого уже наказали за употребление алкоголя (дисциплинарное взыскание), вводились дополнительные ограничения. Например, запрет на производство в унтер-офицеры и ефрейторы, повышение в званиях и назначение учителями молодых солдат. При увольнении в запас таким нижним чинам запрещалось выдавать похвальные свидетельства за службу[451].

Также управляющим акцизными сборами в губерниях и областях Российской империи был разослан указ удовлетворять все ходатайства местных жителей о закрытии винных лавок. Распоряжение подлежало незамедлительному исполнению, даже если срок договора с продавцами не истек.

Однако именно Первая мировая война стала главным катализатором проведения новой реформы. Ограничение продажи спиртных напитков в дни мобилизации и военных действий было продиктовано горьким опытом русско-японской войны 1904–1905 гг. и множества учебных сборов[452]. Так, во время учебных сборов в 1899 г. было обращено внимание, что «запасные нижние чины по сборе их к волостным правлениям для посадки на подводы и

[451] Кудейкин В. Ю., Савинкин А. Е. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права)… С. 165–167.
[452] Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. Екатеринбург: ООО ИРА «УТК», 2008. С. 7.

отправление по назначению, предавались пьянству с сопровождавшим их народом, производили шум и беспорядок»[453].

Солдатское пьянство во всех его проявлениях несомненно разлагало армию и снижало боеспособность. Недаром японцы, на поздравления о своей победе спешили отвечать: «Мы отказываемся от той чести, так как победы над вашей армией одержал царствующий в России кабак!»[454].

Поэтому ограничение продажи крепких спиртных напитков по случаю мобилизации 18 июля 1914 г. не было неожиданностью для большинства представителей российского общества. Местным органам власти указ от 18 июля 1914 г. давал право воспрещать продажу спиртного в период военной мобилизации по своему усмотрению, исходя из обстоятельств и конкретной ситуации в регионе.

Правительство вводило «сухой закон» постепенно, опасаясь последствий от поспешных действий. Эта осторожность была продиктована не только социально-экономическими соображениями, но и пониманием того, насколько глубоко употребление алкоголя было встроено в повседневную жизнь и систему налогообложения. Акцизы на спиртное традиционно составляли весомую часть доходов казны[455].

На заседании 1 августа 1914 г. Совет министров Российской империи пришел к заключению о необходимости продлить срок существовавшего запрета на продажу крепких напитков на вынос, а также действовавших ограничительных постановлений в отношении распивочной торговли. По крайней мере до 15 августа 1914 г. Решение принималось в напряженной обстановке. Буквально накануне Россия вступила в Первую мировую войну, и в правительстве

---

[453] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 156. Л. 9.

[454] Кононович Ю. Н. Пьянство и интеллигенция. М.: Русская печатня С. К. Попова, 1914. С. 3.

[455] Позняк Т. З. «Сухой закон», региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и революции 1917 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 61–71.

стремились минимизировать риски социальной нестабильности в прифронтовых и тыловых губерниях[456].

Также на заседании 1 августа 1914 г. Совет министров Российской империи одобрил предложение министра внутренних дел Н. А. Маклакова об издании следующего обязательного постановления:

1) воспрещалось распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах в черте усадебной оседлости селений, а также в помещениях крестьянского общественного управления;

2) запрещалось появление в общественных местах в черте усадебной оседлости селений и на проездных дорогах в состоянии опьянения;

3) воспрещалось хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц;

4) владельцам домов в черте усадебной оседлости селений вменялось в обязанность не допускать в принадлежавших им помещениях неразрешенной продажи крепких напитков и немедленно извещать полицию или сельские общественные власти о фактах такой продажи;

5) чайные, столовые, закусочные и иные заведения трактирного промысла, не имевшие права на продажу крепких напитков, не должны были иметь внутреннего сообщения с помещениями, где такая продажа могла осуществляться[457].

Эти меры должны были не только снизить уровень уличной преступности и нарушений порядка, но и продемонстрировать населению решимость власти поддерживать дисциплину в военное время. Контроль за исполнением возлагался на местную полицию и волостные органы управления, которым предписывалось оперативно реагировать на случаи нарушения новых правил[458].

---

[456] Букалова С. В. Государственная политика трезвости в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 18–25.

[457] Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918… С. 94.

[458] Баринова Е. П. Антиалкогольная политика правительства в оценках российских предпринимателей в 1914–1916 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2-2 (93). С. 94–100.

Однако уже 16 августа 1914 г. Советом министров Российской империи было принято решение повсеместно ограничить продажу крепких спиртных напитков. При этом оставался нерешенным вопрос о торговле слабоалкогольными напитками, в частности, пивом и портером. В этом вопросе позиции ключевых министров существенно расходились. Министр финансов П. Л. Барк, опираясь на отзывы местных властей и органов самоуправления, настаивал на продлении запрета продажи слабоалкогольных напитков на вынос до 1 октября 1914 г., считая возобновление свободной торговли нежелательным.

Противоположную позицию представил министр торговли и промышленности С. И. Тимашев. Он подчеркивал, что запрет, введенный с момента мобилизации, поставил пивоваренную отрасль в тяжелейшее положение. Заводы несли крупные убытки, и дальнейшее продление ограничений грозило массовым закрытием предприятий. Такое развитие событий могло повлечь серьезные экономические последствия. Сокращение спроса на продукцию сельского хозяйства, потерю рабочих мест и, как следствие, снижение доходов государственного бюджета, и без того ослабленного огромными военными расходами[459].

Поэтому С. И. Тимашев предлагал срочно найти способы поддержки пивоваренной промышленности, но при этом не допустить ослабления мер по сохранению народной трезвости. Так в правительственных обсуждениях проявилось характерное для военного времени противоречие. Стремление к общественному порядку сталкивалось с необходимостью поддерживать экономическую стабильность и занятость населения.

Совет министров Российской империи присоединился к заключению министра финансов П. Л. Барка о продлении запрета до 1 октября 1914 г. Основанием стало опасение, что разрешение свободной торговли пивом подорвало бы «благодетельные» последствия запрета на водку и хлебное вино. Российское пиво при сравнительно высокой крепости (до 9% алкоголя) и

[459] Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918… С. 100.

общедоступной цене могло бы получить чрезмерное распространение и фактически заменить запрещенные водочные изделия. Но правительство не могло проигнорировать положение пивоваров. Было признано желательным, чтобы до 1 октября 1914 г. были изысканы способы «ослабления вредных сторон потребления пива» прежде всего путем понижения его крепости примерно до 3–4%, а также выработки действенных мер контроля за выносной и распивочной торговлей. Для этих целей при Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей была образована комиссия из представителей всех заинтересованных ведомств[460].

Проблема не ограничивалась только пивом. Совет министров Российской империи обратил внимание на значительное разнообразие в местных правилах, которое подрывало единообразие антиалкогольной политики. Например, виноградное вино, разрешенное в г. Москве, было запрещено в г. Петрограде. Правила распивочной торговли в трактирах и буфетах при железнодорожных станциях различались даже в одних и тех же местностях. Сомнительной признавалась и целесообразность предоставления ресторанам 1-го разряда права торговли всеми без исключения крепкими напитками[461].

Для согласования этих противоречий Совет министров образовал при министерстве финансов Российской империи Особое межведомственное совещание из министров финансов, внутренних дел, путей сообщения, торговли и промышленности, а также государственного контролера и главноуправляющего землеустройством и земледелием. Постановлением от 2 сентября 1914 г. на это совещание было дополнительно возложено обсуждение вопроса о целесообразности установления предельной крепости виноградного вина и принятия мер фискального характера против излишней доступности более

[460] Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918… С. 100.
[461] Там же. С. 101.

крепких сортов, чтобы предотвратить их использование в качестве замены водки[462].

Таким образом, к началу сентября 1914 г. сложился многоуровневый механизм управления антиалкогольной политикой. Запретительные меры дополнялись попыткой реформировать отрасль через снижение крепости пива, а межведомственные органы должны были устранить законодательные противоречия и согласовать правила торговли крепкими напитками по всей империи[463]. Движение за народную трезвость, как и при винной монополии, сталкивалось с экономическими интересами и вовлекало представителей разных государственных структур в решение острой социальной проблемы. Правительство пыталось найти компромисс, который не обрушил бы промышленность и не ослабил дисциплину в военное время.

Межведомственное совещание выработало ряд рекомендаций, которые позволили бы стабилизировать ситуацию. Например, ограниченное возобновление торговли пивом и портером. С 1 ноября 1914 г. министру финансов Российской империи предоставлялось право разрешать продажу пива и портера на определяемых им условиях, но только в городах и в строго ограниченном числе заведений на вынос. В местностях на военном или осадном положениях продажа могла быть разрешена лишь с согласия военных властей.

Намеченное повышение акциза с пуда солода было приостановлено. Министру финансов П. Л. Барку поручили разработать способы повышенного обложения пива и портера акцизом в связи с ограничением предельной крепости обыкновенного пива 3 градусами. В качестве одного из возможных механизмов рассматривалось «обандероливание» – маркировка бутылок казенными

---

[462] Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918… С. 101.

[463] Щербинин П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2, том 1. С. 62–72; Ефимов А. А. «Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2019. № 1, том 9. С. 96–109.

бандеролями, позволявшая контролировать оборот. Предложения должны были быть внесены на утверждение Совета министров до 1 ноября 1914 г.

Поощрялись местные ходатайства о полном запрете. Впредь до окончания войны устанавливалось, что по требованию общественных учреждений торговля крепкими напитками полностью прекращается во всех без исключения местах продажи питей. Ходатайства сельских и волостных обществ, земских собраний и городских дум удовлетворялись распоряжениями губернаторов и городских начальников. Прошения прочих учреждений утверждались распоряжениями министра внутренних дел.

Дополнительно регламентировался отпуск спирта для технических нужд из казённых складов. Разрешалось отпускать спирт и вино для химических, технических, учебных, фармацевтических, косметических и подобных надобностей по разрешениям управляющих акцизными сборами. Те же надобности могли покрываться спиртными напитками из частных заведений по разрешениям местной полиции. При этом из аптек пригодные для питья алкогольные вещества отпускались лишь по рецептам врачей или удостоверениям врачебных управлений. Однако продажа денатурированного спирта и других содержавших алкоголь продуктов, не предназначенных для внутреннего употребления, сохранялась[464].

Таким образом, к осени 1914 г. российская антиалкогольная политика приобрела сложную многоуровневую структуру. Жесткие запреты на крепкие напитки дополнялись попыткой реформировать пивоваренную отрасль через снижение крепости и новый акциз. Местные сообщества получили право инициативы. Они могли ходатайствовать о полном прекращении торговли спиртным на своей территории. Технические и медицинские нужды обеспечивались контролируемым отпуском спирта из казенных и частных складов.

---

[464] Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918… С. 101–102.

Государство стремилось балансировать между тремя приоритетами: поддержанием дисциплины в военное время, сохранением промышленного потенциала и доходов бюджета. Как показали дальнейшие события попытка достичь этих целей имела противоречивые последствия.

В начале XX в. значительная часть общественности с воодушевлением восприняла реформы, направленные на продвижение идеи народной трезвости. В 1915 г. члены Государственной думы IV созыва направили официальное прошение председателю Совета министров Российской империи И. Л. Горемыкину. В документе содержалось предложение утвердить принцип абсолютной трезвости на постоянной основе в масштабах всего государства, а использование спиртосодержащих веществ ограничить исключительно медицинскими и промышленными нуждами. Данная инициатива отражала рост общественного запроса на ограничение потребления алкоголя и поддержку антиалкогольной политики правительства[465].

«Не полумеры нужны для этого, а одна решительная безповоротная мера: изъять алкоголь из свободного обращения в человеческом обществе» [466] – под таким лозунгом выступили 83 депутата Государственной Думы IV созыва 3 августа 1915 г. В пользу данной радикальной меры приводились следующие аргументы: снижение уровня преступности и хулиганства, рост производительности труда, уменьшение числа больных и лиц, страдавших душевными расстройствами, низкий процент самоубийств[467].

Таким образом, «сухой закон» в годы Первой мировой войны выступил важным мобилизационным фактором, направленным на пресечение возможных беспорядков при призыве новобранцев. Но первые шаги в попытке исключить зависимость государственного бюджета от доходов с винной монополии начали предприниматься еще до начала военных действий. Правительство в этом вопросе

---

[465] Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии)… С. 33; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 811. Л. 5.
[466] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 811. Л. 2.
[467] Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии)… С. 33.

опиралось на широкое общественное мнение и позицию местных органов власти, настаивавших на необходимости решения острой социальной проблемы.

Ограничения на производство и продажу спиртных напитков вводились постепенно из-за опасений правительства усугубить экономическую ситуацию в период военных действий. На первом этапе запрет коснулся крепких спиртных напитков. Серьезные разногласия возникли в сфере оборота слабоалкогольных напитков. Местным органам государственной власти предоставлялись широкие полномочия в вопросе борьбы с народным пьянством. Однако на практике даже в одной местности меры в движении за народную трезвость отличались.

3.2 Комплекс мероприятий антиалкогольной политики в Уфимской губернии

Для оценки влияния «сухого закона» на народную трезвость и реализацию принципа государственно-общественного партнерства, заложенного в эпоху становления и развития попечительства о народной трезвости, в Уфимской губернии необходимо рассматривать антиалкогольную политику 1914–1917 гг. по следующим направлениям:

1) размер и формы потребления спиртных напитков на внутреннем рынке после ограничения их продажи и производства;

2) действия органов исполнительной власти и полиции по искоренению народного пьянства и пресечению тайной торговли и производства алкоголя;

3) роль общественных организаций и частных лиц в борьбе за народную трезвость в рассматриваемый период.

Колоссальное и резкое снижение уровня предложения алкогольной продукции на отечественном рынке вовсе не означало полного сворачивания ее производства казенными и частными предприятиями. Спирт и его производные были необходимы для медицинских учреждений: земских больниц, клиник,

военных госпиталей, аптек, фармацевтических фабрик и заводов[468]. Кроме того, денатурированный спирт, не пригодный для употребления в исходном виде, активно использовался в качестве растворителя и топлива в спиртовых горелках и походных печах (Приложение 15). Что же касается виноградных вин, водочных изделий и коньяка, то как и прежде, данные продукты направлялись на экспорт за границу[469].

Приобретение спиртного допускалось в случаях, касавшихся конфессиональных вопросов. Например, по особому разрешению министра финансов Российской империи П. Л. Барка еврейским общинам позволялось приобретать казенное виноградное и изюмное вино для пасхальных обрядов в молельнях и синагогах[470].

Отпуск казенного спирта и вина для военных и медицинских нужд, по соглашению между Министерством финансов и военными ведомствами, производился исключительно по письменному представлению командиров и начальников гарнизонов на имя управляющего акцизными сборами Уфимской губернии Ю. И. Модейского[471].

Со снижением количества вина и крепких напитков на рынке значительно возросли продажи лекарственных средств, содержавших в своем составе спирт и эфир[472]. В 1915–1916 гг. был введен ряд постановлений о продаже лекарств, содержавших в своем составе спирт, в аптеках и их обороте в лечебных учреждениях Уфимской губернии. Отпуск препаратов дозволялся по рецептам с подписью и печатью врача, а приход и расход медицинских компонентов в земских больницах фиксировался в «особой шнурованной книге»[473].

Для удовлетворения бытовых нужд населения денатурированный спирт продавался казенными лавками по специальным талонным книжкам. В данном

---

[468] Позняк Т. З. «Сухой закон», региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г… С. 61–71.
[469] Букалова С. В. Государственная политика трезвости в годы Первой мировой война… С. 18–25.
[470] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 248. Л. 14.
[471] Там же. Л. 5, 8.
[472] Фельдшерский вестник, 1914. № 42.
[473] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 248. Л. 15.

документе прописывались имя и данные владельца, разрешенный объем, который может быть отпущен в одни руки. Продажа производилась только из лавки, к которой был прикреплен человек с фиксацией даты и времени[474].

Кроме того, усиливался контроль за казенными складами, заводами и фабриками, производившими спиртосодержащие продукты. Проводился аудит отчетов по бракованной продукции, подлежавшей списанию. При подозрении в хищении казенного спирта и вина велось расследование с докладом его итогов на имя управляющего акцизными сборами губернии[475].

Таким образом, произошло серьезное сокращение производства и продажи спиртных напитков на внутреннем рынке. На первый план вышли репрессивные и ограничительные меры, направленные на утверждение тотальной народной трезвости на территории Уфимской губернии.

Очевидно, что суровые меры неминуемо должны были привести к расцвету тайного винокурения, торговли контрафактным спиртным и способов обойти ограничения. В Высочайшем рескрипте императора Николая II, данном на имя управляющего Министерством финансов Российской империи П. Л. Барка в 1914 г., содержались распоряжения о необходимости усиления борьбы с корчемством: «С уменьшением разрешенных мест торговли питьями зло это, без сомнения, обнаружило склонность к усилению и возрождению нетрезвости на самых нездоровых и нежелательных основаниях. Надлежит направить все усилия к пресечению этого зла во всех возможных его проявлениях»[476].

Также отмечено, что только совместные усилия органов исполнительной власти, полиции и общества способны дать ощутимый результат в деле искоренения народного пьянства и нравственного разложения. Акцизному ведомству надлежало незамедлительно удовлетворять все ходатайства жителей о закрытии в районе их проживания винных лавок.

---

[474] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 248. Л. 17, 30, 31.
[475] Там же. Л. 21.
[476] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

В уездных городах и деревнях Уфимской губернии широкое распространение получили кустарные способы производства низкосортных алкогольных напитков, в том числе «кислушки» и «кумышки» – суррогатов водки. Кроме того, население употребляло разведенный с водой одеколон, квас с добавлением спирта (даже денатурированного) и домашнее пиво[477].

Особую популярность «кислушка» приобрела среди уфимских железнодорожных рабочих. Согласно данным корреспондентов газеты «Уфимский вестник» за 1915 г., среднестатистическая и не слишком зажиточная семья в период церковных праздников могла произвести от 10 до 15 ведер данного контрафактного напитка [478] . Это свидетельствует о масштабности кустарного производства алкоголя как реакции на ограничения в сфере легальной торговли спиртными напитками.

Например, в 1915 г. священник Уфимского уезда Андрей Логочевский в своем отчете упоминал, что в настоящее время наблюдается стремительный рост производства и торговли «кислушкой», которой напиваются до потери сознания не только мужчины, но и женщины и дети. Священник подчеркивал, что несмотря на государственные запреты пьянство процветает: «появились и шинки с продажей этой пьяной жидкости и, несмотря на дороговизну сахара, из котораго кислушка приготовляется, продается она везде в изобилии»[479].

Участились случаи воровства талонных книжек на денатурированный спирт, печатей и бланков врачебных рецептов на отпуск спиртосодержащих препаратов. Например, надзиратель 1 округа Уфимского акцизного управления А. С. Петров сообщал 15 марта 1916 г. продавцам казенных винных лавок об утере Н. П. Степановым-Зориным талонной книжки №992. При попытке использовать ее для получения денатурированного спирта нарушителя следовало

---

[477] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 232. Л. 18; Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2024. № 7. С. 32.

[478] Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии)… С. 32; Уфимский вестник, 1915. № 29.

[479] Уфимские епархиальные ведомости, 1916. № 4. С. 148.

задержать, и пригласить полицию для составления протокола и выяснения личности преступника[480].

В циркуляре №3924 от 18 февраля 1916 г. описан случай хищения у старшего врача Бугурусланской земской больницы В. Г. Соколова неизвестным лицом образца рецепта на лекарство, на основе которого изготовили множество фальшивых бланков, распространившихся на территории Оренбургской, Самарской и Уфимской губерний[481].

Некоторые врачи злоупотребляли служебным положением и за вознаграждение выписывали подложные рецепты. Например, в газете «Фельдшерский вестник» (Приложение 16) упоминается доктор (имя не сообщается), который только за половину 1915 г. выписал 188 фиктивных разрешений на получение спиртосодержащих препаратов. В одном из них он «требовал выдать Васе Петрову 3 бутылки коньяку и 5 бутылок наливки» для медицинских нужд[482].

Население активно приобретало самогонные аппараты. Контрафактный алкоголь производился как для домашнего потребления, так и для продажи. По деревням и селам ездили продавцы и предлагали в случае приобретения самогонного устройства бесплатно обучить искусству изготовления домашних горячительных напитков [483] . На ярмарках, базарах и торговых павильонах под видом безалкогольных прохладительных напитков предлагали пиво, квас с добавлением спирта, брагу, самодельное вино, «кислушку» и «кумышку» (низкосортные аналоги водочных изделий)[484].

Таким образом, ограничительные и репрессивные меры в рамках антиалкогольной кампании (1914–1917 гг.) на территории Уфимской губернии спровоцировали колоссальный всплеск тайного производства и продажи

[480] НА РБ. Ф.И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 117.
[481] НА РБ. Ф.И-131. Оп. 1. Л. 112.
[482] Фельдшерский вестник, 1915. № 14.
[483] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 243. Л. 59.
[484] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 17.

спиртных напитков. Население активно пыталось обойти действовавшие ограничения.

Органы исполнительной власти не могли не отреагировать на расцвет подпольного рынка алкогольной продукции. Со стороны полиции усиливался надзор за местами массового скопления публики: базарами, ярмарками, пристанями, торговыми лавками и вокзалами на предмет обнаружения точек реализации контрафактного спиртного и лиц в состоянии алкогольного опьянения.

При обнаружении правонарушений самодельные напитки изымались, нарушители общественного порядка доставлялись в местное отделение полиции для составления протокола [485] . Так, 21 августа 1916 г. в г. Мензелинске зафиксирован случай появления в казенной винной лавке владельца талонной книжки Е. А. Танашева в состоянии алкогольного опьянения, пытавшегося получить денатурированный спирт [486] . Виновный был привлечен к административной ответственности, а талонная книжка изъята.

«Полиция должна принять всякие меры к сокращению злоупотребления спиртными напитками в народе и неустанно и деятельно в законом указанных пределах помогать надлежит должностным лицам и учреждениям в их борьбе с пьянством» – писал уфимский губернатор П. П. Башилов полицмейстеру С. Н. Шамлевичу 6 марта 1914 г[487]. Наказание доходило до уголовного.

Для усиления контроля чиновники акцизного надзора Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей уполномочивались оказывать поддержку полицейским частям и городовым, брать пробы подозрительных напитков и направлять на экспертизу в губернскую акцизную лабораторию или «испытывать на понятых»[488].

Кроме того, контролеры Акцизного управления должны были посещать не менее 1 раза в месяц населенные пункты для выявления случаев корчемства и

[485] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 57.
[486] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 248. Л. 50.
[487] Там же. Л. 56.
[488] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 17.

тайного винокурения. Особая внимательность проявлялась во время церковных праздников, свадеб, похорон и святок[489]. Переносились казенные винные склады и лавки из неблагополучных районов и общественных мест[490].

Ужесточение антиалкогольной политики проходило постепенно. В сентябре 1914 г. произошло лишь ограничение продажи в праздничные и выходные дни и введен запрет на крепкие спиртные напитки. В будни торговля начиналась с 9 часов утра и заканчивалась в 18 часов вечера. Виновные в нарушении правопорядка подвергались штрафу до 3000 руб или аресту до 3 мес[491]. Виноградные вина крепостью более 16 градусов, портвейн, херес и мадера могли отпускаться потребителям только из аптек по рецепту врача[492].

Популярным и востребованным способом передвижения в Российской империи конца XIX – начала XX вв. являлся железнодорожный транспорт. Поэтому ограничительные меры коснулись и этой сферы. В 1914 г. по представлению министра путей сообщения Российской империи С. В. Рухлова был введен запрет на продажу крепких спиртных напитков в буфетах, не предусматривавших организацию горячего питания для пассажиров. В заведениях, расположенных вдоль железнодорожных путей, отпуск спиртосодержащих напитков регламентировался временными ограничениями. В будние дни он допускался с 10 часов утра, а в праздничные с 1 часа дня до полуночи[493]. Данная мера являлась частью более широкой политики регулирования потребления алкоголя в Российской империи начала XX в.

Однако эти меры не оказывали должного эффекта. В 1916 г. согласно постановлению уфимского губернатора П. П. Башилова вводился полный запрет на производство, перевозку, продажу, употребление и хранение любых видов опьяняющих напитков[494]. Конфискованное спиртное либо уничтожалось после

---

[489] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.
[490] Там же. Л. 58 об.
[491] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 149. Л. 26.
[492] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 106.
[493] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 139 об; Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии)… С. 32.
[494] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 226. Л. 17.

изъятия (брага, кислушка, кумышка, пиво), либо жертвовалось (спирт и вино) местным органам Российского общества Красного креста и иным благотворительным организациям для медицинских нужд[495].

Продолжалось развитие государственно-общественного партнерства, заложенного в эпоху становления и деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости. Параллельно зарождалось взаимодействие органов исполнительной власти в борьбе с распространением спиртных напитков. Ужесточение антиалкогольной политики потребовало участия различных ведомств, министерств и управлений в искоренении пьянства.

Уфимские губернские ведомства привлекали к преследованию корчемников становых приставов и земские канцелярии[496]. Судебные дела за тайную торговлю и производство спиртного рассматривались с особой тщательностью.

Министерство внутренних дел Российской империи 8 августа 1916 г. вводило запрет на отправление почтовыми бандеролями любых видов спиртных напитков без особого распоряжения акцизного управления, в котором указывался сорт и количество пересылаемого алкоголя [497] . Участковые надзиратели и помощники окружных надзирателей Уфимского акцизного управления проводили беседы с местными жителями для выяснения их отношения к мерам, реализуемым в рамках антиалкогольной кампании[498].

Большие надежды в рамках новой антиалкогольной кампании правительство возлагало на население Уфимской губернии, которое могло свободно заявлять о ставших им известных случаях торговли контрафактным спиртным. В циркуляре №9132 управляющий акцизными сборами Уфимской губернии Ю. И. Модейский 8 июня 1915 г. писал: «Самыми полезными сотрудниками в собирании указанных сведений могут быть помещики, владельцы различных промышленных предприятий, сельские священники, народные учителя, волостные старшины, должностные лица разных ведомств и служащие

[495] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 248. Л. 50.
[496] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 243. Л. 23.
[497] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 248. Л. 50.
[498] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 243. Л. 23.

в общественных учреждениях, имеющие частые отношения с народом»[499]. За информацию полагалось денежное вознаграждение. До внедрения «сухого закона» сбором информации о корчемниках занимались продавцы казенных винных лавок, которым гарантировалась строгая конфиденциальность и материальное стимулирование[500].

Подобная мера поощрения гражданской сознательности и активности давала определенные плоды. Например, контролер Уфимского акцизного управления Н. С. Петров расследовал дело Манапа и Назимы Галямовых (муж и жена) об изготовлении «кислушки» в д. Нижне-Болтачевой Павловской волости Бирского уезда. Заявление поступило от односельчанина Т. А. Байдусова 1 июля 1916 г.

Обвиняемые свою вину не отрицали и добровольно выдали самогонный аппарат. В показаниях семья подтвердила, что занималась изготовлением контрафакта и продавала его не только жителям родной деревни, но и приезжим. Самогонный аппарат был конфискован с привлечением семьи Галямовых к ответственности[501].

В том же году поступило заявление об изготовлении «кумышки» на самого Т. А. Байдусова. В своих показаниях он также подтвердил правдивость предъявленных обвинений и заявил, что продавал напиток преимущественно приезжим[502].

Дело крестьянина И. С. Данилова о производстве «кумышки» в д. Савкине Елизаветинской волости Белебеевского уезда рассматривалось 3 июля 1916 г. контролером 8 участка Уфимского акцизного управления В. А. Михайловым по ходатайству местных жителей. Виновный был привлечен к административной ответственности.

Рассмотренные выше случаи позволяют сделать сразу два вывода. Во-первых, местное население действительно было заинтересовано

---

[499] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 243. Л. 26.
[500] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.
[501] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 276–278.
[502] Там же. Л. 279–280.

в привлечении корчемников к ответственности и оказывало помощь государственным ведомствам, а материальное поощрение еще больше способствовало этому. Во-вторых, дело семьи Галямовых и Т. А. Байдусова может указывать на тот факт, что производители контрафактного спиртного стремились устранять конкурентов для расширения своей деятельности, прибегая к помощи официальных представителей власти.

Следует отметить, что все подобные дела находились на личном контроле управляющего акцизными сборами Уфимской губернии Ю. И. Модейского[503]. Юлиан Иванович Модейский, занимая руководящую должность в Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей, оказал существенное влияние на развитие трезвеннического движения в уфимском крае. Более подробно осветим его биографию.

Ю. И. Модейский родился 11 июля 1867 г. Окончил Харьковский практический технологический институт с присвоением квалификации инженер-технолог. Диплом №1727 выдан 10 августа 1895 г. Трудовую деятельность начал в Черниговском акцизном управлении в должности старшего штатного контролера с 1 апреля 1896 г. Согласно Высочайшему приказу №42 по гражданскому ведомству от 5 июня 1896 г. утвержден в чине коллежского секретаря[504].

Согласно формулярному списку также Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 19 февраля 1899 г. за выслугу лет произведен в титулярные советники. Аналогично пожалован в надворные советники от 20 мая 1905 г., а 16 июня 1909 г. в коллежские советники[505].

За личные заслуги Ю. И. Модейский стал кавалером орденов Св. Станислава 2 (от 6 апреля 1914 г.) и 3 степени (от 2 апреля 1906 г.)[506]. Согласно приказу №52 от 24 июля 1911 г. по Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей старший ревизор Ю. И. Модейский назначен

---

[503] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 280 об.–281.
[504] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 81. Л. 8 об.
[505] Там же. Л. 9 об., 10 об.
[506] Там же. Л. 8 об., 9 об., 37.

управляющим акцизными сборами Уфимской губернии вместо М. А. Куна, уволенного по собственному желанию в связи с ухудшением состояния здоровья[507].

Помимо выполнения прямых служебных обязанностей на посту управляющего акцизными сборами Ю. И. Модейский активно выступал за борьбу с незаконным оборотом спиртных напитков на территории Уфимской губернии и занимался общественной деятельностью. По приглашению попечительства Марии Александровны о слепых № 4763 от 13 июля 1911 г. назначен официальным представителем данного общества в губернии: «с покорнейшею просьбою не отказать принять на себя звание и обязанность Уполномоченного попечительства императрицы Марии Александровны о слепых по Уфимской губернии и руководство в названном районе сбором пожертвований в пользу слепых»[508].

Однако проводя анализ циркуляров и распоряжений по акцизному ведомству, можно сделать заключение, что не все чиновники Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей подходили к делу искоренения народного пьянства с одинаковым рвением. Ряд документов указывает на то, что в целях улучшения статистики некоторые сотрудники составляли формальные протоколы о существовавших нарушениях или вовсе закрывали на них глаза[509].

Для борьбы с халатностью в рядах акцизного ведомства управляющий акцизными сборами Уфимской губернии Ю. И. Модейский неоднократно направлял циркуляр следующего содержания: «…к тем чинам Надзора, которые не будут проявлять в этом направлении своей деятельности, мною будут применяться самые строгие меры воздействия до увольнения включительно»[510].

Чиновникам акцизного надзора предписывалось как можно теснее сотрудничать с государственными и общественными учреждениями (больницы,

---

[507] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 81. Л. 1, 10 об, 19.
[508] Там же. Л. 13.
[509] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 14–15.
[510] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 45. Л. 45.

общества трезвости, канцелярии, учебные заведения, земские собрания), привлекать служащих казенных винных лавок к чтению лекций о вреде алкогольных напитков[511].

Начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Российской империи С. С. Хрипунов сообщал Ю. И. Модейскому в 1915 г.: «…в этом деле содействие самого населения и общественных организаций, преследующих задачи трезвости, приобретают особо важное значение»[512].

Правительство стремилось укрепить связь государственных структур и общественных организаций в деле искоренения народной нетрезвости. Учреждениям культуры и здравоохранения давались рекомендации проводить тематические беседы и лекции в сельской местности и городских рабочих районах о вреде пьянства и об опасности употребления суррогатного алкоголя[513].

Кроме того, 15–24 сентября 1914 г. на Съезде депутатов духовенства Уфимской епархии в помощь государственным и общественным структурам православное духовенство предложило реализовать ряд мероприятий, направленных на борьбу с народным пьянством:

1) организация обществ трезвости в каждом приходе;

2) проведение народных чтений по воскресным и праздничным дням;

3) распространение брошюр о вреде пьянства;

4) проведение бесед и лекций о вреде пьянства в школах;

5) организация лекций в разных центрах епархии под руководством активного борца за трезвый образ жизни Иоанна Хохлова[514].

Много внимания уделялось искоренению потребления спиртных напитков среди детей и подростков. В 1915 г. доктор Д. Т. Андреев проводил социологический опрос среди учащихся 2 медицинского участка и уделил внимание отношению учеников к алкоголю. Результаты превзошли все ожидания.

---

[511] НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 18 об.–19.
[512] Там же. Л. 20.
[513] Там же. Л. 21.
[514] Уфимские епархиальные ведомости, 1914. № 19. С. 374–373.

Из 1144 детей, обучающихся в 21 школе, на вопрос об употреблении спиртного положительный ответ дали 863 мальчика (из 896) и 208 девочек (из 218).

При этом в основном дети были выходцами из крестьянских и рабочих семей и поэтому имели доступ только к дешевым алкогольным напиткам. Мальчики предпочитали водку и пиво, а девочки красное вино. Среди детей встречались и те, кто употреблял чистый спирт. На вопрос: «Нравится ли вкус водки?», положительно ответило более половины[515].

Для пресечения детского алкоголизма организовывались уроки трезвости и нравственности в низших и средних учебных заведениях. В г. Бирске Земское собрание поручило врачам разработать курс лекций и пособий для беседы в школах о вреде алкоголя и его влиянии на здоровье и нравственные устои[516].

Таким образом, в рамках антиалкогольной политики 1914–1917 гг. произошло дальнейшее развитие государственно-общественного партнерства в движении за народную трезвость в Уфимской губернии. Преобладали репрессивные и ограничительные меры со стороны органов государственной власти. Однако помощь духовенства и представителей общественности по-прежнему играла важную роль.

Антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. имела ряд преимуществ и недостатков. Согласно Высочайшему повелению императора Николая II в 1914 г. органам исполнительной власти, земству и полиции были даны серьезные полномочия в борьбе за народную трезвость. На территории Уфимской губернии вводился ряд постановлений, значительно ограничивавших доступность казенного вина, спирта и крепких напитков для простых потребителей.

Жесткая антиалкогольная политика и резкое снижение уровня предложения спиртосодержащих напитков на отечественном рынке спровоцировали колоссальный рост тайного производства и продажи контрафактного спиртного, правонарушений и злоупотреблений в попытке обойти действовавшие

[515] Фельдшерский вестник, 1914. № 39.
[516] Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. Уфа: Электронная типография «Печать», 1916. С. 707.

ограничения. В ответ на это вводились еще более суровые меры, направленные на пресечение деятельности корчемников. В период 1914–1917 гг. в значительной степени усилилось влияние государственного аппарата в вопросе утверждения народной трезвости в Уфимской губернии. На первый план вышли репрессивные и ограничительные меры. Деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости перестала занимать передовую позицию в борьбе с алкогольной зависимостью в регионе.

Правительство, как и во время питейной реформы 1895–1914 гг., делало упор на помощь общественных организаций и населения в деле искоренения народной нетрезвости. Жители губернии поддерживали новое направление социальной политики и активно противостояли подпольным производителям и продавцам спиртного, оказывая поддержку чиновникам Акцизного надзора и полиции.

3.3 Итоги и последствия введения «сухого закона»

Всеобщая мобилизация стала для Уфимской губернии не абстрактным политическим событием, а задачей, которую местная администрация должна была выполнить за две недели, располагая силами уездной полиции и одним гарнизонным полком. Именной высочайший указ о мобилизационном расписании был подписан 16 июля 1914 г. Причем в первоначальный перечень территорий вошли лишь два уезда губернии: Уфимский и Златоустовский[517]. На Южном Урале о мобилизации стало известно в тот же день около 19 ч вечера, а утром 18 июля указ был напечатан в местных газетах.

На действительную военную службу по случаю мобилизации по Уфимской губернии было призвано 109908 чел (нижних чинов запаса и ратников ополчения

[517] Хазиев Р. А., Полянина О. А. «Без жгучей скорби за судьбы своих семей, выполнить… многотрудную обязанность»: мобилизация земских и городских служащих Уфимской губернии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2026. № 3. С. 76–83.

1-го разряда). По уездам распределение призывников представлено в таблице 10[518].

Таблица 10 – Распределение мобилизованных по уездам в 1914 г.

Уезд	Нижние чины запаса	Ратники ополчения 1-го разряда
Белебеевский	13781	11118
Бирский	13337	8521
Златоустовский	6438	3638
Мензелинский	12428	7221
Стерлитамакский	9671	6432
Уфимский	11739	5584
Всего	**67394**	**42514**

В 1915–1916 гг. в действующую армию и народное ополчение были призваны еще 92057 чел (Таблица 11)[519]. В совокупности за три года военных действий по Уфимской губернии, согласно отчетам местных органов государственной власти, было мобилизовано 201965 чел. По состоянию на 1 января 1916 г. население губернии составляло 3291554 чел: 1595191 мужчин и 1696363 женщин[520]. Таким образом, было мобилизовано около 6.14% населения Уфимской губернии. Логично предположить, что мобилизация коснулась преимущественно мужской части населения. Поэтому путем расчета можно сделать следующее заключение: 12.66% мужчин губернии было отправлено на театр военных действий.

Призыв мужской части трудоспособного населения в действующую армию в перспективе был способен обострить ряд социальных проблем и конфликтов, учитывая тяжелое положение военного времени с одновременным ограничением населения к свободному доступу к спиртным напиткам.

[518] Обзор Уфимской губернии за 1914 год… С. 67.
[519] Обзор Уфимской губернии за 1915 год… С. 50.
[520] Там же. С. 7.

Таблица 11 – Распределение мобилизованных по уездам в 1914 г.

Уезд	Призвано и отправлено в войска при досрочном призыве		Призвано после медицинского переосвидетельствования	Призвано ратников в ополчение 1-го и 2-го разряда	**Всего**
	1915 г.	1916 г.			
Белебеевский	2745	2077	1034	11517	**17373**
Бирский	3431	2608	2461	9703	**18203**
Златоустовский	1517	1414	205	4391	**7527**
Мензелинский	2596	2274	379	12935	**18184**
Стерлитамакский	2828	2282	2204	7681	**14995**
Уфимский	3011	2481	1414	8869	**15775**

Первые же дни кампании дали сбой в тех уездных городах, где сборные пункты приняли сразу несколько тысяч чел. 21 июля 1914 г. в г. Бирске начались выступления запасных нижних чинов, тянувшиеся три дня. По сведениям, поступившим в Департамент полиции, толпа численностью от 10 до 12 тыс чел разгромила продовольственный склад и забрала хранившийся в нем хлеб. Требования мобилизованных сводились к упорядочению продовольственного снабжения и выдаче денежного довольствия, которые были удовлетворены местным воинским начальником[521].

Одновременно в г. Стерлитамаке при участии горожан был разгромлен казенный винный склад и несколько торговых заведений. Стерлитамак с населением около 25 тыс чел оказался, по оценке городского головы К. Д. Ростовцева, во власти 12 тыс голодных и пьяных запасных, к которым примкнул весь местный преступный элемент. Восставшие открыли стрельбу по полицейской страже и ранили надзирателя с помощником[522].

[521] Рудник С. Н. «Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль – август 1914 г.) // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: издательство ФГБОУ ВПО «Государственная полярная академия», 2014. С. 166–171.
[522] Там же. С. 168–169.

Полиция по причине малочисленности противостоять толпе не могла. Вся воинская команда города составляла 20 чел, а сам город оказался фактически на осадном положении. Солдаты уничтожили казенный винный склад, хранивший запас в 1 тыс ведер спирта, несколько магазинов и торговых заведений с общим убытком около 100 тыс руб, ограбили несколько квартир.

Восстановить порядок удалось лишь прибывшей 22 июля 1914 г. команде 190-го пехотного Очаковского полка. Полк квартировал в г. Уфе и входил в 48-ю пехотную дивизию 24-го армейского корпуса Казанского военного округа[523]. То есть единственный ближний резерв сам находился в состоянии развертывания и отправки на фронт[524].

Повод для недовольства был не только снабженческим. Ещё 17 апреля 1914 г. Министерство внутренних дел Российской империи разослало по губерниям секретный циркуляр о полном запрете торговли водкой в случае военных действий. Приказом по военному ведомству №309 от 22 мая 1914 г. закрывались питейные заведения в дни и пунктах прохождения маршевых команд и стоянок воинских поездов. С началом войны продажа крепких напитков была запрещена по всей стране за исключением ресторанов первого разряда, клубов, собраний и аптек. 22 августа 1914 г. Высочайшим указом прекращена и продажа спирта, водки и водочных изделий для местного потребления.

Закрытие казенных винных лавок ломало обрядовый каркас проводов, так как обязательным элементом «гульбы» призывника и его родни была водка. Отсюда и география погромов. В Уфимской губернии стихийные выступления прошли в гг. Белебее, Бирске, Златоусте и Стерлитамаке, затронув в том числе казенные винные склады, а среди крестьян зафиксированы и отказы от денежных сборов на военные нужды[525].

---

[523] Обзор Уфимской губернии за 1914 год… С. 68.

[524] 48-я пехотная дивизия 24-го армейского корпуса Казанского военного округа: мобилизация 1914 г. // Итоги Первой мировой войны: портал Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/army/281/ (дата обращения: 04.10.2026).

[525] Федорченко С. З. Народ на войне. М.: Советский писатель, 1990. С. 10, 58–60.

Именно поэтому уездные бунты лета 1914 г. являлись скорее не протестом против войны, а возмущением местного населения против разрушения традиционного ритуала и привычного уклада жизни. Российский историк С. В. Букалова трактовала беспорядки как «реакцию не на войну как таковую, а на факт массового призыва в армию в сочетании с невозможностью сопроводить его привычным ритуалом проводов»[526].

Таким образом, «сухой закон» 1914 г. должен был сыграть роль важного мобилизационного фактора как мера поддержки правопорядка и дисциплины среди новобранцев. Однако нарушение традиции проводов спровоцировало ряд беспорядков и «пьяных» бунтов, породивших массовые недовольства в обществе. Рестораны 1-го разряда, аристократические и офицерские клубы продолжали торговать, их обороты увеличивались. Для крестьянского сословия это выглядело как «трезвость для бедных» – сильный удар по легитимности власти.

После проведения массовых мобилизационных мероприятий в начале Первой мировой войны беспорядки и волнения постепенно утихли. Потребление алкогольной продукции постепенно переходило в теневой рынок, население адаптировалось к новым реалиям. Следующая волна «пьяных» бунтов приходится на 1917 г., когда по Российской империи распространились революционные настроения. С западного фронта начали возвращаться солдаты, социально уязвленные, раненые и озлобленные «империалистической» войной за чужие интересы.

Местные органы государственной власти предвидели такое развитие событий и стремились принять ряд превентивных мер. Запасы спирта осенью 1916 г. уничтожали самотеком в реки и овраги (к работам специально старались привлекать женщин) именно из опасений, что по возвращении с фронта толпа

---

[526] Букалова С. В. «Сухой закон» и «пьяные бунты» августа 1914 г.: реализация политики трезвости в контексте культурной антропологии [Электронный ресурс]. URL: https://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/sukhoi-zakon-i-p-ianyie-bunty-avghusta-1914-gh-riealizatsiia-politiki-triezvosti-v-kontiekstie-kul-turnoi-antropologhii (дата обращения: 04.10.2026).

бросится на склады. Опасения оправдались осенью 1917 г., когда страну накрыли винные погромы «пьяной революции».

Погромные выступления в городах Уфимской губернии в 1917 г. следует рассматривать в контексте действия 3 структурообразующих факторов: многолетнего запрета розничной продажи крепких напитков, концентрацией на казенных складах крупных запасов спирта и присутствием в губернии массового тылового гарнизона.

Винные погромы 1917 г. – одно из ярких проявлений социального кризиса в России после Февральской революции. В условиях ослабления центральной власти, роста напряженности в городах и селах, а также дефицита товаров толпы громили винные склады, чтобы получить спирт. Это не только наносило экономический ущерб, но и угрожало общественному порядку. После свержения монархии власть была рассредоточена между Временным правительством, Советами и местными общественными комитетами. Это приводило к размыванию ответственности и ослаблению контроля на местах. В городах скапливались демобилизованные и отпускные солдаты, безработные, беженцы. Люди остро ощущали нехватку продовольствия и товаров первой необходимости.

Алкоголь стал символом «доступного удовольствия» и одновременно поводом выплеснуть накопившееся недовольство. Спирт был стратегическим ресурсом. Его использовали в медицине, промышленности и, главное, для нужд армии. Министр земледелия В. М. Чернов распорядился сохранять спирт для обороны Родины, что придавало проблеме государственное значение.

Именно г. Белебей стал отправной точкой «пьяных» бунтов. 5 мая 1917 г. городские власти решили избавиться от запаса спиртного (около 25 тыс ведер), сливая его по трубе в ручей, из которого горожане брали воду. Началось паломничество к ручью, а солдаты 152-го пехотного запасного полка сделали логичный вывод. Если спирт уничтожают, значит нельзя этого допустить. Караульные не сдержали натиска однополчан, в ночь с 6 на 7 мая и весь следующий день склад грабили. Дальше беспорядки перенеслись в город. Начались выстрелы, беспричинные драки и грабежи.

Разгром и поджог винного склада в г. Белебее стал тревожным сигналом. Беспорядки могли распространиться на другие населенные пункты губернии. Именно поэтому Уфимский губернский комитет общественных организаций, действуя по поручению властей и в координации с военным ведомством, издал жесткий приказ о пресечении любых попыток погромов[527].

Приказ Уфимского губернского комитета общественных организаций от 12 мая 1917 г. являлся ярким примером того, как местные власти пытались сдержать волну насилия и сохранить стратегически важные ресурсы. Приказ, подписанный штабс-капитаном А. И. Добросмысловым, содержал пять основных пунктов:

1) запрет на любые собрания и митинги рядом с винными складами. Это должно было исключить возможность стихийного формирования толпы, которая могла бы перейти к активным действиям;

2) требование немедленно расходиться по первому требованию милиции или охраны. Таким образом, власти заранее обозначали, что любое промедление будет расцениваться как неповиновение;

3) угроза уголовной ответственности за неповиновение. Это подчеркивало серьезность намерений властей и должно было удержать потенциальных участников беспорядков;

4) право применять решительные меры, вплоть до огнестрельного оружия. Такая формулировка означала, что охрана складов готова защищать имущество любой ценой, включая применение силы;

5) обращение к «сознательным гражданам» не участвовать в беспорядках. Власти пытались разделить общество на «законопослушных» и «бунтовщиков», а также снизить риски для случайных прохожих[528].

Язык документа отражал переходный характер эпохи. В нем сочетались бюрократические обороты старого режима и новые политические реалии.

---

[527] Башкирия в 1917 году. Сборник документов и материалов / Отв. сост. Р. Н. Рахимов. Уфа: Управление по делам архивов Республики Башкортостан, 2017. С. 584.
[528] Там же. С. 584.

При этом тон приказа был предельно жесткий. Власти не скрывали готовности применять силу.

Аналогичные погромы и волнения происходили и в других уголках губернии, – например, в гг. Уфе и Стерлитамаке. Телеграмма начальника Уфимского гарнизона полковника К. Н. Кекушева, председателя военной секции Совета поручика А. К. Евлампиева и секретаря военной секции солдата Большакова Казанскому военно-окружному комитету – ценный документ эпохи революционного кризиса 1917 г. Она фиксирует момент, когда в городе начались массовые беспорядки, и показывает, как взаимодействовали старые и новые органы власти (гарнизон и Совет рабочих и солдатских депутатов)[529].

Погром начался как бытовой конфликт по причине дефицита товаров. В магазине Сагадеева на Верхнеторговой площади продавали галоши по карточной системе (по одной паре в руки). К утру очередь выросла до 200 чел, в основном женщин. При этом солдаты пытались проходить без очереди и перепродавали галоши по завышенным ценам. После того как вывесили объявление, что товар кончился, толпа потребовала обыска, обнаружив припрятанные коробки.

Беспорядки быстро распространились на соседние лавки и Гостиный двор. К вечеру грабеж перерос в погром. Ломали и портили товары, которые нельзя было унести (били пианино, рвали ноты, топтали пластинки)[530]. Милиция и патрули оказались бессильны. Власти опасались, что толпа быстро доберется и до винного склада в г. Уфе, считая, что доступ разъяренной толпы к спиртному способен обострить ситуацию. Активно обсуждался вопрос о введении в городе военного положения[531].

Таким образом, «сухой закон» воспринимался в правительственных и общественных кругах как ключевой мобилизационный фактор. Однако нарушение традиционного ритуала (невозможность устроить «гульбу» и проводы

[529] Башкирия в 1917 году. Сборник документов и материалов… С. 587.
[530] Там же. С. 587.
[531] Там же. С. 591.

новобранцев), дефицит товаров на внутреннем рынке и разрушение мирного уклада жизни спровоцировали массовые народные волнения и беспорядки. Погромы и разграбления казенных винных складов возобновились в 1917 г. с ростом революционных настроений. Пьянство выступило одним из главных факторов дестабилизации, усилило недовольство населения действовавшими порядками. Разъяренная толпа в состоянии алкогольного опьянения была более неуправляемой, вспыльчивой и опасной.

Также нельзя оставить без внимания тот факт, что официальная позиция власти в отношении «сухого закона» 1914–1917 гг. заключалась в упразднении свободной продажи спиртных напитков. Следовательно, пьянство как асоциальное явление должно исчезнуть. Поэтому антиалкогольная кампания в годы Первой мировой войны предопределила снижение роли Уфимского попечительства о народной трезвости и других общественных организаций.

Например, согласно постановлению губернского комитета Уфимского попечительства о народной трезвости в 1915 г. приют-лечебница для алкоголиков был закрыт «за прекращением продажи спиртных напитков и сокращением до минимума числа алкоголиков» и оставлен только амбулаторный прием больных [532]. Здание приюта, включая работный дом, вследствие ходатайства Уфимского губернского отделения Татьянинского комитета был временно передан для содержания детей беженцев[533]. Кроме того, 15 кроватей передано в безвозмездное пользование местного общества Красного креста для оказания помощи раненым солдатам [534]. Таким образом, деятельность попечительства о народной трезвости частично перестроилась на рельсы военного времени для оказания помощи раненым и беженцам в сотрудничестве с другими социальными структурами.

Вместе с тем запрет на продажу спиртных напитков отозвался и на деятельности обществ трезвости. Приток новых членов, в особенности

---

[532] Обзор Уфимской губернии за 1915 год… С. 80.
[533] Там же. С. 80.
[534] Обзор Уфимской губернии за 1914 год… С. 99.

дававших обеты трезвости и воздержания от вина, сразу резко сократился до минимума. Соответственно, «иссякли и средства, так как небольшие взносы, дающих зароки, при их многочисленности, являлись для некоторых обществ главным источником дохода»[535]. Поэтому для одних обществ трезвости возник вопрос о дальнейшем существовании, другие были вынуждены либо сократить свою деятельность, либо обратиться к власти за субсидиями.

На фоне развития тайной выделки и продажи алкогольных напитков и употреблении суррогатов, падение активности обществ трезвости и выхода участников из их состава несомненно негативно сказывались на борьбе с народным пьянством.

Однако следует обратиться к официальной статистике Уфимской губернии. Антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. оказала определенное влияние на уровень смертности и преступности в Уфимской губернии. В 1912 г. случаев смерти от алкогольного отравления было зафиксировано 158[536], в 1913 г. – 222[537], в 1914 – 102[538], а в 1915 г. не было зафиксировано вовсе[539]. Статистика показывает, что по сравнению с 1913 г. произошло снижение данного показателя более чем на 50% в 1914 г.

Полное отсутствие смертей от алкоголя в 1915 г. маловероятно на практике, учитывая число правонарушений в области незаконного оборота и потребления контрафактного спиртного. Вполне возможно занижение статистики местными органами власти, но показатели в губернии несомненно улучшились.

Сообщения о резком падении уровня преступности в результате отрезвления были очень многочисленны и определенны. Они касались не только столицы, но и провинции, городской и сельской среды, глухих уголков и промышленных центров. Почти единогласно отмечалось исчезновение хулиганства, которое было предметом особого внимания общества и

---

[535] Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости… С. 9.
[536] Обзор Уфимской губернии за 1912 год… Приложение № 34.
[537] Обзор Уфимской губернии за 1913 год… Приложение № 39.
[538] Обзор Уфимской губернии за 1914 год… Приложение № 36.
[539] Обзор Уфимской губернии за 1915 год… Приложение № 32.

правительства. Данный вид правонарушения до начала Первой мировой войны принимал настолько угрожающие масштабы, что потребовал разработки и внедрения специальных законодательных мер. Согласно полицейским сведениям, хулиганские действия совершались преимущественно в состоянии алкогольного опьянения. Наряду с падением хулиганства констатировалось резкое уменьшение преступлений против личности, собственности и порядка, а также ослабление других девиантных форм поведения: проституция, профессиональное бродяжничество и нищенство[540].

Многолетний опыт работы полиции Российской империи, в частности в Уфимской губернии, показывал, что рост преступности выпадал на осенний период. Осенью завершались полевые работы. Крестьяне реализовывали сельскохозяйственные продукты и располагали крупными денежными средствами. В совокупности с многочисленными церковными праздниками и наличием свободного времени резко возрастало потребление спиртных напитков и, как следствие, происходил всплеск преступной активности[541].

Однако после введения «сухого закона» данная закономерность нарушилась. Министр юстиции Российской империи А. А. Хвостов на официальной встрече с членом Государственной думы III созыва и активным борцом за народную трезвость М. Д. Челышевым отмечал: «Из донесений, которыя я получил с мест от чинов судебного ведомства, можно усмотреть, что их деятельность сократилась более, чем на половину. Число преступлений и уголовно-наказуемых поступков доведено до минимума и, в связи с этим, мною уже сделано распоряжение о приостановлении всех работ, связанных с устройством новых тюрем» [542]. Официальная статистика 1914–1917 гг. показывала, что преступность резко снизилась. Например, обвиняемых и осужденных по различным преступлениям в Уфимской губернии в 1915 г.

[540] Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости… С. 11.
[541] Там же. С. 13.
[542] Там же. С. 15–16.

(вынесено приговоров 12641)[543] стало меньше на 50.45% по сравнению с 1912 г. (вынесено приговоров 25056)[544].

По делам, рассмотренным в 1914 г. участковыми земскими начальниками и волостными судами губернии к ответственности привлечено 88907 чел, из которых 84891 мужчина и 4016 женщин. Было осуждено 31301 мужчина и 1350 женщин от общего числа обвиняемых. Таким образом, в 1914 г. к уголовной и административной ответственности было привлечено на 6861 чел меньше, чем в 1913 г. К тюремному заключению приговорено меньше на 3304 чел, что говорит о тенденции к снижению уровня преступности в Уфимской губернии[545].

Также в 1915 г. общее число осужденных по вступившим в законную силу приговорам Уфимского окружного суда составило только 19412 чел: 17924 мужчины и 1488 женщин. Таким образом, количество виновных снизилось еще на 13239 чел по сравнению с 1914 г[546].

Более подробная информация по правонарушениям против жизни, чужого имущества и общественного порядка, которые рассматривались окружными и волостными судами Уфимской губернии в 1912–1915 гг. представлена в Приложении 17.

Кроме того, статистические данные говорят о значительном снижении уровня преступности и смертности от отравлений спиртным в Уфимской губернии в 1914–1917 гг., что связано с низким уровнем предложения алкогольной продукции на внутреннем рынке в рассматриваемый период.

Таким образом, итоги реализации «сухого закона» в Российской империи были противоречивыми. Военные действия, дефицит товаров и продуктов первой необходимости в совокупности с запретом спиртных напитков спровоцировали волну «пьяных» погромов сразу же при объявлении всеобщей мобилизации. При этом деятельность обществ трезвости приходила в упадок по причине сокращения взносов и пожертвований, а также вступления новых членов.

---

[543] Обзор Уфимской губернии за 1915 год… Приложение № 31.
[544] Обзор Уфимской губернии за 1912 год… Приложение № 33.
[545] Обзор Уфимской губернии за 1914 год… С. 78.
[546] Обзор Уфимской губернии за 1915 год… С. 58–59.

Уфимское попечительство о народной трезвости перенаправило часть своих ресурсов на помощь раненым и беженцам.

Ограничение производства и продажи спиртных напитков в долгосрочной перспективе выступило дестабилизирующим фактором. Пьянство и погромы казенных винных складов в период революционных волнений и беспорядков только усугубляли обстановку в губернии. Но нельзя оставить без внимания тот факт, что антиалкогольная кампания в годы Первой мировой войны способствовала резкому снижению уровня преступности, хулиганства и девиантных форм поведения (бродяжничество, проституция и нищенство).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Питейное дело и борьба за народную трезвость занимали важное место в социальной и экономической сферах жизни российского общества. На протяжении длительного исторического периода налоговые поступления от рынка алкогольной продукции имели ключевое значение для государственного бюджета России.

Государственно-правовое регулирование рынка алкогольной продукции в период откупной системы было направлено исключительно на извлечение максимальной прибыли для государственного бюджета. Нормативно-правовая база по борьбе с алкогольной зависимостью отсутствовала. Правительство проводило политику искоренения тайного винокурения, олицетворяя незаконных производителей и продавцов спиртных напитков как прямых конкурентов.

Монополия винных откупщиков на отечественном рынке алкогольной продукции привела к коррупции среди законодательных и исполнительных органов государственной власти. На фоне этого произошло падение качества спиртных напитков и впечатляющий рост цен ввиду отсутствия конкуренции в питейном деле и противодействия со стороны правительства.

В 1850–1860 гг. в Российской империи прокатилась волна антиалкогольных выступлений крестьян против произвола откупной системы. На данном историческом этапе появились общества трезвости под покровительством приходского духовенства и Святейшего правительствующего синода Российской империи.

Массовый отказ крестьян от потребления спиртных напитков привел к репрессивным мерам по отношению к участникам трезвеннического движения. Правительство, увидев в обществах трезвости угрозу для экономической стабильности государства, объявило данные организации вне закона.

Однако антиалкогольные выступления крестьян в 1850–1860 гг. подтолкнули российское правительство к реформам алкогольного рынка. На смену винным откупам с 1 января 1863 г. пришла акцизная система,

призванная создать здоровую конкуренцию в сфере производства и продажи спиртных напитков. Но у реформы была и отрицательная сторона. Произошло увеличение предложения и спроса на спиртные напитки.

В период акцизной системы регулирования рынка алкогольной продукции правительство сделало первые шаги в совершенствовании нормативно-правовой базы для продвижения политики народной трезвости и нравственности в государстве. В рассматриваемый период в Российской империи последовательно внедрялись меры по регулированию алкогольного рынка. Вводились ограничения на торговлю спиртными напитками по времени и месту, активизировалась деятельность обществ трезвости, усиливался государственный контроль за производством и сбытом алкогольной продукции. Параллельно с этим осуществлялось планомерное повышение акцизных и патентных сборов, что служило важным источником пополнения государственного бюджета. Данное сочетание ограничительных и «фискальных» мер отражало двойственность государственной политики в сфере оборота алкоголя и движении за народную трезвость.

Распространение пьянства в Российской империи рассматривалось как социокультурный феномен. С развитием рыночных отношений появился крупный контингент социально незащищенных категорий населения: больных, бедных, инвалидов и алкоголиков. Все они нуждались в опеке и попечительстве со стороны общества и государства.

С одной стороны, Российская империя занимала скромное место по количеству потребляемого спиртного на душу населения по сравнению с ведущими державами Западной Европы и США. Но с другой стороны, являлось бесспорным лидером по смертности от алкоголизма и сопутствовавшим ему заболеваниям.

Не менее важным фактором являлась особая форма организации питейного дела в России, которое занимало ключевое положение в финансовой системе государства. Реализация спиртного на внутреннем рынке приносила стабильный доход в бюджет Российской империи.

В Уфимской губернии уровень потребления крепких спиртных напитков был неравномерным в разных сословиях и социальных группах. Наибольшему риску развития хронического алкоголизма подвергалась малообразованная и православная часть общества: крестьянство и рабочий класс. Наименее подвержены этому пороку были представители исламской веры (башкиры и татары), которым религия и традиционный уклад жизни запрещали употреблять алкоголь.

Борьбу государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии можно разделить на три исторических этапа:

1) деятельность духовенства 1865–1894 гг. по организации братств и обществ трезвости, а также распространение литературы антиалкогольного содержания, культуры и грамотности среди крестьянского населения. Движение за народную трезвость находилось на стадии становления. Органы государственной власти не принимали деятельного участия в борьбе с пьянством;

2) в период действия винной монополии 1895–1914 гг. в Российской империи произошло становление и развитие государственно-общественного партнерства в сфере борьбы с пьянством. При активном взаимодействии органов государственной власти и прогрессивных представителей общественности сформировалось губернское попечение о народной трезвости. В частности, Уфимское попечительство о народной трезвости выступало значимым социальным институтом региона, координировавшим просветительскую и профилактическую деятельность, направленную на снижение уровня потребления алкоголя среди населения.

Правительство предприняло значимый шаг в рамках движения за народную трезвость, обеспечив институциональное оформление взаимодействия государства и общества. Ключевую роль в этом процессе сыграло Уфимское попечительство о народной трезвости, которое выступило связующим звеном между государственными структурами и общественными инициативами. Деятельность попечительства регламентировалась специальным уставом,

определявшим его цели, задачи, полномочия и формы работы по профилактике алкоголизма и просвещению населения.

На данном этапе исторического развития произошло закрепление Уфимского губернского попечения о народной трезвости как важного социального института, воплотившего в себе сотрудничество и тесное взаимодействие органов государственной власти, духовенства, учебных заведений и передовых представителей общества.

Культурно-просветительная и воспитательная работа Уфимского попечительства о народной трезвости в вопросе ограждения населения от злоупотребления алкогольными напитками впечатляла своим масштабом. Устраивались народные чтения, вечера и гуляния. На территории Уфимской губернии распространилась сеть народных домов, чайных и библиотек. Деятельность комитетов попечительства о народной трезвости носила социальный и безвозмездный характер.

Несогласованность социальной и экономической политики правительства ограничивала эффект от культурно-просветительной и воспитательной работы Уфимской губернской системы попечения о народной трезвости. Противники реформы настаивали на постепенном сокращении объемов производства и продажи спиртных напитков и поиске альтернативных источников государственных доходов.

3) антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. характеризовалась преобладанием репрессивных и ограничительных методов государственного регулирования в рамках движения за народную трезвость. При этом местные власти продолжали поощрять общественную инициативу и поддержку со стороны граждан с активной позицией. Однако роль общественности в системе антиалкогольных мер стала второстепенной. Приоритет был отдан административным и запретительным инструментам воздействия.

Введение «сухого закона» 1914 г. в Российской империи оказало определенное влияние на антиалкогольное движение в Уфимской губернии. В значительной степени усиливалась роль государственного аппарата в вопросе

утверждения народной трезвости. На первый план вышли репрессивные и ограничительные меры. Деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости и общественных организаций, преследовавших аналогичные цели, перестала занимать передовую позицию в борьбе с алкогольной зависимостью в регионе.

Правительство продолжило делать упор на культурно-просветительную работу и помощь населения в борьбе с пьянством. На первом плане было преследование тайных производителей и продавцов контрафактного алкоголя, активизировавшихся после введения ограничительных мер.

Внедрение исторического опыта Российской империи в сфере попечения о народной трезвости может представлять существенную ценность для современного развития системы социальной защиты населения. В имперский период были сформированы устойчивые традиции взаимодействия органов государственной власти, общественных организаций и частных лиц в рамках антиалкогольной политики. В частности, деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости и комплекс антиалкогольных мер 1914–1917 гг. оказали значительное влияние на развитие трезвеннического движения в Уфимской губернии, создав институциональную и методическую основу для последующих инициатив в этой сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 32. Совет съездов представителей промышленности и торговли. Оп. 1. Д. 373.

2. РГИА. Ф. 231. Учебный отдел министерства путей сообщения. Оп. 1. Д. 2789.

3. РГИА. Ф. 575. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов. Оп. 3. Д. 3998; Оп. 6. Д. 827, 854; Оп. 11. Д. 327.

4. РГИА. Ф. 772. Главное управление цензуры Министерства народного просвещения. Оп. 1. Д. 4781.

5. РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 140. Д. 560.

6. РГИА. Ф. 1024. Покровский Василий Иванович (1838–1915 гг.), статистик, экономист, член-корреспондент Академии наук. Оп. 1. Д. 70.

7. РГИА. Ф. 1278. Государственная Дума I, II, III, IV созывов. Оп. 5. Д. 727, 811.

8. РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел. Оп. 21. Д. 960; Оп. 34. Д. 140.

9. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-130. Комитет Уфимского губернского музея. Оп. 1. Д. 10.

10. НА РБ. Ф. И-131. Губернское акцизное управление. Оп. 1. Д. 45, 81, 149, 153, 156, 162, 163, 167, 187, 206, 210, 226, 227, 232, 243, 248, 291.

11. НА РБ. Ф. И-340. Уфимская городская управа. Оп. 1. Д. 31.

II. Опубликованные источники

1. Башкирия в 1917 году. Сборник документов и материалов / Отв. сост. Р. Н. Рахимов. – Уфа: Управление по делам архивов Республики Башкортостан. – 2017. – 664 с.

2. Инструкция продавцам питей в казенных винных лавках Уфимской губернии. – Уфа: народная типография А. П. Зайкова, 1897. – 63 с. – Текст: непосредственный.

3. Обзор Уфимской губернии за 1879 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1880. – 100 с. – Текст: непосредственный.

4. Обзор Уфимской губернии за 1885 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1886. – 86 с. – Текст: непосредственный.

5. Обзор Уфимской губернии за 1886 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1887. – 112 с. – Текст: непосредственный.

6. Обзор Уфимской губернии за 1891 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1892. – 177 с. – Текст: непосредственный.

7. Обзор Уфимской губернии за 1896 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1897. – 186 с. – Текст: непосредственный.

8. Обзор Уфимской губернии за 1898 год. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1900. – 208 с. – Текст: непосредственный.

9. Обзор Уфимской губернии за 1901 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1903. – 158 с. – Текст: непосредственный.

10. Обзор Уфимской губернии за 1906 год. – Уфа: типография Губернского Правления, 1908. – 139 с. – Текст: непосредственный.

11. Обзор Уфимской губернии за 1912 год. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. – 171 с. – Текст: непосредственный.

12. Обзор Уфимской губернии за 1913 год. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1915. – 119 с. – Текст: непосредственный.

13. Обзор Уфимской губернии за 1914 год. – Уфа: Губернская типография, 1916. – 114 с. – Текст: непосредственный.

14. Обзор Уфимской губернии за 1915 год. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1917. – 128 с. – Текст: непосредственный.

15. Отчет Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1898 год. – СПб: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного дела в России «Е. Евдокимов», 1899. – 403 с. – Текст: непосредственный.

16. Отчет о деятельности Оренбургского попечительства о народной трезвости за 1902 год. – Оренбург: типо-литография Б. Бреслина, 1903. – 127 с. – Текст: непосредственный.

17. Отчет о деятельности Оренбургского попечительства о народной трезвости за 1903 год. – Оренбург: типо-литография Б. Бреслина, 1904. – 49 с. – Текст: непосредственный.

18. Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1908 год. – Пермь: типо-литография губернского правления, 1910. – 55 с. – Текст: непосредственный.

19. Отчет о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости за 1899 год. – Самара: типография Губернского правления, 1901. – 201 с. – Текст: непосредственный.

20. Отчет о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости за 1900 год. – Самара: типография Губернского правления, 1901. – 59 с. – Текст: непосредственный.

21. Отчет о деятельности Самарского попечительства о народной трезвости за 1901 год. – Самара: типография Губернского правления, 1902. – 75 с. – Текст: непосредственный.

22. Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 год. – Уфа: Губернская типография, 1898. – 101 с. – Текст: непосредственный.

23. Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1899 год. – Уфа: Губернская типография, 1900. – 135 с. – Текст: непосредственный.

24. Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1900 год. – Уфа: Губернская типография, 1901. – 38 с. – Текст: непосредственный.

25. Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1904 год. – Уфа: Губернская типография, 1905. – 140 с. – Текст: непосредственный.

26. Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1912 год. – Уфа: Губернская типография, 1914. – 53 с. – Текст: непосредственный.

27. Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год. – Уфа: Губернская типография, 1912. – 52 с. – Текст: непосредственный.

28. Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1913 год. – Уфа: Губернская типография, 1914. – 54 с. – Текст: непосредственный.

29. Отчет Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 год. – Уфа: Губернская типография, 1915. – 27 с. – Текст: непосредственный.

30. Устав Никольского церковно-приходского братства трезвости при Никольской железнодорожной церкви. – Уфа: типография «Сеятель», 1912. – 16 с. – Текст: непосредственный.

31. Устав «Общества взаимопомощи членов Уфимского отдела всероссийского трудового союза христиан-трезвенников». – Уфа: Губернская электрическая типография, 1913. – 15 с. – Текст: непосредственный.

III. Законодательные акты

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1649–1825. Т. I (1649–1675). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1029 с.

2. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. II (1676–1688). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 974 с.

3. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. IV (1700–1712). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 881 с.

4. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XIII (1749–1753). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 959 с.

5. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XIV (1754–1757). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 862 с.

6. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XVII (1765–1766). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1135 с.

7. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XVIII (1767–1769). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1033 с.

8. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XXX (1808–1809). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1404 с.

9. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XXXIII (1815–1816). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1173 с.

10. ПСЗ РИ. Собрание 1649–1825. Т. XXXIV (1817). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 959 с.

11. ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. I (1825–1827). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 1525 с.

12. ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. V (1830). Отделение первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. – 825 с.

13. ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. XL (1865). Отделение первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1867. – 993 с.

14. ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. XLVIII (1873). Отделение второе. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1876. – 648 с.

15. ПСЗ РИ. Собрание 1825–1881. Т. LIV (1879–1880). Отделение первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1881. – 562 с.

16. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. V (1885). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1887. – 1478 с.

17. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. VII (1887). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1889. – 1146 с.

18. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XII (1892). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1895. – 1353 с.

19. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIII (1893). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1897. – 1365 с.

20. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIV (1894). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1898. – 1497 с.

21. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XV (1895). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1899. – 1510 с.

22. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XVII (1897). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1900. – 1562 с.

23. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XVIII (1898). Отделение второе. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1901. – 858 с.

24. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XIX (1899). Отделение первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1902. – 1324 с.

25. ПСЗ РИ. Собрание 1881–1913. Т. XXII (1902). Отделение первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1904. – 1169 с.

IV. Периодическая печать

1. Букалова С. В. «Сухой закон» и «пьяные бунты» августа 1914 г.: реализация политики трезвости в контексте культурной антропологии [Электронный ресурс]. URL:https://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/sukhoi -zakon-i-p-ianyie-bunty-avghusta-1914-gh-riealizatsiia-politiki-triezvosti-v-kontiekstie-kul-turnoi-antropologhii(дата обращения: 04.10.2026).

2. Вестник Оренбургского учебного округа. 1914 г. № 6-7. – Уфа: Электрическая типо-литография Ф. Г. Соловьев и К°, 1914.

3. Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. № 3-4. – Уфа: Электронная типография «Печать», 1916.

4. Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408113961/ (дата обращения: 10.03.2025).

5. 48-я пехотная дивизия 24-го армейского корпуса Казанского военного округа: мобилизация 1914 г. // Итоги Первой мировой войны: портал Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/army/281/ (дата обращения: 04.10.2026).

6. Уфимские епархиальные ведомости, 1879. № 4, 6, 10.

7. Уфимские епархиальные ведомости, 1881. № 17.

8. Уфимские епархиальные ведомости, 1883. № 18, 21, 22.

9. Уфимские епархиальные ведомости, 1884. № 13.

10. Уфимские епархиальные ведомости, 1885. № 2, 6.

11. Уфимские епархиальные ведомости, 1888. № 10.

12. Уфимские епархиальные ведомости, 1889. № 6, 7.

13. Уфимские епархиальные ведомости, 1891. № 11, 19.

14. Уфимские епархиальные ведомости, 1893. № 5, 9, 11, 14.

15. Уфимские епархиальные ведомости, 1895. № 12.

16. Уфимские епархиальные ведомости, 1897. № 18.

17. Уфимские епархиальные ведомости, 1898. № 1, 7, 14.

18. Уфимские епархиальные ведомости, 1903. № 1, 9, 11.

19. Уфимские епархиальные ведомости, 1904. № 5, 6, 14, 15, 16, 17.

20. Уфимские епархиальные ведомости, 1906. № 4, 10, 22.

21. Уфимские епархиальные ведомости, 1908. № 12, 15, 18, 22.

22. Уфимские епархиальные ведомости, 1909. № 16, 22.

23. Уфимские епархиальные ведомости, 1910. № 4, 8.

24. Уфимские епархиальные ведомости, 1912. № 21.

25. Уфимские епархиальные ведомости, 1913. № 7, 8, 9, 18, 19, 20, 21, 23.

26. Уфимские епархиальные ведомости, 1914. № 6, 19, 21.

27. Уфимские епархиальные ведомости, 1915. № 18.

28. Уфимские епархиальные ведомости, 1916. № 4, 11, 12.

29. Уфимские епархиальные ведомости, 1917. № 5, 6.

30. Уфимский вестник, 1915. № 29.

31. Фельдшерский вестник, 1914. № 39.

32. Фельдшерский вестник, 1914. № 42.

33. Фельдшерский вестник, 1915. № 14.

34. Церковные ведомости, 1889. № 34.

V. Статистические и справочные издания

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. III. – СПб.: типография М. О. Вольфа, 1882. – 1782 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. IV. – СПб.: типография М. О. Вольфа, 1882. – 807 с.

3. Настольный энциклопедический словарь. Т. VI. – М.: издательство товарищества «А. Гранат и К°», 1897. – 648 с.

4. Настольный энциклопедический словарь. Т. VII. – М.: издательство товарищества «А. Гранат и К°», 1896. – 681 с.

5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890. – 495 с.

6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. – 495 с.

7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIV. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. – 497 с.

8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVA. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. – 502 с.

VI. Диссертации и авторефераты

1. Букреева О. Г. Библиотечно-просветительная деятельность попечительств о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. пед. наук / О. Г. Букреева. – М., 2008. – 183 с. – Текст: непосредственный.

2. Власова А. В. Социальная деятельность Русской Православной Церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук / А. В. Власова. – Ижевск, 2011. – 386 с. – Текст: непосредственный.

3. Герасимова Д. И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии):

дис. … канд. ист. наук / Д. И. Герасимова. – Уфа, 2016. – 191 с. – Текст: непосредственный.

4. Зарембо Н. Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга (1907–1914 гг.): автореферат дис. … канд. ист. наук / Н. Г. Зарембо. – СПб., 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный.

5. Ивенина Т. А. Система культурно-просветительных организаций и учреждений в дореволюционной России (1859–1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук / Т. А. Ивенина. – М., 2004. – 48 с. – Текст: непосредственный.

6. Ивочкин Д. А. Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви в провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Смоленской губернии): дис. … канд. ист. наук / Д. А. Ивочкин. – Брянск, 2010. – 272 с. – Текст: непосредственный.

7. Караваева Е. В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской Православной Церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. … канд. ист. наук / Е. В. Караваева. – Омск, 2011. – 23 с. – Текст: непосредственный.

8. Кежутин А. Н. Российская общественность в борьбе с социальными болезнями в конце XIX – первой трети XX вв. (на материалах Поволжья и Предуралья): автореф. дис. … д-ра ист. наук / А. Н. Кежутин. – Нижний Новгород, 2020. – 429 с. – Текст: непосредственный.

9. Кузьмина А. В. Организационные и правовые основы деятельности попечительств о народной трезвости в Российской империи: на примере Кубанской области и Черноморской губернии: дис. … канд. юрид. наук / А. В. Кузьмина. – Белгород, 2021. – 203 с. – Текст: непосредственный.

10. Назукина А. А. Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук / А. А. Назукина. – М., 2011. – 249 с. – Текст: непосредственный.

11. Пашков Е. В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX – начала XX вв.: на примере Курской губернии:

дис. … канд. ист. наук / Е. В. Пашков. – Курск, 2009. – 266 с. – Текст: непосредственный.

12. Савченко М. В. Производство и потребление водки в России в годы казенной винной монополии в начале XX века: на материалах Пензенской губернии: дис. … канд. ист. наук / М. В. Савченко. – Пенза, 2002. – 275 с. – Текст: непосредственный.

13. Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы): дис. … канд. ист. наук / О. А. Чагадаева. – М., 2013. – 299 с. – Текст: непосредственный.

14. Шевченко И. А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне центра России в конце XIX – начале XX вв.: дис … канд. ист. наук / И. А. Шевченко. – Липецк, 2015. – 251 с. – Текст: непосредственный.

15. Юргина И. Н. Учреждения социальной помощи в Тверской губернии во второй половине XIX – начала XX в.: дис. … канд. ист. наук / И. Н. Юргина. – Тверь, 2010. – 225 с. – Текст: непосредственный.

VII. Литература

1. Алексеев П. С. О вреде употребления крепких напитков / П. С. Алексеев. – М.: типография И. Д. Сытина и К°, 1888. – 106 с. – Текст: непосредственный.

2. Алексеев П. С. О пьянстве / П. С. Алексеев. – М.: редакция журнала «Русская мысль», 1891. – 185 с. – Текст: непосредственный.

3. Алексеев П. С. Чем помочь великому горю. Как остановить пьянство / П. С. Алексеев. – М.: типография «Ломоносов», 1912. – 46 с. – Текст: непосредственный.

4. Артемьева Л. В. Причины и механизм внедрения винной монополии в России в конце XIX века / Л. В. Артемьева. – Текст: непосредственный // Транспортное дело России. – 2012. – № 6-1. – С. 114–118.

5. Артемьева Л. В. Этапы и механизм введения в России акцизной системы на алкоголь во второй половине XIX века / Л. В. Артемьева. – Текст: непосредственный // Транспортное дело России. – 2011. – № 5. – С. 122–125.

6. Баринова Е. П. Антиалкогольная политика правительства в оценках российских предпринимателей в 1914–1916 гг. / Е. П. Баринова. – Текст: непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 2-2 (93). С. 94–100.

7. Бессолицын А. А. Винная монополия в оценках современников С. Ю. Витте / А. А. Бессолицын. – Текст: непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – № 3. – С. 247–259.

8. Букалова С. В. Государственная политика трезвости в годы Первой мировой войны / С. В. Букалова. – Текст: непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3. С. 18–25.

9. Буловский А. И. Казенная винная монополия / А. И. Буловский. – СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1898. – 31 с. – Текст: непосредственный.

10. Бородин Д. Н. Итоги винной монополии и задачи будущего / Д. Н. Бородин. – СПб.: типография «Самокат», 1908. – 143 с. – Текст: непосредственный.

11. Бородин Д. Н. Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством / Д. Н. Бородин. – СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая типо-литография Виленчик, 1909. – 37 с. – Текст: непосредственный.

12. Букреева О. Г. Культурно-просветительная деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв. / О. Г. Букреева. – Текст: непосредственный // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2014. – № 4. – С. 79–84.

13. Быкова А. Г. Образ жизни и потребление алкогольных напитков населением Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. /

А. Г. Быкова. – Текст: непосредственный // Омский научный вестник. – 2009. – № 5. – С. 61–63.

14. Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX – начале XX вв. / А. Г. Быкова. – Текст: непосредственный // Омский научный вестник. – 2005. – № 4 (33). – С. 22–26.

15. Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости / И. Н. Введенский. – Екатеринбург: ООО ИРА «УТК», 2008. – 44 с. – Текст: непосредственный.

16. Воронина О. Г. Система откупа в царской России XVII–XIX вв. как форма взаимодействия государства и частных лиц / О. Г. Воронина. – Текст: непосредственный // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 11. – С. 165–168.

17. Воронов Д. Н. О самогоне / Д. Н. Воронов. – М.: Государственное медицинское издательство, 1928. – 32 с. – Текст: непосредственный.

18. Глебов А. В. Борьба с пьянством / А. В. Глебов. – СПб.: типография И. Г. Брауде, 1910. – 32 с. – Текст: непосредственный.

19. Горюшкина Н. Е. «Где откуп – там подкуп»: к истории взяток в России / Н. Е. Горюшкина. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2010. – № 2. – С. 88–97.

20. Гредингер М. О. Основы питейной монополии в России / М. О. Гредингер. – Пернов: издание книжного магазина Эмиля Трейфельдта, 1897. – 139 с. – Текст: непосредственный.

21. Гуревич З. А. Алкоголизм: санитарно-гигиеническое исследование / З. А. Гуревич. – Харьков: Государственное издательство Украины, 1930. – 211 с. – Текст: непосредственный.

22. Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним / Э. И. Дейчман. – М.: Общество борьбы с алкоголизмом, 1929. – 224 с. – Текст: непосредственный.

23. Дриль Д. А. Некоторые из причин массового алкоголизма и вопрос о средствах борьбы с ним (доклад, читанный в комиссии по вопросу об алкоголизме 24 октября 1898 года) / Д. А. Дриль. – СПб.: типография П. П. Сойкина, 1899. – 18 с. – Текст: непосредственный.

24. Дриль Д. А. Положения к докладу Д. А. Дриль: «Пьянство, его последствия и законодательные меры против», назначенному к слушанию 28 марта 1888 года / Д. А. Дриль. – М.: типография А. И. Мамонтова и К°, 1888. – 2 с. – Текст: непосредственный.

25. Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Норт Дуглас. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – Текст: непосредственный.

26. Епифанов Н. Н. Записка по вопросу «Чем может и должно быть питейное дело на Руси?» / Н. Н. Епифанов. – Баку: типография А. К. Касабова, 1906. – 272 с. – Текст: непосредственный.

27. Еркеева Ю. В. Исторический опыт партнерства государства и общественных организаций в борьбе за народную трезвость / Ю. В. Еркеева. – Текст: непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 6. – С. 56–62.

28. Ефимов А. А. «Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны / А. А. Ефимов. – Текст: непосредственный // Новейшая история России. – 2019. – № 1. – Том 9. С. 96–109.

29. Жолобова Г. А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III / Г. А. Жолобова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 18–24.

30. Загидуллин И. К. Новая форма этноконфессиональной консолидации: совещание доверенных мусульман Уфимской губернии 1905 г. / И. К. Загидуллин. – Текст: непосредственный // Гасырлар авазы - Эхо веков. – 2016. – № 1-2. – С. 50–56.

31. Канель В. Я. Алкоголизм и борьба с ним / В. Я. Канель. – М.: типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. – 532 с. – Текст: непосредственный.

32. Кантимирова Р. И., Павлова О. С. Культурно-просветительная и досуговая деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости в конце XIX – начале XX века / Р. И. Кантимирова, О. С. Павлова. – Текст: непосредственный // Современная научная мысль. – 2022. – № 6. – С. 79–82.

33. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – XX в.) / Ю. И. Кирьянов. – М.: издательство «Наука», 1979. – 288 с. – Текст: непосредственный.

34. Ковалев И. И. Алкоголизм и борьба с ним / И. И. Ковалев. – М.: издательство Наркомздрава, 1925. – 88 с. – Текст: непосредственный.

35. Кононович Ю. Н. Пьянство и интеллигенция / Ю. Н. Кононович. – М.: Русская печатня С. К. Попова, 1914. – 7 с. – Текст: непосредственный.

36. Кононович Ю. Н. Пьянство хуже смерти: трезвые мысли о нашем всенародном несчастии / Ю. Н. Кононович. – Казань: типо-литография императорского университета, 1912. – 20 с. – Текст: непосредственный.

37. Корнейчук П. О. Подходы к налогообложению в алкогольной отрасли в России в исторической ретроспективе / П. О. Корнейчук. – Текст: непосредственный // Вестник университета. – 2014. – № 9. – С. 114–120.

38. Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания в Российской империи 1914–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии) / А. Д. Котельников. – Текст: непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2024. – № 7. – С. 30–34.

39. Котельников А. Д. Антиалкогольная кампания 1914–1917 гг. в Уфимской губернии / А. Д. Котельников // Мир востока и мир запада: сборник научных статей студентов и аспирантов кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ) в рамках программы «Приоритет 2030». – Уфа: УНПЦ «Издательство УГНТУ», 2024. – С. 100–103.

40. Котельников А. Д. Антиалкогольное общественное движение в Российской империи (1850–1860 гг.) / А. Д. Котельников // Цифровизация: новые тренды и опыт внедрения: сборник статей Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием. – 2025. – С. 55–57.

41. Котельников А. Д. Борьба государства и общества за народную трезвость в Уфимской губернии (1894–1914 гг.) / А. Д. Котельников. – Текст: непосредственный // Современная научная мысль. – 2023. – № 6. – С. 95–100.

42. Котельников А. Д. Государственно-правовое регулирование рынка сбыта, потребления алкогольной продукции в Российской империи: основные аспекты / А. Д. Котельников. – Текст: непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2023. – № 11-2. – С. 72–75.

43. Котельников А. Д., Галиуллина С. Д. Деятельность попечительств о народной трезвости в Уфимской губернии. 1865–1917 гг. (социально-экономический аспект) / А. Д. Котельников, С. Д. Галиуллина. – Текст: непосредственный // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – № 4 (97). – С. 1340–1349.

44. Котельников А. Д. Деятельность приюта-лечебницы для алкоголиков в Уфимской губернии 1910–1914 гг. / А. Д. Котельников. – Текст: непосредственный // LVII международная научно-практическая конференция «EurasiaScience»: сборник статей. – 2023. – С. 166–167.

45. Котельников А. Д. Историографический обзор становления и развития движения за народную трезвость в Российской империи / А. Д. Котельников. – Текст: непосредственный // Современная научная мысль. – 2025. – № 4. – С. 168–180.

46. Котельников А. Д. Исторический опыт борьбы с народным пьянством в Российской империи и зарубежных странах во второй половине XIX в. / А. Д. Котельников // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. – 2024. – С. 238–242.

47. Котельников А. Д. Российский исторический опыт борьбы за народную трезвость на примере Уфимской губернии / А. Д. Котельников //

Востоковедение – сегодня и завтра: сборник научных статей студентов и аспирантов кафедры «Международные отношения, история и востоковедение». – Уфа: УГНТУ. – 2022. – С. 110–112.

48. Котельников А. Д. Социально-экономические особенности развития питейного дела в российском государстве в XIV–XIX вв. / А. Д. Котельников // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XLI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение. – 2024. – С. 40–42.

49. Кудейкин В. Ю., Савинкин А. Е. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) / В. Ю. Кудейкин, А. Е. Савинкин. – М.: Военный университет, 1996. – 440 с. – Текст: непосредственный.

50. Красножен С. Е. Борьба с пьянством и казенная винная монополия в России / С. Е. Красножен. – Юрьев: типография Шнакенбурга, 1901. – 48 с. – Текст: непосредственный.

51. Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века / под ред. С. Б .Окуня, К. В. Сивкова. – М.: издательство социально-экономической литературы, 1963. – 882 с. – Текст: непосредственный.

52. Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. – М.: издательство Люкс, 2005. – 381 с. – Текст: непосредственный.

53. Латыпова В. В. Н. А. Гурвич – наш земляк / В. В. Гурвич. – Уфа: Живая память, 1997. – 78 с. – Текст: непосредственный.

54. Лебедев В. А. Питейное дело / В. А. Лебедев. – СПб.: типография Правительствующего Сената, 1898. – 106 с. – Текст: непосредственный.

55. Любушкина Е. Ю. Общественные организации России в борьбе с алкоголизмом во второй половине XIX – начале XX вв.: социальные практики / Е. Ю. Любушкина. – Текст: непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 101–107.

56. Мариупольский А. Н. Государство и алкоголь в дореволюционной России. Единство и борьба противоположностей / А. Н. Мариупольский. – Текст:

непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4. – С. 229–234.

57. Махрова Т. К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Т. К. Махрова. – Текст: непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 2 (5). – С. 100–107.

58. Мендельсон А. Л. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства / А. Л. Мендельсон. – Петроград: Государственная типография, 1916. – 54 с. – Текст: непосредственный.

59. Мигранова Э. В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. / Э. В. Мигранова. – Текст: непосредственный // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2021. – № 4. – С. 493–507.

60. Миропольский Д. А. Косвенные налоги в России. 1855–1880 / Д. А. Миропольский. – СПб.: типография Ф. Г. Елеонского и К^0, 1880. – 103 с. – Текст: непосредственный.

61. Мокроносова В. С. Исторические аспекты развития института опеки и попечительства в период Российской империи / В. С. Мокроносова. – Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-3. – С. 45–47.

62. Мухачев Н. В. Откупа и акцизы при поставках крепких напитков в Верхнем Поволжье в XVIII–XIX вв. / Н. В. Мухачев. – Текст: непосредственный // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – № 1. – С. 163–166.

63. Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. / Отв. ред. Р. Г. Скрынников, Н. А. Копанев. – Ленинград: БАН СССР, 1989. – 47 с.

64. Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система / Э. Ф. Нольде. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1882. – 40 с.

65. Нургалиев А. Р. Организация музейного дела в Уфимской губернии (1865–1917 гг.) / А. Р. Нургалиев. – Текст: непосредственный // Мир востока и

мир запада: сборник научных статей студентов и аспирантов кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ) в рамках программы «Приоритет 2030». Уфа: УНПЦ «Издательство УГНТУ», 2024. – С. 142–144.

66. Осипов Н. О. Винная монополия, ее основные начала, организация и некоторые последствия / Н. О. Осипов. – СПб.: типография «П. П. Сойкина», 1899. – 125 с. – Текст: непосредственный.

67. Осипов Н. О. Казенная продажа вина (Основные начала винной монополии и способы ее осуществления) / Н. О. Осипов. – СПб.: Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей, 1900. – 555 с. – Текст: непосредственный.

68. Позняк Т. З. «Сухой закон», региональные власти и население Владивостока в период Первой мировой войны и Революции 1917 г. / Т. З. Позняк. – Текст: непосредственный // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 3. – С. 61–71.

69. Поляков П. И. Православное духовенство в борьбе с народным пьянством / П. И. Поляков. – СПб.: типография П. П. Сойкина, 1900. – 22 с. – Текст: непосредственный.

70. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа / И. Г. Прыжов. – СПб.: издательство «М. О. Вольф», 1868. – 320 с. – Текст: непосредственный.

71. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / Отв. ред. Волин М. С. – М.: издательство «Наука», 1983. – 575 с. – Текст: непосредственный.

72. Рождественский И. И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне / И. И. Рождественский. – Уфа: Губернская типография, 1914. – 32 с. – Текст: непосредственный.

73. Рождественский И. И. Правда об алкоголе / И. И. Рождественский. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1911. – 22 с. – Текст: непосредственный.

74. Рудник С. Н. «Сухой закон» и «пьяные бунты» в период мобилизации войск (июль – август 1914 г.) / С. Н. Рудник. – Текст: непосредственный // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: издательство ФГБОУ ВПО «Государственная полярная академия», 2014. – С. 166–171.

75. Сафронов С. А. «Сухой закон» в России по воспоминаниям современников 1914–1918 / С. А. Сафронов. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 548 с. – Текст: непосредственный.

76. Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. – М.: Российский архив, 2006. – 703 с. – Текст: непосредственный.

77. Сикорский И. А. Алкоголизм и питейное дело / И. А. Сикорский. – Киев: типография товарищества «И. Н. Кушнерев и К°», 1897. – 56 с. – Текст: непосредственный.

78. Соколов С. И. Казенная продажа питей / С. И. Соколов. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1898. – 432 с. – Текст: непосредственный.

79. Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. / А. М. Соколов. – М.: издательство «Наука», 1990. – 274 с. – Текст: непосредственный.

80. Сулейманова М. Н., Нигматуллина З. Ф. История комплектования фондов Национального музея Республики Башкортостан: предметы из дерева / М. Н. Сулейманова, З. Ф. Нигматуллина. – Текст: непосредственный // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 11 (55). – С. 118–122.

81. Сулиева А. В. Деятельность Кубанского и Ставропольского попечительств о народной трезвости в области просвещения и библиотечного дела / А. В. Сулиева. – Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 192–194.

82. Титоренко М. Ф., Чупрова А. А. К вопросу антиалкогольной политики и историко-правовых начал деятельности Комитетов попечительств о народной трезвости в Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX века) /

М. Ф. Титоренко, А. А. Чупрова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 9. – С. 10–13.

83. Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1910. – 431 с. – Текст: непосредственный.

84. Тяпугин Н. П. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе / Н. П. Тяпугин. – М.: Государственное медицинское издательство, 1929. – 124 с. – Текст: непосредственный.

85. Федорченко С. З. Народ на войне / С. З. Федорченко. – М.: Советский писатель, 1990. – 399 с. – Текст: непосредственный.

86. Хазиев Р. А., Полянина О. А. «Без жгучей скорби за судьбы своих семей, выполнить… многотрудную обязанность»: мобилизация земских и городских служащих Уфимской губернии в годы Первой мировой войны / Р. А. Хазиев, О. А. Полянина. – Текст: непосредственный // Военно-исторический журнал. – 2026. – № 3. – С. 76–83.

87. Ханухов Э. Р. Государственное регулирование рынка алкогольной продукции России. Историческая ретроспектива / Э. Р. Ханухов. – Текст: непосредственный // Пищевая промышленность. – 2010. – № 6. – С. 36–38.

88. Щербинин П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / П. П. Щербинин. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – № 2. – Том 1. – С. 62–72.

VIII. Источники личного происхождения

1. Витте С. Ю. Воспоминания. Том II / С. Ю. Витте. – М.: издательство социально-экономической литературы, 1960. – 570 с. – Текст: непосредственный.

2. Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2 / К. П. Победоносцев. – М.: Новая Москва, 1926. – 384 с. – Текст: непосредственный.

3. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. / А. Ф. Редигер. – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1999. – 574 с. – Текст: непосредственный.

4. Савич Н. В. Воспоминания / Н. В. Савич. – СПб.: Дюссельдорф: Logos, Голубой всадник, 1993. – 490 с. – Текст: непосредственный.

5. Челышев М. Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам / М. Д. Челышев. – СПб., 1912. – 786 с. – Текст: непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1 – Общие сведения о питейном доходе 1863–1879 гг.

Год	Акцизный сбор, тыс руб			Патентный сбор, тыс руб	Всего, тыс руб	Число питейных заведений
	спирт и вино	пиво	фруктово-водочные заводы			
1863	122746.645	1591.884	76.047	7603.182	131927.758	257531
1864	114378.843	1308.912	49.216	7086.766	122552.837	277434
1865	111605.542	1110.065	115.257	8774.870	121605.774	253830
1866	107374.758	1133.408	229.864	8585.893	117323.923	390654
1867	121781.572	1758.255	141.571	9545.643	133226.941	411103
1868	121260.852	1638.430	134.770	9336.680	132370.732	377704
1869	121979.744	1549.273	134.424	12955.950	136339.391	394905
1870	149137.973	1865.047	132.950	11619.917	162755.887	259997
1871	156504.258	2035.913	132.667	14903.113	173575.951	289147
1872	155405.376	2208.087	122.910	13776.969	171523.342	274589
1873	157931.511	2405.056	158.266	18009.821	178498.954	260860
1874	175505.899	2661.360	93.800	20930.964	199192.023	197328
1875	173722.243	3091.374	136.326	19805.026	196694.969	192399
1876	167096.540	3470.310	159.982	19704.395	190431.227	178648
1877	166753.290	3347.745	108.096	18957.023	189166.154	178154
1878	188709.394	3691.593	118.217	18861.802	212382.006	181979
1879	199861.208	4761.166	192.941	20250.000	227173.408	–

Источник: Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1882. С. 40.

Приложение 2

Рисунок 1 – Этикетка на стеклянной посуде (казенное вино)

Рисунок 2 – Этикетка на стеклянной посуде (ректификованный спирт)

Источник: НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 187. Л. 15–16.

Приложение 3

Рисунок 3 – Ошейник с чугунной звездой с надписью «За пьянство»

Источник: Государственный исторический музей, г. Москва. Вес экспоната – 4.1 кг. Первая половина XVIII в. Такой «медалью» весом 4.1 кг «награждались» рабочие Демидовских заводов.

Приложение 4

Рисунок 4 – Знак членов попечительства о народной трезвости

Источник: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1881–1913. Т. XV (1895). СПб.:Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Приложение к № 11367. Л. 3.

Приложение 5

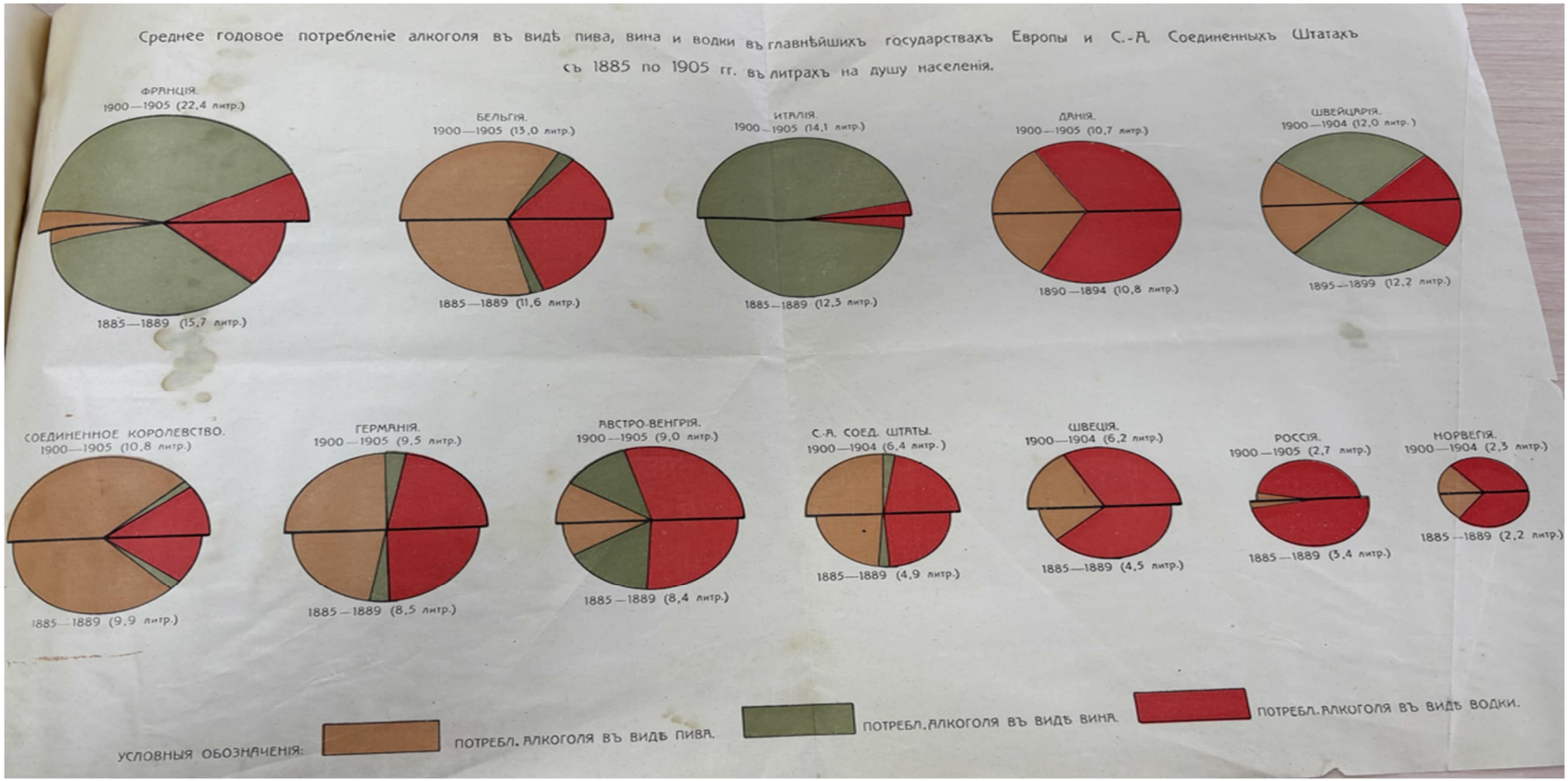

Рисунок 5 – Среднегодовое потребление алкоголя в Европе и США (1885–1905 гг.)

Источник: Совет съездов представителей промышленности и торговли. СПб.: типография товарищества «Электро-типография Н. Я. Стойковой», 1909. С. 23.

Приложение 6

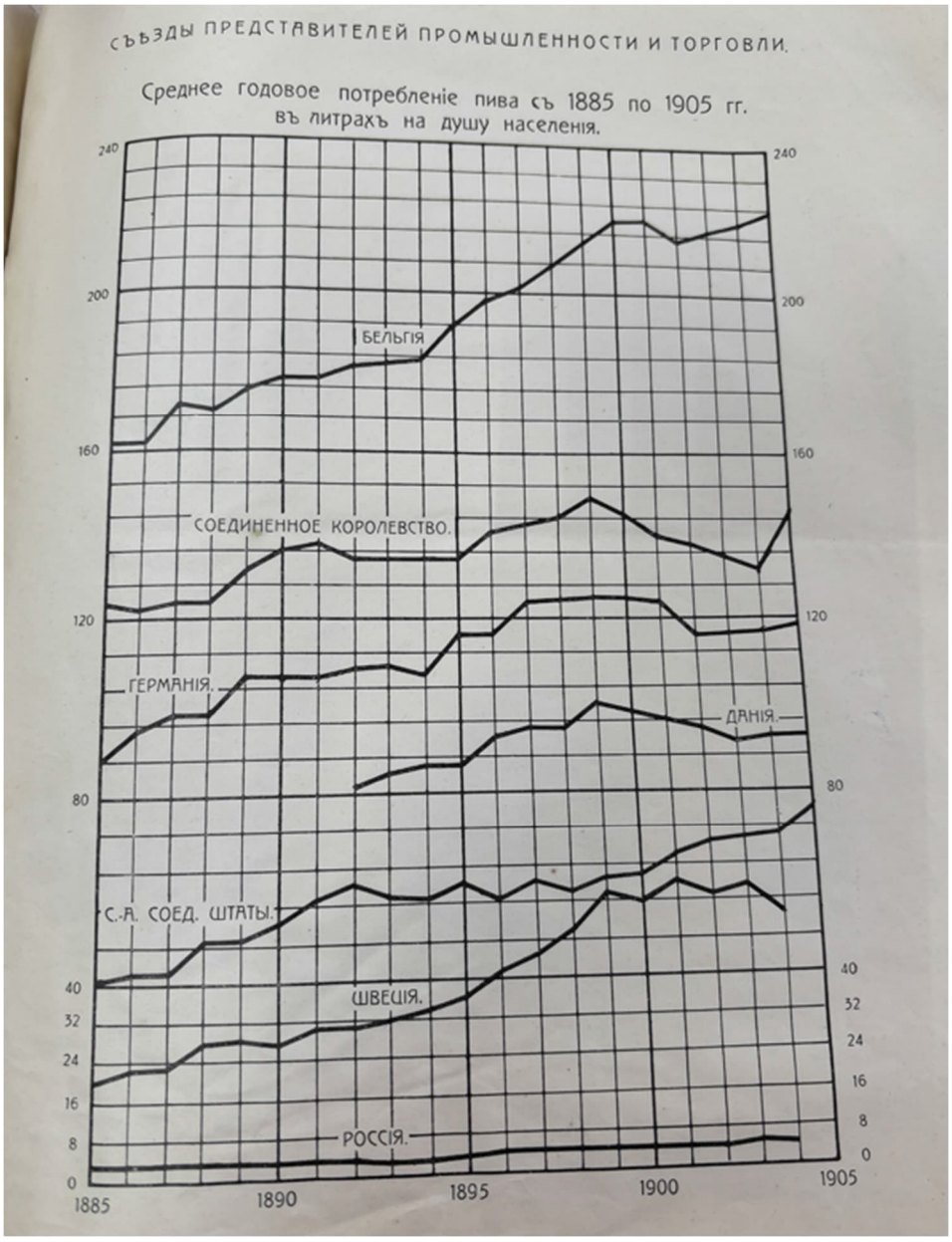

Рисунок 6 – Среднегодовое потребление пива в Российской империи (1885–1905 гг.)

Источник: Совет съездов представителей промышленности и торговли. СПб.: типография товарищества «Электро-типография Н. Я. Стойковой», 1909. С. 21.

Приложение 7

Рисунок 7 – Реклама пивных напитков

Источник: Гуляев А. А. Иллюстрированная Уфа: Уфа в прошлом и настоящем. Уфа: Электрическая типо-литография товарищества Ф. Г. Соловьев и К°, 1914. С. 203.

Приложение 8

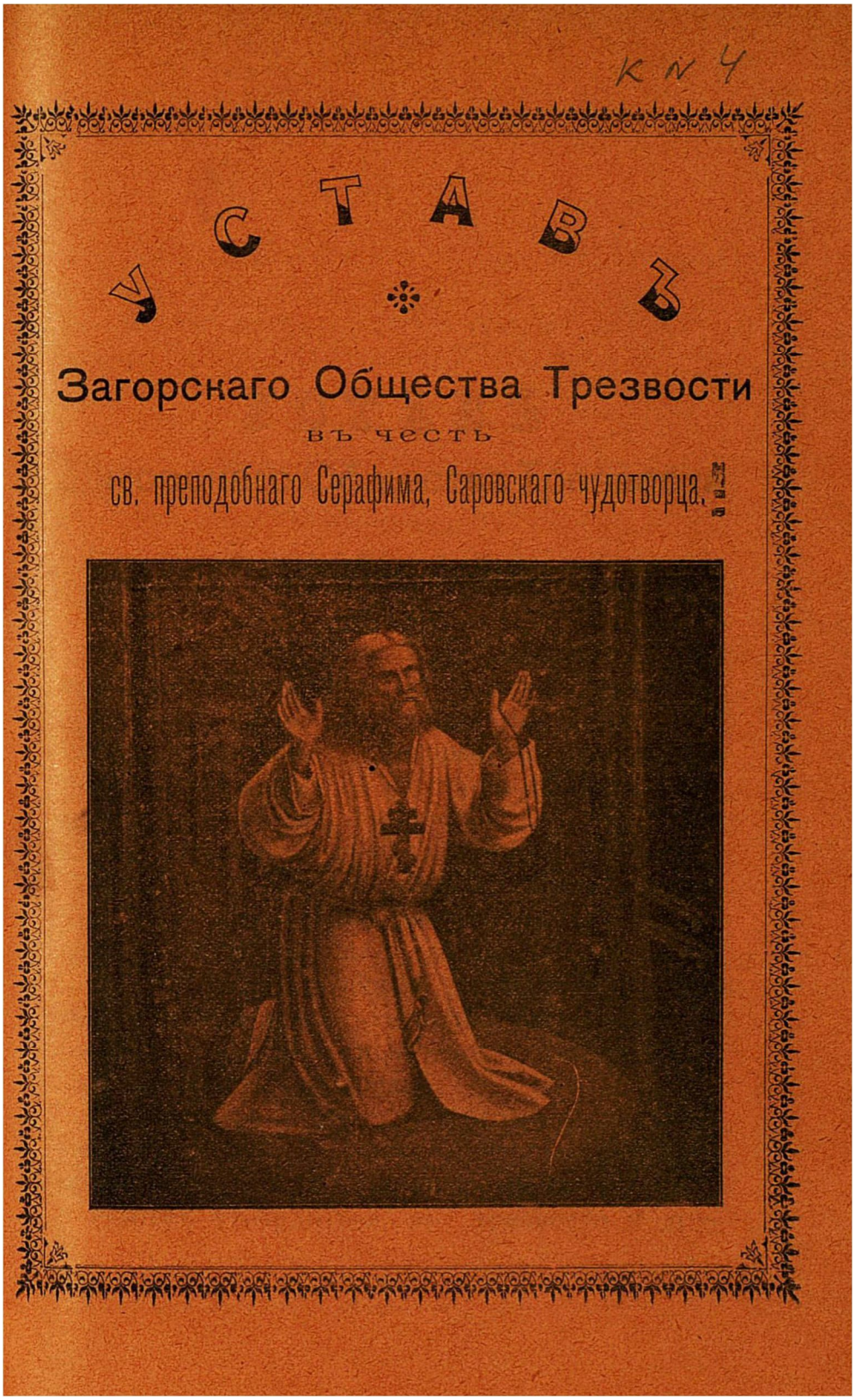

Рисунок 8 – Устав Загорского общества трезвости

Источник: Уфимские епархиальные ведомости, 1906. № 4. С. 275.

Приложение 9

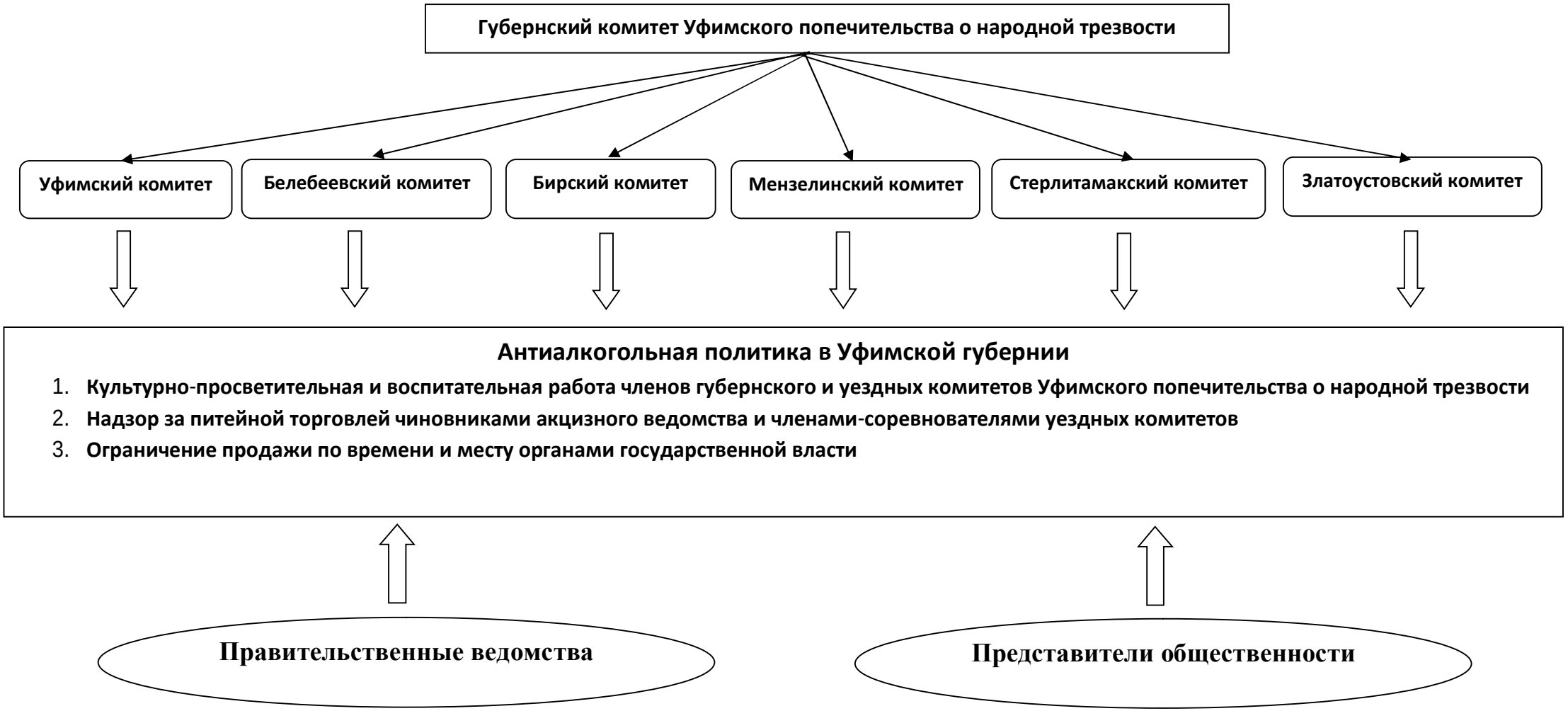

Рисунок 9 – Структура Уфимского попечительства о народной трезвости

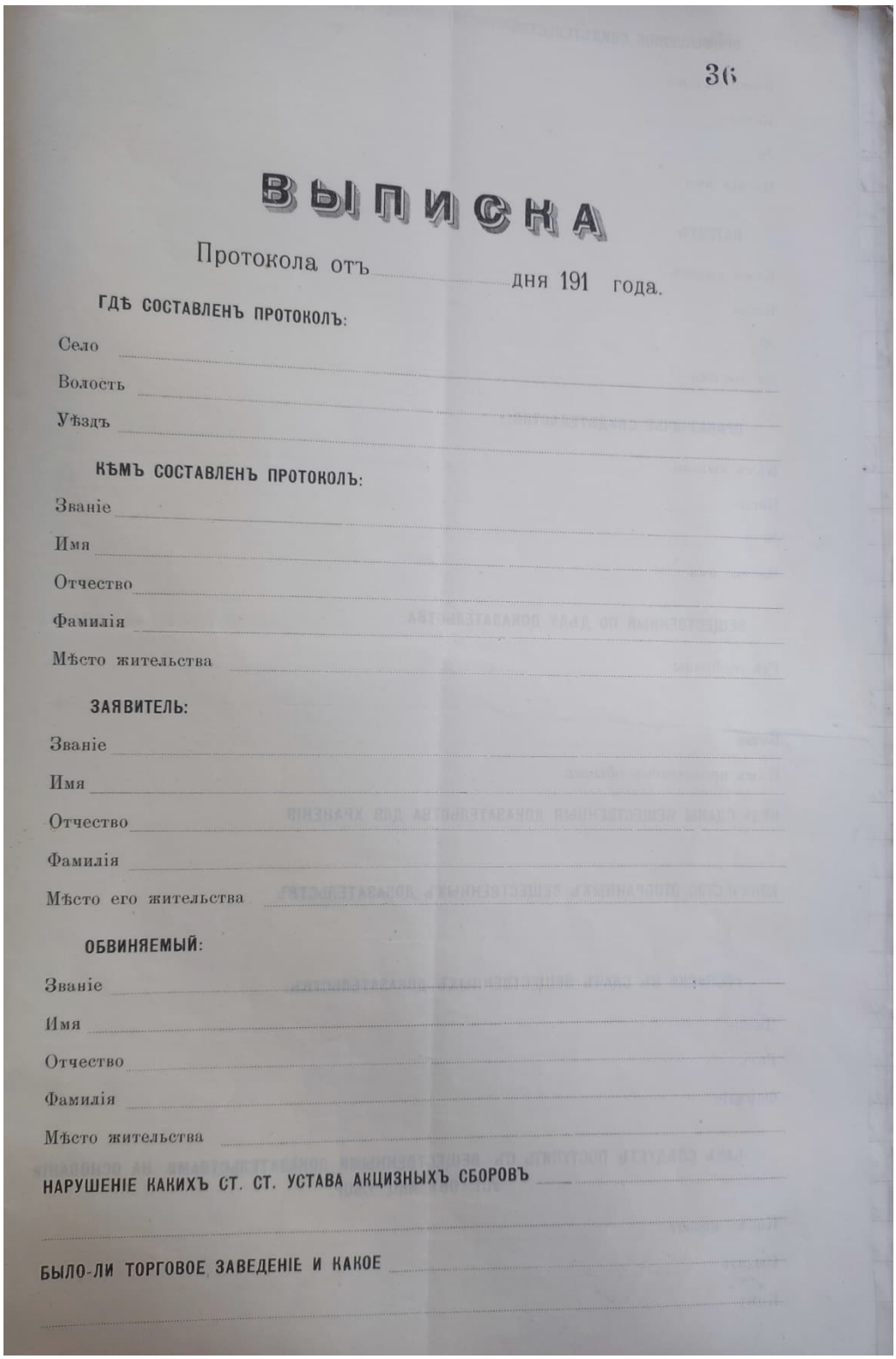
Приложение 10

Рисунок 10 – Фото Н. А. Гурвича

Источник: Музейные маршруты: Национальный музей Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Yiss6OOjCR1lpfPH (дата обращения: 26.02.2025).

Приложение 11

36

ВЫПИСКА

Протокола отъ ..... дня 191 года.

ГДѢ СОСТАВЛЕНЪ ПРОТОКОЛЪ:

Село .....

Волость .....

Уѣздъ .....

КѢМЪ СОСТАВЛЕНЪ ПРОТОКОЛЪ:

Званіе .....

Имя .....

Отчество .....

Фамилія .....

Мѣсто жительства .....

ЗАЯВИТЕЛЬ:

Званіе .....

Имя .....

Отчество .....

Фамилія .....

Мѣсто его жительства .....

ОБВИНЯЕМЫЙ:

Званіе .....

Имя .....

Отчество .....

Фамилія .....

Мѣсто жительства .....

НАРУШЕНІЕ КАКИХЪ СТ. СТ. УСТАВА АКЦИЗНЫХЪ СБОРОВЪ .....

.....

БЫЛО-ЛИ ТОРГОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ И КАКОЕ .....

.....

Рисунок 11 – Форма протокола о тайной продаже алкогольных напитков

Источник: НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 217. Л. 36

Приложение 12

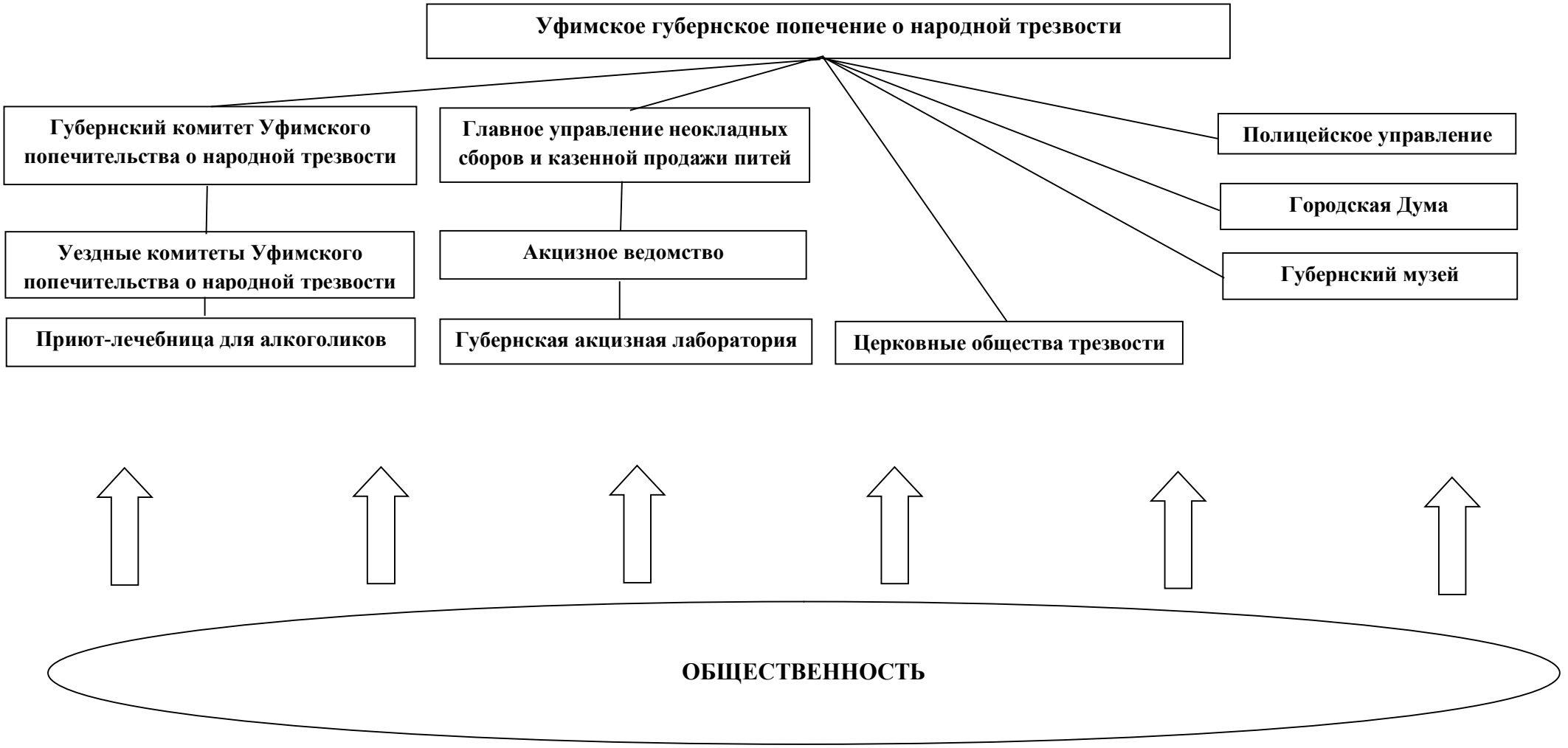

Рисунок 12 – Уфимское губернское попечение о народной трезвости

Приложение 13

Рисунок 13 – План приюта-лечебницы для больных алкоголизмом в г. Уфе

Источник: Отчет о деятельности Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год. Уфа: Губернская типография, 1912. С. 53.

Приложение 14

Таблица 2 – Расходы на содержание приюта-лечебницы для алкоголиков в 1910–1911 гг.

Статья расхода	Сумма, руб
Питание больных и медицинского персонала, мелкие хозяйственные расходы	2715.13
Приобретение оборудования	625
Оплата медикаментов	90.64
Отопление	495
Электричество	173.58
Водоснабжение	31.57
Вывоз бытовых отходов	91.80
Телефонная связь	75
Страхование здания	52.66
Праздник в честь открытия Приюта-лечебницы	75
Ремонт и издание брошюры «Правда об алкоголе»	300
Открытие прачечной	1862.99
Жалованье 2 врачам	1800
Жалованье среднему и низшему медицинскому персоналу	1167.91
Премия среднему и низшему медицинскому персоналу	100
Вознаграждение священника Афанасия за исполнение духовных треб	50
Итого	**9506.28**

Источник: Отчет о деятельности Уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1911 год. Уфа: Губернская типография, 1912. С. 35.

Приложение 15

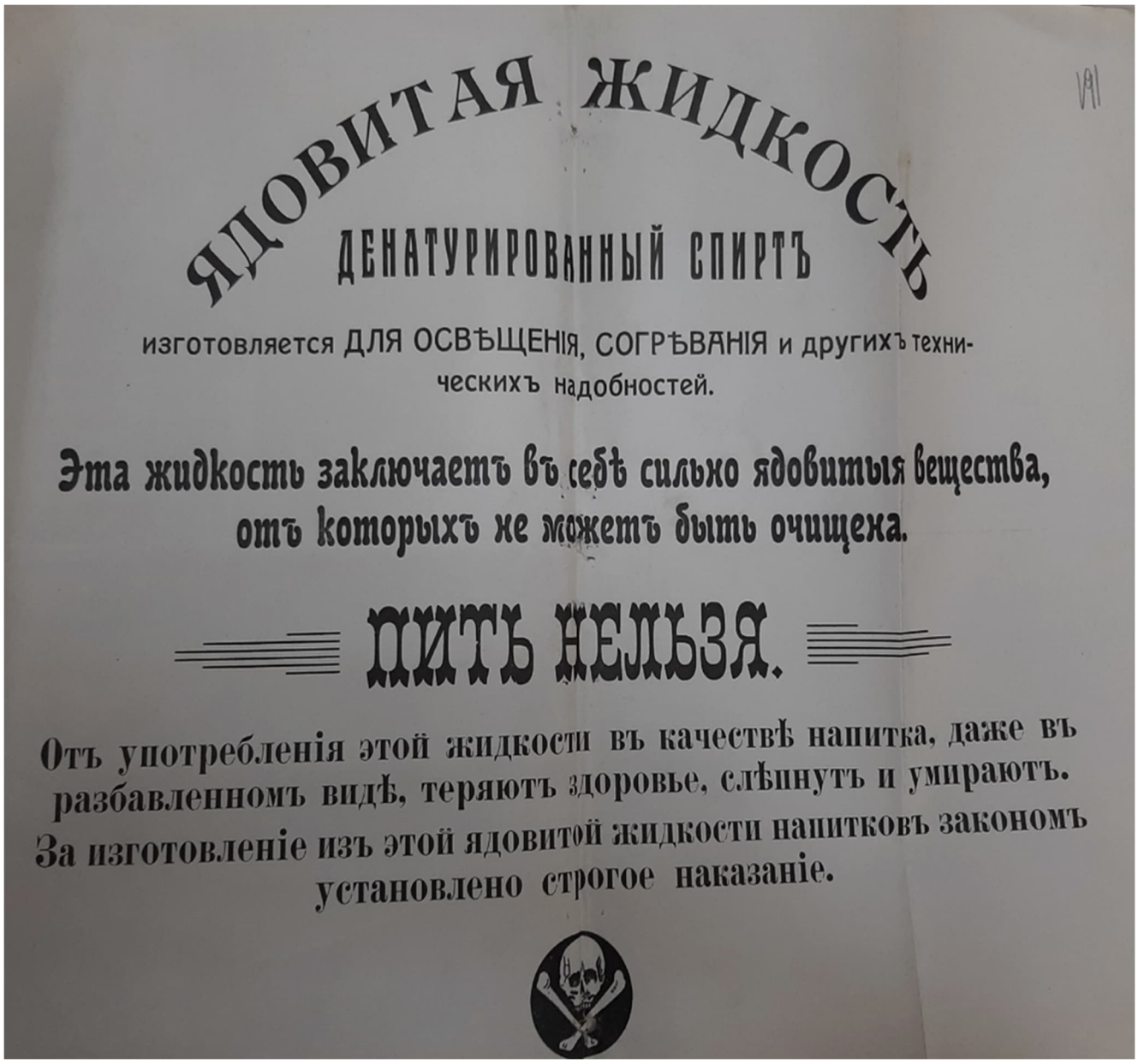

Рисунок 14 – Плакат о вреде денатурированного спирта

Источник: НА РБ. Ф. И-131. Оп. 1. Д. 227. Л. 35.

Приложение 16

Год IX. 1—8-го Января 1914 г. 1—2.

Фельдшерскій Вѣстникъ

Органъ Союза обществъ помощниковъ врачей.

ARHEOL

$C^{16}H^{26}O$

Единственное дѣйствующее начало санталовой вытяжки.
Не вызываетъ болей въ почкахъ.

Гонорея, Циститъ, Катарръ пузыря.

10—12 капсюль въ день.

Лабораторія: ASTIER—45, Rue du Docteur Blanche. PARIS.

Пробы и литература въ отдѣленіи фирмы ASTIER, Варшава, Золотая, 27.

Въ больницу Богословскаго завода,

Верхотурскаго уѣзда,

приглашается школьный фельдшеръ; жалованье 60 рублей, квартирныхъ 10 руб., путевыя по дѣйствительной стоимости до 50 руб. 8—1—1.

ЮРЬЕВСКІЕ ЧАСТНЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКІЕ КУРСЫ.

Ю. Ч. У. Курсы—ВЫСШЕЕ учебное заведеніе въ полномъ составѣ пяти курсовъ медицинскаго факультета, существуютъ 7-й годъ и дали два выпуска врачей. Открытъ пріемъ прошеній на весенній семестръ 1915 г. на I, II, III курсы (плата по 75 р.) и на IV и V курсы (плата по 100 р. въ сем.). Принимаются лица обоего пола съ 17-лѣтняго возраста съ цензомъ среднихъ учебныхъ заведеній, на II—V курсы также и слушателей другихъ высшихъ курсовъ и университетовъ русскихъ и иностранныхъ, съ зачетомъ прослушанныхъ семестровъ.

На I курсъ могутъ быть приняты, по усмотрѣнію Совѣта и лица, не имѣющія пока аттестата средняго учебнаго заведенія, но впослѣдствіи, для допущенія къ экзаменамъ на степень лекаря, необходимо будетъ представленіе такого аттестата.

Прошенія подаются на имя Директора Курсовъ, г. Юрьевъ, Лифл. губ., Промышленая ул.

Подробности высылаются Канцеляріей Курсовъ, (прилагать почт. марки). 10—2—1.

ВЪ РУДНИЧНУЮ БОЛЬНИЦУ

требуется фельдшеръ. Окладъ—60 руб. въ мѣсяцъ при квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Обращаться по адресу: Чугуголь, Екатеринославской губ., врачу Бѣлянскихъ копей. 2—1—1.

САЛОТОПНЫЙ и МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОДЪ и ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

провизора **В. А. ЛЕПСКАГО,** Москва, Марьина роща, с. д.

ПРЕДЛАГАЕТЪ ОТВѢЧАЮЩЕЕ ВСѢМЪ ТРЕБОВАНІЯМЪ РОССІЙСКОЙ ФАРМАКОПЕИ:

САЛО свиное Московскихъ городскихъ боенъ, ВАЗЕЛИНЪ бѣлый и желтый безъ запаха и вкуса,
МЫЛО медицинское зеленое, а также карболовое, дегтярное, сулемовое, формалиновое, креолиновое, борное, салициловое, сѣрно-дегтярное по рецепту проф. Поспѣлова и друг.
МЫЛО для стирки бѣлья и чистки: Ядровое и мраморное, брусками по 5 и 1 фун. ящиками въ 1, 2, 3 и 6 пуд., „Техно-санитарное“, „Альмега“ для паровой стирки, Марсельское марки „Голубь“ по 50, 100 и 200 кусковъ въ ящикѣ.
ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА: семейное, глицериновое, земляничное, черемуховое, ланолино-глицериновое, прозрачно-глицериновое, миндальное, мятное, личное и друг.

Цѣны фабричныя, условія по первому требованію.

Рисунок 15 – Журнал «Фельдшерский вестник»

Источник: Фельдшерский вестник, 1914.

Приложение 17

Таблица 3 – Сравнительная характеристика правонарушений в 1912–1915 гг.

Вид правонарушения (приговор вступил в законную силу)	1912 г.			1913 г.			1914 г.			1915 г.		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Оскорбление должностного лица	1267	55	1322	1021	110	1131	1105	87	1192	478	56	536
Нарушение правопорядка	3778	95	3873	4247	135	4382	3354	116	3470	1430	78	1508
Оскорбление чести, угрозы и насилие	4942	481	5423	4675	537	5212	4153	501	4654	3106	504	3610
Нарушение семейных прав	59	2	61	149	13	162	231	18	249	169	39	208
Повреждение чужого имущества	2313	80	2393	2827	41	2868	1049	23	1072	716	66	782
Повреждение и хищение леса	9262	68	9330	5426	39	5465	3172	54	3226	4013	180	4193
Кража и мошенничество	2493	161	2654	3099	189	3288	3213	171	3384	1488	218	1706
Нарушение военного устава	–	–	–	–	–	–	28	–	28	56	4	60
Нарушение устава об акцизных сборах	–	–	–	–	–	–	1	–	1	8	2	10
Нарушение правил пользования огнем	–	–	–	40	1	41	17	3	20	10	4	14
Нарушение правил об охоте	–	–	–	13	–	13	9	–	9	16	–	16
Итого	**24114**	**942**	**25056**	**21497**	**1065**	**22562**	**16332**	**973**	**17305**	**11490**	**1151**	**12641**

Источники: Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. Приложение № 33; Обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1915. Приложение № 38; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа: Губернская типография, 1916. Приложение № 35; Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1917. Приложение № 31.